

ЗАВТРА ТЕБЯ ЗАБУДУТ

АНТОН УРБЕЛИН

Антон Урбелин

Завтра тебя забудут

<https://litres.ru/74427384>

SelfPub; 2026

Аннотация

Варя снимает свой микрорайон для школьного проекта — и замечает то, чего не должно быть на снимке. А наутро оказывается, что про одного одноклассника помнит только она.

В анонимном школьном канале шутят про тех, кого «завтра никто не хватится». Шутка звучит всё менее шуткой. Камера не врёт. Люди — легко.

Чтобы понять, куда уходит память района, Варя придётся перестать прятаться за объективом — и решить, что важнее: удобное забвение или чужое имя, сказанное вслух.

Содержание

Глава 1. Лишний на фотографии	5
Глава 2. Пустая парта	13
Глава 3. Плёнка помнит	21
Глава 4. Проверка на двоих	29
Глава 5. Бирка Паши	37
Глава 6. Тринадцать минут	45
Глава 7. Тот, кого нет	53
Глава 8. Ночной маршрут	62
Глава 9. Окно без кассира	71
Глава 10. Первый опыт	79
Глава 11. Человек с ключами	87
Глава 12. Девочка из кинотеатра	95
Глава 13. Три голоса	103
Глава 14. Архив района	111
Глава 15. Чужая память	119
Глава 16. Вернуть Мишу	127
Глава 17. Не герой	136
Глава 18. Мама забывает	144
Глава 19. Полный ролик	151
Глава 20. Отряд распадается	159
Глава 21. Круг без выхода	167
Глава 22. Администратор	174
Глава 23. Три свидетеля	182

Глава 24. Район глохнет	190
Глава 25. Ксюша	198
Глава 26. Последняя ячейка	206
Глава 27. Удобное забвение	213
Глава 28. Что мы помним	221
Глава 29. Вернуть вещи	229
Глава 30. Войти в кадр	236
Конец ознакомительного фрагмента.	243

Антон Урбелин

Завтра тебя забудут

Глава 1. Лишний на фотографии

Варя подняла камеру так, чтобы в кадр вошёл весь коридор школы № 47: жёлтые стены после летнего ремонта, ряд шкафчиков с вмятинами и окно в конце, за которым уже сеял мелкий осенний дождь. Плёночный щелчок получился тихим, почти домашним. Цифровой телефон в кармане вибрировал чаще и наглее.

В чате класса снова всплыл анонимный канал.

«Кого завтра никто не хватится?» — второй день.

Под опросом росли цифры. Вчера лидировали имена, которые все называли «ради смеха»: староста, вечно отсутствующий физрук, кто-то из параллели. Сегодня вверху стояло другое.

Миша Соколов — семнадцать голосов.

Варя не открывала комментарии. Их и так было слышно из раздевалки: кто-то хохотал, кто-то спорил, что «это вообще не считается», кто-то уже придумывал мемы. Для проекта «Мой район» ей нужен был коридор — свет, пустота между уроками, следы подошв у батареи, — а не чужой рейтинг исчезновения.

Она сделала ещё один кадр ближе: мокрый след от ботинок, облупившаяся краска, угол объявления про субботник. Потом отошла к лестнице и поймала отражение в стекле двери — себя с камерой и кусок чужого плеча.

Микрорайон Речной за окном выглядел как всегда: панельные дома, новые башни за ними, мокрый двор и автобус, который вечно опаздывал на две минуты. Варя любила снимать это без прикрас. Прикрасы ввали чаше людей.

— Снимаешь улики? — спросил Миша.

Он стоял на ступеньке ниже, руки в карманах куртки, волосы мокрые с улицы. Варя не сразу ответила. Между ними с прошлой недели висело слишком много непроговорённого: стройка, ролик, чужие пересылки, его взгляд в коридоре.

— Школа. Для проекта.

— Ага. Школа. — Он кивнул на телефон в её пальцах, где ещё светился опрос. — И это тоже?

Варя погасила экран.

— Это не я.

— Конечно. Никто никогда не ты.

Он прошёл мимо. Варя поймала себя на том, что смотрит ему вслед через видоискатель. Пальцы нажали спуск почти сами. Миша на ступеньках. Чужой ремень рюкзака. Лишний кадр, который потом можно удалить — или не удалять, а спрятать в папку «черновики», как она прятала всё спорное.

На переменке канал обновился. Двадцать три голоса. Миша оставался первым.

Соня прислонилась к шкафчику рядом с Варей и показала экран.

— Видела? Они совсем охренели.

— Не смотри.

— Я смотрю, чтобы знать, кого завтра «не хватит». — Соня поморщилась. — Тупой розыгрыш. Завтра забудут и начнут другое. Как в прошлом году с тем опросом про «самого странного».

Варя кивнула, хотя голос Сони звучал увереннее, чем её глаза. Соня всегда пыталась разложить страх по полочкам: шутка, список, срок годности. Обычно это помогало. Сегодня полочки скрипели.

— Ты его снимала только что, — заметила Соня. — На лестнице.

— Случайно.

— У тебя ничего не бывает случайно. — Соня ткнула в камеру. — Ладно. После уроков в «Маяк»? Мне нужен блокнот подешевле.

— Не сегодня. Мне надо доснять переход.

Соня подняла бровь, но не стала давить. Звонок срезал разговор.

После уроков дождь усилился. У ворот школы лужа разлилась по асфальту серым зеркалом. Кто-то пустил по ней бумажный кораблик из листа контрольной. Варя перекинула камеру через плечо и полезла в сумку за телефоном — проверить, не ушёл ли опрос ещё выше. Ремень скользнул.

Камера качнулась вниз, к воде.

Миша оказался рядом раньше, чем она успела вскрикнуть. Он перехватил ремень у самой лужи. Пальцы у него были холодные, мокрые. Капля упала на корпус, но не внутрь.

— Держи.

Варя забрала камеру. Сердце ещё стучало от почти-падения. Для неё камера была не гаджетом — привычкой дышать через кадр.

— Спасибо.

— Не роняй. Тебе же без неё плохо.

Он сказал это слишком точно. Варя вспыхнула так, будто её поймали на дневнике.

— Тебе-то откуда знать?

— Ты всегда снимаешь вместо того, чтобы говорить. — Миша усмехнулся коротко, без веселья. — Особенно когда говорить стыдно.

— Я не...

— Пересылай дальше. Или не пересылай. Мне всё равно.

Он отвернулся к остановке. Варя стояла с камерой в руках и чувствовала, как слова застревают комом. Хотелось сказать: я не хотела. Хотелось сказать: ролик уже был обрезан, когда дошёл до меня. Хотелось сказать: я трусиха. Получилось только:

— Не делай вид, будто знаешь меня.

— Я и не делаю. — Миша кивнул на её сумку. — Просто вижу, куда ты смотришь.

Он ушёл через двор. Варя осталась у лужи. На поверхности воды ещё дрожало отражение двери школы, а в канале уже двадцать шесть голосов. Кто-то написал: «Соколов сам напрашивается». Кто-то — «завтра проверим». Варя закрыла чат от тошноты.

Вечером мама ушла на смену, оставив на столе записку: «Суп в кастрюле. Паше не давать третий йогурт». Паша сидел на кухне с наушниками и делал вид, что учит английский, хотя на экране мелькала игра. Варя сказала, что ей нужно доснять район для проекта, и вышла, пока он не успел прицепиться.

— Только не снимай меня, — крикнул он вслед по привычке.

— Не снимаю, — ответила она и подумала, что иногда врёт даже когда правда.

Закрытый подземный переход у ТЦ «Маяк» обнесли металлическими щитами ещё летом. Днём рядом ходили люди к входу в торговый центр, везли коляски, ждали курьеров. Ночью оставались фонари, мокрый бетон и табличка «проход закрыт». Запах стоял смешанный: сырость, чужой табак, еда с фуд-корта.

Миша уже был там.

Он стоял у ограждения, как будто ждал кого-то другого, и обернулся только когда Варя подняла камеру. В свете фонаря его лицо казалось резче обычного.

— Серьёзно?

— Мне нужен этот угол. Для проекта.

— Конечно. Для проекта. — Он развёл руками. — Снимай. Я же уже лишний. Канал сказал.

Варя хотела ответить резко. Вместо этого сказала тише:

— Не смотри на канал.

— Я не смотрю. Другие смотрят за меня.

Она подняла камеру. В кадре — щит, полоска света от фонаря, Миша вполоборота, край его куртки. Щелчок. Плёнка сдвинулась на кадр вперёд с тихим механическим звуком, которого у телефона никогда не было. Этот звук Варя любила больше уведомлений.

— Хватит? — спросил Миша.

— Ещё один.

Второй кадр она сделала ближе. Миша не улыбался. За его плечом торчал край перегородки и тёмная щель, куда днём нельзя было заглянуть — охрана сразу шикала.

— Ладно. — Он поправил капюшон. — Не ходи сюда ночью одна. Тут воняет и капает. И ещё... странно бывает.

— Ты сам тут стоишь.

— Я не один. Я — проблема. — Он помолчал. — И проблемы лучше снимать днём.

Он ушёл в сторону парка, к закрытому кинотеатру «Ракета», где днём гуляли с детьми, а вечером оставались только фонари и скрипучие качели. Варя осталась у щитов ещё минуту, потом пошла домой короткой дорогой вдоль остановки. В кармане телефон снова завибрировал. Тридцать голо-

сов. Миша Соколов — первый. Шутка дозревала.

Дома она закрыла дверь комнаты, задвинула шторы и достала из ящика маленькую проявочную ванночку. Для проекта ей разрешили пользоваться школьной тёмной комнатой по средам, но пробный кадр она всегда смотрела сама — быстро, почти на ощупь, только чтобы понять экспозицию. Привычка с прошлого года, когда лучшая подруга ещё жила в Речном и они вместе учились не засветить плёнку.

Под красным светом настольной лампы контуры проявились медленнее, чем хотелось. Сначала — щит. Потом — плечо. Лицо Миши, мокрая прядь у виска. И за ним, там, где должна была быть глухая перегородка, проступило прямоугольное окно.

Не щель. Не блик. Не ошибка проявки. Окно с тёмным проёмом, будто касса или будка, которой в переходе давно не было. Рама угадывалась даже в зернистости.

Варя наклонилась ближе. Пальцы пахли фиксажем. На снимке Миша стоял точно так, как она его сфотографировала. А за спиной у него открывалось то, чего она не видела глазами и не ставила в композицию.

Она вышла из комнаты, надела куртку поверх домашней футболки и вернулась к переходу пешком за двенадцать минут, считая шаги, чтобы не думать. Фонарь всё так же лил жёлтый свет на щиты. Щель была узкой, чёрной, без стекла и без рамы. Изнутри капало.

Окна не было.

Варя стояла под дождём и смотрела на пустое место, пока не затекли ноги. В телефоне канал молчал паузой перед новой волной. Голосование не закрывалось. Завтра, гласила шутка, кого-то «никто не хватится».

Она убрала камеру под куртку и пошла домой. Пробный кадр лежал в комнате на столе — мокрый, невозможный, с окном, которого не существовало. Варя впервые за вечер не стала делать цифровую копию «на всякий случай». Плёнка уже помнила слишком много.

На лестничной клетке дома она ещё раз открыла канал. Счётчик застыл на тридцати, будто набрав нужную сумму. В комментариях уже спорили не о Мише — о правилах шутки: можно ли голосовать повторно, считается ли «завтра» учебным днём. Варя закрыла экран. Ей внезапно захотелось позвонить и услышать живой голос — любой, лишь бы не пустую плашку. Вместо этого она поставила камеру на зарядку и легла спать в одежде, боясь, что к утру исчезнет и окно на снимке.

Глава 2. Пустая парта

Утром Варя пришла в школу раньше звонка. Хотела поймать Мишу у входа — сказать про снимок, про окно, про то, что ночью ей мерещилось что-то совсем не школьное. Во дворе курили старшие у урны. У турникета толпились семиклассники с мокрыми рюкзаками. Охранник зевал в телефон. Миши не было.

Варя подождала у ворот ещё пять минут, потом десять. Автобус № 14 пришёл и унёс чужих людей. Она написала Мише в личку короткое «ты где?» — и сообщение зависло серой галочкой, будто адресата не существовало.

В классе его парта стояла у окна, третья от двери. Варя всегда замечала её краем глаза: исцарапанный угол, наклейка на ножке, которую никто не отдирает, иногда — забытый карандаш.

Сегодня наклейки не было. Угол казался гладким. Парта выглядела просто свободной, как запасная мебель после перестановки.

— Кто сядет к окну? — спросила Марина Олеговна, заглянув на первую минуту с тетрадями под мышкой. — Или оставим пустой?

Класс молчал секунду. Потом кто-то сказал лениво:

— Она всегда пустая.

Варя обернулась так резко, что сосед дёрнулся.

— Какая всегда?

— Ну... эта. — Одноклассник пожал плечами. — Просто никто не садится. Сквозняк.

Марина Олеговна кивнула, будто это было очевидно, и начала урок про даты, которые Варя обычно любила за ясность. Сегодня даты плыли. Варя смотрела на парту и чувствовала, как внутри холодеет слой за слоем. Вчера Миша сидел здесь. Вчера он перехватил ремень камеры у лужи. Вчера она снимала его у перехода. Вчера канал ставил его на первое место.

На перемене она открыла чат класса дрожащим пальцем. Сообщения за прошлую неделю сохранились. Споры про домашку, мемы, кто-то кидал голосовые про контрольную. Но там, где должны были быть ответы Миши, стояли пустые плашки: серый овал без имени, текст без подписи.

«Не гоните.»

«Я не был.»

«Отстаньте.»

Без отправителя. Как будто писал воздух. Варя ткнула в плашку. Профиль не открывался. «Пользователь недоступен». Она проскроллила выше — та же дыра в ленте, аккуратная, без следов удаления. Даже реакции под пустыми сообщениями сохранились: смеющиеся лица без адресата.

Соня подошла с двумя булочками из автомата и протянула одну Варе.

— Ты бледная. Заболела?

— Где Миша?

Соня нахмурилась так, будто слово было иностранным.

— Какой Миша?

— Соколов. Из нашего... — Варя осеклась, увидев пустоту в чужих глазах. — Он вчера был. Ты же видела голосование.

— Какое голосование? — Соня откусила булочку. — То про «кого не хватится»? Там сегодня другие имена. Шутка тупая, да. Я ещё маме жаловалась, что админы совсем обнагтели.

Варя открыла канал. Опрос действительно обновился. Вверху — два новых имени из параллели. Миши среди вариантов не было. История голосования тоже выглядела гладко, без дыр. Как будто его никогда не добавляли. Варя поискала по слову «Соколов» — ноль результатов.

— Он был первым, — тихо сказала Варя. — Тридцать голосов. Я считала.

— Ты перепутала. Или недоспала. — Соня коснулась её лба тыльной стороной ладони. — Температуры нет. Тогда не пугай меня до урока. У нас ещё алгебра.

Варя прошла к шкафчикам. На дверце третьего снизу ещё вчера висела бумажка с расписанием кружка, которую Миша приклеил криво скотчем. Сейчас дверца была чистой до скрипа. Варя провела пальцем по металлу. Клей не лип. Даже пыли в том месте было меньше — будто кто-то протёр.

На уроке литературы она подняла руку и спросила, можно ли писать сочинение про человека, которого помнишь толь-

ко ты. Учительница пожала плечами и сказала «если аргументируешь». Класс хихикнул. Варя опустила руку и поняла, что аргументов у неё пока только плёнка.

На физкультуре учитель сверял список и спокойно пропустил строку, которой не было. Варя снова подняла руку, хотя терпеть не могла поднимать руку при всех.

— А Соколов?

— Какой Соколов? — Учитель посмотрел поверх очков.
— В вашем классе Соколовых нет. В параллели — Соколова Лена. Вы о ней?

Класс зашумел. Кто-то хихикнул, будто она пошутила на оценку. Варя села на скамейку и сжала лямки сумки так, что пальцы побелели. В ушах шумело, как после долгого проявления в закрытой комнате.

После уроков она остановила Дениса у выхода. Он крутил в руках ключи от велосипеда, уже натягивал капюшон и смотрел в сторону промзоны — привычный маршрут к мастерской отца.

— Ты помнишь Мишу?

Денис моргнул.

— Мишу... кого?

— Соколова. Высокий. Вечно шляется у промзоны. Вчера он поймал мою камеру у лужи. Вы же пересекались.

— Вчера я чинил цепь у дома, — сказал Денис осторожно, подбирая слова. — Если это шутка из канала, то она плохая. Люди обижаются. Я не люблю такие шутки.

— Это не шутка.

Он посмотрел на неё внимательнее, уже без привычной иронии.

— Тогда... не знаю. Звучит как будто тебе снятся люди. Извини. Я не умею на такое отвечать. Если что — напиши. Но про «Соколова» у меня пусто.

Он ушёл, оглянувшись один раз у калитки. Варя осталась у ворот школы и открыла галерею телефона. Вчерашние цифровые снимки коридора были на месте. На одном — лестница. На другом — лужа. На третьем, где должен был быть Миша на ступеньках, оставался только пустой пролёт и край чужого рюкзака, будто кадр обрезали неаккуратно ножницами из воздуха.

Она увеличила до пикселей. Шум. Никакого силуэта. Метаданные вращались спокойно: время то же, файл «не редактировался». Варя сделала скриншот пустого кадра и подписала в заметках: «был человек».

Дома Паша встретил её у порога с вопросом, который задавал каждый вечер:

— Ты опять будешь весь вечер пялиться в камеру?

— Паш. Ты видел вчера у перехода парня? В тёмной куртке. Стоял у щитов.

Паша пожал плечами, доставая наушник.

— Там всегда кто-то стоит. Я мимо шёл. Чё за допрос? Ты меня опять снимала без спроса?

— Имя помнишь?

— Какое имя? Я музыку слушал. — Он нахмурился. — Ты странная сегодня. Как мама перед сменой.

Варя прошла в комнату, не раздеваясь до конца. Пробный кадр с ночи высох. Миша на нём оставался. И окно за его спиной — тоже, тёмное, упрямое. Она даже потрогала бумагу ногтем, будто проверяла, не сон ли это на ощупь.

Она сфотографировала плёнку телефоном, отправила себе в избранное, потом открыла чат с Соней.

«Посмотри. Это Миша. Он был. Вчера.»

Соня ответила через минуту:

«Красивый арт. Ты фотошопнула? Для проекта?»

«Нет.»

«Варь. Не пугай меня. У меня и так контрольная.»

Варя села на кровать и начала собирать доказательства так, как собирала бы кадры для проекта: по одному, без истории, с подписями в блокноте.

Раз. Парта пустая, и все уверены, что так и было.

Два. В чате сообщения без отправителя.

Три. Цифровые фото без человека.

Четыре. Плёнка с человеком.

Пять. Голосование, из которого имя выпало, будто его стёрли ластиком вместе с историей.

Она открыла журнал оценок в телефоне — тот, что синхронизировался со школьным. В списке класса фамилии шли по алфавиту аккуратным столбцом. Соколова не было. Даже пустой строки не осталось. Количество учеников сов-

падало с тем, что учитель назвал утром. Мир подтянул статистику.

Варя вышла на кухню. Мама ещё не вернулась. В холодильнике стояла кастрюля с супом, на столе — хлеб и масло. Обычный вечер в Речном. Обычный дом. И ощущение, будто кто-то аккуратно вырезал кусок реальности и загладил край ногтем.

Она позвонила маме — коротко, под предлогом про смену. Голос был уставший, живой, настоящий. Варя почти спросила: «ты помнишь Мишу Соколова?» — и проглотила вопрос. Мама и так путала одноклассников.

Она вернулась к плёнке. Провела ногтем по краю кадра, где начиналось невозможное окно.

— Ты был, — сказала вслух. — Я видела. Я должна была сказать сразу.

В коридоре хлопнула дверь: Паша пошёл выносить мусор, громко топая, чтобы все знали о его самостоятельности. Варя вздрогнула от собственного голоса. Потом открыла блокнот и написала на первой странице крупно:

«Миша Соколов. Был. Школа 47. Переход. Окно на плёнке. Не сон.»

Подписала дату. Поставила точку. Если район решил забыть, она будет помнить хотя бы на бумаге — там, где файлы ещё не научились врать вместе со всеми.

Телефон снова завибрировал. В канале кто-то написал: «Завтра новый опрос, не пропустите». Шутка продолжалась

без паузы на совесть. Только теперь Варя понимала, что шутка умеет оставлять пустые парты и чистые шкафчики.

Она легла не раздеваясь и держала блокнот на груди, пока буквы не перестали плясать. За стеной Паша снова включил игру. Живой звук. Доказательство, что не всё ещё исчезло. Варя слушала чужие выстрелы в наушниках брата и думала: если завтра забудут ещё кого-то, она хотя бы успеет сказать имя вслух.

Перед сном она ещё раз открыла пустые плашки в чате и перечитала чужие фразы без имени. Голос в голове подставлял интонацию Миши сам — резкую, короткую. Если это и было безумием, оно хотя бы имело источник: плёнку на столе и окно, которого не было.

Утром блокнот всё ещё лежал на груди, раскрытый на первой странице. Имя не исчезло. Это было слабым утешением и сильным обязательством одновременно.

Глава 3. Плёнка помнит

К обеду Варя сравнила всё ещё раз — уже за закрытой дверью комнаты, разложив улики на полу, как фотографии перед отбором в проект.

На телефоне снимок у перехода изменился окончательно. Там, где вчера стоял Миша, теперь был только щит и мокрый асфальт. Даже тень от человека исчезла, будто её никогда не отбрасывали. Варя проверила метаданные трижды: время то же, координаты те же, размер файла почти не дрогнул. Будто камера изначально сняла пустоту, а память Вари была сбоем.

Плёночный кадр не менялся. Миша. Окно. Тёмная щель, ставшая прямоугольником с намёком на раму. Варя держала оба изображения рядом — экран и бумагу — и чувствовала головокружение, как после слишком долгой съёмки против низкого солнца.

Соня написала в чат ещё утром:

«Ты сегодня странная. Придёшь после школы? Без мистики, просто посидеть.»

Варя ответила:

«Да. Мне надо тебе кое-что показать. Не в школе. И не в чате.»

Она не хотела произносить имя при всех. Имя уже один раз исчезло из общего пространства, выскользнув аккуратно, без скандала.

После уроков они сели на скамейке у спортплощадки. Ветер таскал по асфальту мокрые листья и чей-то фантик. Из открытых окон доносился хор на репетиции. Варя достала плёнку в прозрачном файле и положила между ними, прижав пальцем угол, чтобы не унесло.

— Смотри. Не на телефон. Сюда.

Соня наклонилась, нахмурившись заранее.

— Ого. Кто это? Красиво снято. Злобно красиво.

— Миша Соколов.

Соня подняла глаза.

— Ты опять.

— Произнеси имя. Вслух. И смотри на снимок. Не отводи взгляд сразу.

— Серьёзно? — Соня закатила глаза, но послушалась — Соня всегда слушалась, когда слышала в голосе Вари настоящий край. — Миша Соколов. Ну и что?

На секунду её лицо изменилось. Не страх — скорее растерянность, как у человека, который вспомнил, куда положил ключи, и удивился, что вообще искал.

— Погоди. — Соня моргнула. — Он же... он же вчера у лужи что-то ловил?

— Камеру. Мою. Ремень.

— Да. — Соня прижала пальцы к вискам. — Странно. Будто сон. А потом опять... будто его и не было. Как имя на кончике языка.

Она отвернулась от снимка — и ясность в глазах поплыла,

оставляя мутный осадок.

— Варь, это крипово. Ты меня гипнотизируешь объективом?

— Нет. Плёнка помнит. Цифра — нет. Школа — нет. Чат — почти.

Соня замолчала. Потом тихо спросила:

— И что ты предлагаешь? Идти к директору с плёнкой? Меня засмеют.

— Пока ничего. Просто... не смейся. И не стирай это из головы нарочно.

Соня кивнула слишком резко, будто соглашалась не столько с фактом, сколько с просьбой подруги. Для Сони это иногда было одним и тем же.

— Ладно. Я не смеюсь. Но мне нужен план. Без плана я начинаю злиться.

Дома Варя разложила на полу все вчерашние отпечатки пробных кадров. Коридор. Лестница. Переход. На цифровых копиях Миши не было. На плёнке — был, упрямый, как пятно, которое не отстирывается.

Она вспомнила ролик.

Не целиком. Кусками, как всегда, когда стыдно: стройка у недостроенного спорткомплекса, крики, чужой телефон, направленный на Ксюшу Воронову. Смех. Ксюша закрывает лицо. Миша вырывает телефон, экран вспыхивает, кто-то орёт, слышен удар пластика о бетон. Потом — обрезанная версия в чатах. Только удар. Только злость. Без того, что бы-

ло до. Без причины. Без девочки, которую снимали.

Варя тогда не снимала. Она только получила файл в пере-сылке. И отправила дальше — «чтобы все видели», как на-писала одна из одноклассниц сверху. Пальцы нажали «пере-слать» быстрее, чем успел включиться мозг. Потом она ска-зала себе: я же не первая. Потом — я же не снимала. По-том просто молчала, когда Миша смотрел на неё в коридоре слишком прямо, будто видел кнопку насквозь.

Сейчас, глядя на его лицо на плёнке, она снова спрятала эту мысль глубже, под стопку «срочного». Расследование — про исчезновение. Не про её трусость. Не сейчас. Потом — всегда потом.

Телефон внезапно показал уведомление от приложения карты: «Итоги вчерашней активности». Синяя карточка. Вежливый тон.

Варя обычно такие смахивала. Сегодня открыла большим пальцем, как бомбу.

Синяя линия маршрута шла от школы к дому, потом — вечером — к переходу у «Маяка». Это она помнила. Но дальше линия ныряла внутрь закрытого перехода и держа-лась там тринадцать минут.

С двадцати трёх ноль-четыре до двадцати трёх семнадца-ти.

Варя сидела неподвижно. В комнате тикал дешёвый бу-дильник. Она возвращалась домой. Она не заходила за щи-ты. Она стояла снаружи и смотрела на пустое место, считая

капли.

Приложение упрямо рисовало петлю внутри, аккуратную, как чертеж.

Она ткнула в точку. «Точность низкая». «Возможны сбои». Подсказка улыбалась без лица и не успокаивала.

Варя открыла журнал шагов. За то же время — ноль. Заряд батареи за эти минуты не прыгал. Экран якобы не включался. История приложений была чистой. А геолокация твердила: ты была там. Внутри того, что закрыто.

Она сравнила ещё раз с наручными часами из ящика — теми, что мама дала «на всякий случай» перед сменами. Стрелки смотрели честнее телефона только до определённой точки района.

Варя надела куртку, схватила камеру и вышла, не сказав Паше ни слова — только крикнула через плечо «скоро», чтобы он не устроил обыск. До перехода дошла быстро, почти бегом на последних метрах. Фонари уже горели. Щиты стояли. За щелью пахло сыростью, старой пылью и чем-то металлическим.

Варя подняла телефон и включила геолокацию в реальном времени. Точка лежала у неё под ногами — снаружи. Она шагнула ближе к металлу. Точка дрогнула и прыгнула на полметра «внутрь», хотя тело оставалось на асфальте. Ещё шаг — ещё дрожь карты.

Часы на экране показали 19:42. Наручные убежали вперёд. Варя сверила секундную стрелку. Разница собралась

ровно в тринадцать минут — как вчерашняя петля, как чужой розыгрыш с идеальной математикой.

Или телефон отстал. Или район врал выборочно и с удовольствием.

Варя сфотографировала щит плёнкой. Щелчок. Потом цифровым. На превью сразу проявилась пустая стена без намёка на окно. Она не стала ждать проявления плёнки — и так знала, чем носители отличаются. Один помнит. Другой подчищается.

Мимо прошёл мужчина с собакой и покосился на девочку у закрытого прохода. Варя сделала вид, что просто ждёт кого-то у «Маяка». Собака снова заинтересовалась щелью — и хозяин утащил её дальше.

Домой она шла медленно, считая фонари. В голове складывалось не объяснение, а список, который Соня оценила бы:

плёнка держит то, что цифра отпускает;
имя можно на минуту вернуть взглядом и словом;
телефон врёт у перехода ровно на тринадцать минут;
кто-то уже второй день играет в «кого не хватится», и первый «победитель» исчез без следа в журнале.

В комнате она открыла канал. Новый опрос ещё не стартовал. В закреплённом сообщении висела старая шутка админа: «Голосуйте честно. Район сам разберётся». Под ней — смайлики и кто-то написал «жду третий день».

Варя закрыла приложение. Потом снова открыла галерею

и нашла обрезанный ролик в архиве «недавнее удалённое». Файл ещё лежал, как непроявленная вина. На превью — чужой удар, чужая злость, чужое лицо Миши без контекста.

Палец завис над «удалить навсегда».

Она не удалила. Спрятала папку глубже и назвала её «проект_свет». Ложь даже для себя получилась аккуратной, почти профессиональной.

На столе лежал кадр с окном. Варя придвинула лампу и долго смотрела в тёмный прямоугольник за спиной Миши. Казалось, если смотреть достаточно внимательно, внутри шевельнётся кто-то, кого район уже перестал звать по имени. Казалось даже, что стекло на снимке запотело изнутри.

Телефон снова пискнул. Карта предложила «уточнить вчерашний маршрут». Варя нажала «это ошибка». Приложение вежливо поблагодарило и оставило петлю на месте — маленькую синюю улику, которую нельзя ни стереть, ни объяснить маме.

Варя записала в блокнот:

«Гео врёт. Часы расходятся на 13 мин. Не входить одна. Плёнка >цифра.»

И ниже, мельче, почти стыдно:

«Ролик. Пока никому. Даже Соне.»

Она погасила свет, но ещё долго видела перед глазами синюю петлю — тринадцать минут внутри закрытого перехода, ночью, когда она точно стояла снаружи и думала, что кон-

тролирует кадр. Контроль оказался иллюзией с хорошей резкостью.

Перед тем как окончательно уснуть, она ещё раз сверила синюю петлю с наручными часами и записала в блокнот время расхождения крупно, почти зло. Район мог врать голосами и журналами. С плёнкой и бумагой ей ещё предстояло договориться, кто тут главный свидетель.

Утром она показала Соне скриншот петли без объяснений — просто положила телефон на парту на переменке. Соня смотрела долго, потом тихо сказала: «Если это глюк, он слишком аккуратный». Варя кивнула. Впервые за сутки ей показалось, что они смотрят в одну сторону не через объектив, а просто рядом. Это не отменяло вины в кармане, но делало следующий шаг чуть менее одиноким.

Она достала из ящика старую фотографию с Лерой — ту самую, последний счастливый день до переезда. На снимке обе улыбались у входа в парк. Варя не стала долго смотреть: сейчас ей нельзя было растрачивать силы на старую потерю, когда новая уже стояла в дверном проёме. Но рука сама легла на край карточки. «Если зафиксировать — не уйдёт», — думала она год назад. Сейчас плёнка держала Мишу, а люди вокруг всё равно отпускали его имя. Значит, фиксация без присутствия — ловушка. Варя убрала фото Леры обратно и закрыла ящик громче, чем планировала.

Глава 4. Проверка на двоих

Соня пришла к Варе после ужина с блокнотом в клеточку, двумя ручками и лицом человека, который согласен слушать, но не согласен верить бесплатно.

— Ладно. Объясняй по пунктам. Без мистики на всю комнату. И без «просто почувствуй».

Варя закрыла дверь до щелчка. Паша в соседней комнате громко проходил уровень в игре и орал в микрофон — значит, не подслушивал, занятый собственной войной.

— Пункт один. Был ученик. Миша Соколов. Пятнадцать. Наша школа. Парта у окна.

— Был, по-твоему.

— Пункт два. Все забыли. Учителя, чат, журнал, даже ты — пока не смотришь на плёнку.

— Или ты перепутала человека. Или тебя разыгрывают красиво.

— Пункт три. — Варя положила на стол плёнку. — Он здесь. И окно, которого нет.

Соня села на стул, скрестила руки, но глаза всё равно съехали к снимку.

— Это может быть кто угодно. Сосед. Брат. Актёр из кружка. Ты могла снять не тогда.

— Произнеси имя и смотри. Как вчера у площадки. Дольше.

— Мы уже играли в это.

— Ещё раз. Пожалуйста.

Слово «пожалуйста» у Вари звучало редко. Соня вздохнула так, будто сдавала сдачу.

— Миша Соколов.

Снова та же короткая ясность, но глубже. Соня смотрела на снимок, не моргая, и пальцы на ручке побелели.

— Он... разбил штатив, — сказала она медленно. — Нет. Подожди. Он сказал, что это он. А это была я. На лабораторной. Я толкнула стол локтем, потому что спорила с тобой про выдержку. Штатив упал. Линза... — она зажмурилась. — Звук был как выстрел. Он подошёл к Марине Олеговне и сказал, что задел сам. Чтобы нас не выгнали с практики всех. Чтобы меня не вызвали к завучу.

Варя молчала. Она эту историю слышала краем уха и стыдливо радовалась, что камера тогда была в сумке. Значит, память Сони возвращалась не из кадра Вари, а из настоящей связи — из долга, который Соня носила тихо.

— Потом все забыли, кто виноват, — продолжала Соня уже тише. — Осталось только, что «Соколов опять». И мне было стыдно. И удобно. Я ему даже нормально не сказала спасибо. Кивнула в коридоре и сделала вид, что спешу.

Она отняла взгляд от фотографии. Ясность снова поплыла, но не исчезла полностью — остался осадок, как после вспышки.

— Варь. Если это розыгрыш, он слишком жестокий. Я так

не шучу. И ты тоже не умеешь так шутить.

— Это не розыгрыш.

— Тогда что?

— Не знаю. Но он исчез. По-настоящему. И кто-то продолжает опросы, будто ничего не было.

Соня открыла блокнот. Линия стала ровной — Соня в режиме списка была опаснее любого спора.

— Хорошо. Одна проверка. Одна. Если враньё — ты мне неделю носишь рюкзак, молчишь про призраков и покупаешь мне нормальный блокнот в «Маяке».

— Какая проверка?

Соня постучала ручкой по бумаге.

— Школа. Завтра. Ты показываешь снимок Марине Олеговне и говоришь имя. Я рядом. Если она вспомнит хоть что-то — идём дальше. Если нет — конец сеансу, и ты спишь нормально.

Варя кивнула. Внутри кольнуло: снимок снова становился главным инструментом. Как будто достаточно правильно навести фокус — и правда проявится сама, без разговоров, без цены, без того, чтобы смотреть людям в глаза.

— И ещё, — сказала Соня, уже мягче и злее одновременно. — Не делай это одна. Ты любишь решать всё через объектив. Мне это надоело ещё когда Лера уехала, а ты вместо разговора пересматривала старые чаты.

Варя хотела ответить резко. Получилось только сухо:

— Ладно.

Утром они поймали Марину Олеговну у кабинета истории. Учительница несла стопку тетрадей, держала кружку и выглядела так, будто уже устала от чужих сюрпризов до звонка.

— Девочки, коротко. У меня восьмые через две минуты.

Варя протянула файл с кадром. Пальцы чуть дрожали — она ненавидела, когда дрожали.

— Вы помните этого ученика? Миша Соколов.

Марина Олеговна взглянула. Сначала — вежливо-пусто, как на чужую контрольную. Потом, когда Соня повторила имя вслух чётко, по слогам, на лице мелькнуло узнавание — тонкое, испуганное собственной неточностью.

— Соколов... — она потёрла переносицу. — Кажется, был. Или из параллели? Что-то с лабораторией. Штатив. Шум. — Она моргнула. — Странно. В журнале его нет. Я сегодня сверяла списки для олимпиады. Вы уверены?

— Уверены, — сказала Соня раньше Вари. — И нам нужна ваша помощь позже. Не сейчас. Просто... не выбрасывайте это из головы сразу.

— Тогда зайдите после уроков. Я проверю старые бумажные списки, если остались. — Марина Олеговна вернула фото осторожно, будто оно жгло. — И не разносите панику по школе. У нас и так хватает анонимных каналов и глупых голосований.

Когда учительница ушла, Соня выдохнула так, будто держала дыхание весь разговор.

— Одна проверка пройдена. На три из десяти, но пройде-на. Взрослый вспомнил кусок. Это уже не только ты.

— Что теперь?

— Теперь ищем, куда деваются люди, которых все забывают. — Соня записала в блокнот: «имя + фото = короткий воспом. Учительница — штатив». — И не орём об этом в чат. И не постим снимок. Поняла?

Варя кивнула. Хотелось сделать копию для надёжности. Соня, будто прочитав жест, накрыла файл ладонью.

— Оригинал важнее копий. Ты сама это знаешь.

На большой перемене Варя увидела Илью Воронова у стенда объявлений. Он спокойно приклеивал листок про сбор макулатуры, ровно, без спешки, идеальными углами. Рядом на экране чужого телефона мелькнул логотип анонимного канала — того самого. Варя отвернулась. Сейчас ей был нужен Миша, а не догадки про тихих админов. Догадки подождут своей главы.

После школы они снова вернулись к переходу. Днём здесь было шумнее: люди шли в «Маяк», кто-то ждал самокат, охрана курила у служебного входа, из фуд-корта тянуло жареным. Щиты выглядели скучно и официально, без ночной магии.

Соня присела на корточки, заглянула в щель фонариком телефона.

— Там просто мусор и лужа. Никакого окна. Пахнет канализацией. Романтика района.

— Ночью было иначе, — сказала Варя. — На плёнке. И на маршруте телефона.

— Тогда возвращаемся ночью. — Соня выпрямилась, отряхнула колени. — Но не сегодня. Мне надо убедить маму, что у нас проект по району. И тебе надо перестать дрожать одной губой, когда я смотрю прямо.

— Я не дрожу.

— Дрожишь. И ещё что-то скрываешь. — Соня посмотрела прямо, без улыбки. — Я вижу. Потом расскажешь. Или не расскажешь — и я всё равно узнаю, потому что ты плохо врёшь глазами.

Варя сглотнула. Ролик жёг карман куртки тяжелее телефона и ключей вместе взятых.

— Потом.

По дороге домой Соня молчала почти до самого двора. Молчание у неё тоже было рабочим инструментом. Потом сказала, глядя вперёд, на подъезд:

— Знаешь, что меня бесит? Ты будто думаешь: сниму — значит, спасла. Сохраню файл — значит, человек никуда не денется. А люди не файлы. Лера тоже сначала отвечала стикерами.

Варя остановилась у скамейки.

— Я не думаю так.

— Думаешь. — Соня смягчилась на полтона. — Просто иногда. И меня это бесит, потому что ты моя подруга, а не оператор чужой жизни. Ладно. Завтра после уроков — Де-

нис. Он район знает лучше нас. Если это не сон, нам нужен тот, кто не орёт первым и знает, где дырки в заборе.

Варя кивнула. Впервые за два дня ей стало не легче от того, что снимок «сработал». Наоборот: будто фотография оказалась дверью, а не ответом. И за дверью кто-то ждал, чтобы её открыли живые люди, а не объективы и не аккуратные копии.

Дома она долго смотрела на кадр с Мишей и впервые не стала делать ещё одну страховку «на всякий случай». Положила оригинал в книгу — толстый сборник, который никто не открывал — и закрыла. Пальцы всё равно чесались проверить, на месте ли он, как будто реальность могла съесть бумагу за спиной.

Соня написала коротко:

«Проверка один — ок. Завтра проверка два. Не геройствуй до утра. Спи.»

Варя ответила стикером-кивком и легла спать, не уверенная, что заснёт. Перед тем как погасить свет, она шёпотом произнесла имя в пустую комнату — не для магии, для себя, чтобы язык не разучился.

Миша Соколов.

Тишина не ответила. Но парта в памяти осталась занятой, а трещина в старой уверенности — что кадра достаточно — уже не зарастала. Варя поняла: даже идеальный снимок не заменяет разговора. И это пугало сильнее любого окна на плёнке.

Ночью ей приснился штатив, падающий бесконечно медленно, и собственный палец на кнопке «переслать». Она проснулась до будильника и сразу проверила книгу: снимок был на месте. Проверка на двоих состоялась. Настоящая цена разговора — ещё нет. Варя это чувствовала так же ясно, как расхождение часов у перехода.

На следующий день после разговора с Мариной Олеговной Соня прислала фото страницы блокнота: список из пяти пунктов, подчеркнутый дважды. «Не геройствуй» стояло первым. Варя улыбнулась уголком рта и всё равно проверила книгу со снимком три раза за вечер. Привычка оказалась сильнее договорённости. Но хотя бы теперь рядом был человек, который замечал эту привычку и называл её вслух — без объектива, без смягчающего фильтра.

Глава 5. Бирка Паши

Паша пришёл на кухню в кроссовках и с торчащими волосами, будто его только что продуло сквозняком у подъезда. На щеке был след от наушника. В руках — бумажный прямоугольник.

— Варь. Это твоё? Или опять районный мусор, который ты коллекционируешь?

Он положил на стол бирку размером с проездной. Края были влажные и чуть растрёпанные. На лицевой стороне — выцветшая эмблема: круг, внутри стилизованный ключ и маленькая буква «Н». На обороте — проступающие чернила, будто писали давно и писали снова.

Варя взяла бумагу осторожно, двумя пальцами, как негатив.

— Где взял?

— У перехода. У ограждения. Торчала из щели между щитом и бетоном. Думал, купон на скидку или объявление. — Паша открыл холодильник, достав йогурт без спроса. — А там какие-то цифры. Ячейка. Как в камере хранения на вокзале, только страшнее шрифт.

Варя перевернула. Номер: «яч. 17». Ниже — обрезанная строка фамилии: «...ОКОЛОВ». Буква «С» в начале почти стерлась, но угадывалась по хвосту.

Соколова.

Руки похолодели так, что йогурт в пальцах Паши показался насмешкой над нормальностью.

— Ты её трогал долго? Носил в кармане? Показывал кому-то?

— Ну, нёс домой. Чё такого? — Паша нахмурился. — Ты опять включила старшую сестру на максимум. Я не двухлетний. Я сам хожу в школу.

— Это не игрушка. И не купон.

— Тогда не оставляйте мусор у перехода, если он вас бесит. — Он ушёл в комнату с йогуртом, обиженный и довольный одновременно, как всегда, когда ему удавалось задеть. За дверью снова заиграла музыка.

Варя сфотографировала бирку плёнкой и телефоном. На цифре эмблема выглядела бледнее, почти исчезала в шуме. На плёнке держалась чётче. На всякий случай она записала номер ячейки в блокнот крупно и ещё раз мелко — на случай, если страница «забудет». Потом протёрла стол влажной тряпкой там, где лежала бумага, хотя смысла в этом не было.

Соня ответила на сообщение за две минуты и примчалась быстрее, чем обещала «через полчаса». С ней пришёл Денис — в мастерской куртке, с запахом резины, смазки и холодного металла. Он кивнул Варе коротко, без вчерашней растерянности: Соня явно успела подготовить почву по дороге.

— Показывай улику, детектив, — сказал он без настоящей улыбки. Шутка повисла и умерла.

Варя положила бирку на чистую тетрадь посередине сто-

ла, как экспонат. Лампа над столом гудела тихо.

Денис наклонился и сразу посерьёзней. Пальцы он не вытянул сразу — сначала посмотрел, будто читал старый чертёж.

— Это же старая эмблема службы находок. Районной. Ещё до «Маяка». Отец говорил: раньше в переходе была будка, сдавали перчатки, ключи, детские шапки. Бабушка одна работала до обеда. Потом ремонт, всё свернули. Остались байки и ржавые крючки в стене.

— Какие байки? — быстро спросила Соня, уже раскрывая блокнот на чистой странице.

— Типа: потерянную вещь позови трижды — вернётся. Человека не позвали — уйдёт за вещью. — Денис пожал плечами, но голос понизил. — Бабушки так детей пугают, когда варежки теряют. Я думал, ерунда. Дворовый фольклор. Для проекта даже записывал пару историй.

Соня записала присказку дословно, подчеркнула «трижды» и «уйдёт», поставила восклицательный знак на полях.

Варя ткнула в оборот ногтем.

— Фамилия. Соколов. И ячейка семнадцатая.

Денис свистнул тихо, почти беззвучно.

— Если это его вещь лежала там... то куда она делась? Или кто забрал? И зачем бирка без вещи?

— Или куда делся он, — сказала Варя. — А вещь осталась маяком. Или наоборот.

Они сидели вокруг кухонного стола, как будто решали до-

машинное задание по опасной теме. Чайник щёлкнул. Никто не наливал. Паша выглянул из комнаты с наушником на одном ухе:

— Вы чего шепчетесь? Про мою бумажку? Я тоже хочу знать, если это квест.

— Про район, — отрезала Соня. — Иди делай уроки. Взрослые детективы работают.

— Сама иди. Я нашёл. Без меня у вас вообще ноль улик. — Но он всё же исчез, гордый находкой и злой на тон. Дверь хлопнула не до конца.

Денис крутил бирку к свету лампы, не касаясь чернил уголком файла.

— Бумага странная. Не обычный принтер. Плотная. И чернила будто... проступают заново? Как на чеках, когда мокрые, только наоборот — изнутри.

Варя наклонилась. Под номером ячейки, где раньше была пустая полоска, действительно темнела новая буква. Сначала точка. Потом крючок. Потом «П» — уверенная, чужая, слишком ровная для случайности.

Она отдёрнула руку так, будто бумага куснула.

— Вы видите?

Соня смотрела широко раскрытыми глазами, ручка замерла над клеткой.

— «П»...

Буква не остановилась. Рядом медленно, как на старой фотобумаге в ванночке, наклёвывался «А». Не сразу цели-

ком — сначала ножка, потом дуга. Варя слышала собственный пульс в ушах.

— Па... — начал Денис и замолчал, поняв раньше, чем договорил.

Варя резко накрыла бирку ладонью, закрывая буквы от света и от себя.

— Хватит.

— Это имя, — тихо сказала Соня. — Не «потом». Не «панибель». Имя. Твоего брата.

Из комнаты донёсся голос Паши — он орал в микрофон игры, смеялся, спорил с кем-то про «лаг». Обычный. Живой. Слишком близкий к этой бумаге, которая училась его звать.

Варя завернула бирку в файл, потом в ещё один пакет, и убрала в книгу, туда же, где лежал кадр Миши. Двойное дно для страха. Руки всё равно дрожали.

— Он нашёл её у перехода. Случайно. Заинтересовался. Утащил. Как любой нормальный человек утащил бы странный мусор.

— Случайностей столько не бывает, — сказала Соня. — Завтра днём идём по маршруту. Смотрим часы, камеры, гео. Без ночных подвигов. Сначала карта фактов. Пашу держим дома любыми способами.

Денис кивнул, но смотрел на книгу настороженно, будто она могла открыться сама.

— Если эмблема настоящая... то кто-то пользуется старой службой. Не охрана «Маяка». У них другие нашивки,

другие бланки. Я видел у отца в мастерской объявления — современные, цветные, с логотипом ТЦ.

— Ты уверен? — спросила Варя.

— На семьдесят процентов. Остальные тридцать оставляю на то, что мы все спятили от недосыпа и опросов. — Он помолчал. — Но эмблему я узнаю. Отец бы тоже узнал.

Соня хмыкнула без веселья.

— Запиши «семьдесят» в протокол. И «бирка тянет имя». И «Паша — не трогать переход».

Когда гости ушли, Варя долго мыла руки, хотя бумаги почти не касалась голой кожей. Потом постучала в дверь Паши дважды.

— Ты больше туда не ходишь. К переходу. К щитам. Понял?

— Понял, что ты опять командуешь. — Паша даже не обернулся от экрана. — Я не маленький. И я нашёл штуку первым. Может, мне спасибо сказать?

— Паш. Это важно. Правда важно.

Он поставил игру на паузу, раздражённо стянул наушник.

— Ладно. Не хожу. Довольна? Только не снимай меня спящим, как в прошлом месяце. И не читай мой чат.

Варя кивнула и всё равно чувствовала, что «ладно» у младшего брата всегда имеет срок годности короче батареек. Она всё же сказала «спасибо» — за находку, за то, что он живой, за то, что орёт в микрофон.

Ночью она не спала. Лежала и слушала, как за стеной Па-

ша ворочается, потом снова включает что-то тихо. Один раз подошла к книге и краем глаза глянула на бирку через файл под лампой.

Рядом с «ПА» уже угадывался намёк на следующую букву — совсем слабый, будто бумага дышала чужим именем во сне. «Ш» ещё не стало «Ш», но собиралось из точек.

Варя захлопнула книгу так, что хлопнуло на всю квартиру. Паша сонно ругнулся.

В канале в ту ночь кто-то написал анонимно: «Третий день — самый честный». Под сообщением стояло три огонька. Варя не ставила четвёртый. Она смотрела на старую пустую плашку отправителя в чате класса и думала о ячейке номер семнадцать — пустой или уже занятой, неизвестно, — и о том, как тонко бумага начала учиться имени её брата.

Утром на обороте бирки буквы не отступили. «ПА» держалось чётко, как диагноз, который ещё не произнесли вслух. Варя положила книгу в рюкзак вместе с камерой: если район забирает имена, она будет носить доказательства на себе.

Варя ещё раз перечитала присказку в чужом блокнотном почерке, который Соня сфотографировала ей «для дела». «Человека не позвали — уйдёт за вещью». Она произнесла имя Миши шёпотом, потом имя Паши — громче, почти зло. За стеной брат ответил невпопад: «Чего орёшь?» Варя сказала «ничего» и поняла, что звать приходится заранее, пока район не сделает это за неё на бирке. В рюкзаке книга с ули-

ками казалась тяжелее учебников.

Днём в школе Варя ловила себя на том, что считает минуты до звонка не ради урока, а ради того, чтобы снова проверить книгу в рюкзаке. На перемене она зашла в туалет, достала файл и убедилась: «ПА» на месте. Буквы не отступили и не ускорились — просто ждали. Это было хуже резкого исчезновения. Ожидание умело давить тише.

Она застегнула рюкзак двумя щелчками — на всякий случай — и вышла из туалета раньше звонка.

Глава 6. Тринадцать минут

Днём они встретились у южного входа в «Маяк»: Варя с камерой на груди, Соня с блокнотом и двумя цветами ручек, Денис с двумя телефонами — своим и старым отцовским «на всякий случай», который ловил сеть иначе.

— План простой, — сказала Соня, будто проводила собрание кружка. — Идём тем же путём, что Варина геолокация. Сверяем время каждые пять минут. Смотрим, где врут часы. Не лезем за щиты. Не геройствуем ради кадра.

— А если точка прыгнет? — спросил Денис.

— Фиксируем, фотографируем табло, отходим. Мы собираем факты, не пропадаем. Я веду протокол.

Варя кивнула. Ей хотелось скорее оказаться у окна с плёнки, но спорить с Сониной дисциплиной сейчас было глупо — дисциплина пока держала их вместе крепче страха.

Сначала — школа. Наручные часы Вари, телефон Сони и экран Дениса показывали одно и то же до секунды. У ворот всё ещё совпадало. У остановки автобуса, где пахло мокрыми куртками и чужим кофе, — тоже. Денис даже усмехнулся: — Пока район честный. Наслаждаемся.

У угла «Маяка», где начиналась стеклянная стена фуд-корта, телефон Дениса впервые моргнул и отстал на минуту. Соня записала время и место стрелкой. Варя сделала кадр витрины — не для красоты, чтобы руки не тряслись вхол-

стую. В отражении стекла мелькнули их трое: слишком серьёзные для обычной прогулки.

К переходу они подошли в 16:40 по Сониному телефону. Наручные Вари уже ушли вперёд. Разница нарастала по мере шагов: три... пять... у самых щитов собралась ровно в тринадцать, как вчерашняя петля, как чужой метроном.

— Красиво, — тихо сказал Денис. — Как по линейке. Кто-то любит порядок больше людей.

Над служебным входом ТЦ висела камера. Варя смотрела на её чёрный глаз и думала, видит ли кто-то их сейчас в комнате охраны — троих подростков с блокнотом у закрытого перехода. Алексей Петрович, тот самый охранник с вечным подозрением к школьникам у пандуса, как раз вышел поправить ограждение лентой. Ключи на поясе звякнули знакомо и зло.

— Эй. Нечего тут торчать, — бросил он. — Проход закрыт. Читайте табличку. Мокро. Скользко. Потом родители будут звонить, а я буду крайним.

— Мы проект снимаем, — сказала Соня без запинки, даже улыбнулась официально. — «Мой район». Школа сорок седьмая. Учительница в курсе.

— Район снимайте в парке у «Ракеты». Там красиво и легально. Тут — нет. — Он задержал взгляд на камере Вари подольше, чем вежливо. — И не суйтесь в щели. Поняли? Я уже достал любопытных на этой неделе.

— Поняли, — хором почти.

Алексей Петрович ушёл внутрь, гремя ключами. Денис проводил его взглядом до двери.

— Он всегда такой?

— Всегда, — сказала Варя. — Но сегодня злее. Будто ждёт, что полезем. Или знает, что полезем.

Соня подняла телефон и включила карту. Синяя точка снова дрожала у границы «внутри/снаружи», прыгала на полметра без спроса.

— Гео врёт тут же, где врут часы. Камера... — она кивнула вверх, — наверняка тоже умеет пропускать. Проверим вечером, если получится глянуть запись. Хотя вряд ли дадут.

— Не дадут, — подтвердил Денис. — Отцу знакомый из ТЦ говорил: у охраны свои правила и свои страшилки. И свой чай. И свои ключи от мест, куда детям нельзя.

Варя достала плёночный снимок Миши — тот самый, в файле — и протянула Денису обеими руками, как передают хрупкое.

— Смотри. И скажи имя. Вслух. Не шепотом.

Денис нахмурился.

— Мы опять в гипноз?

— Скажи. Пожалуйста.

— Миша Соколов.

Он смотрел несколько секунд молча. Ветер дёрнул край файла. Потом Денис выдохнул так, будто ему в грудь вернули воздух после слишком долгой задержки.

— Цепь, — сказал он. — У промзоны. У кольца. У ме-

ня слетела цепь с велосипеда перед самой темнотой. Все уже ушли к домам. Я орал от злости. Он остался. Руки в смазке. Орёт, что я держу криво раму, а сам чинит, спокойно так, будто это урок труда. Потом сказал: «В следующий раз вози запасное звено, герой». И ушёл, даже «спасибо» не дождался. — Денис потёр глаза ладонью, смазав грязь с ресниц. — Я... я правда забыл. Как так можно забыть человека, который руками тебе помог? Это же не мем. Это цепь и холодные пальцы.

— Можно, — сказала Варя. — Район умеет. Особенно если помочь неудобно помнить.

Соня записала быстро: «Денис — цепь / промзона. Свидетельство?» И подчеркнула слово дважды, будто уже строила мост в будущее, где такие истории станут ключами, а не просто тёплыми воспоминаниями.

Денис вернул фото, но пальцы отпустил неохотно, задержав на секунду.

— Если он где-то есть... мы его найдём? Не красиво найдём, а реально? Я не хочу потом снова забывать, что искал.

— Найдём, — сказала Соня. — Поэтому не расходимся по квартирам с «потом разберёмся». Варя — глаза. Я — списки. Ты — маршруты и дырки в районе. Договорились?

— Договорились, — буркнул Денис. — Только без прыжков в люки ради красивого кадра. И без «я одна на минутку». Я это сразу запрещаю.

Варя почти улыбнулась — впервые за дни улыбка не была

чужой.

Они прошли дальше по дуге геолокации: от перехода вдоль стеклянного бока «Маяка» к парку у закрытого кинотеатра «Ракета», потом к краю промзоны, где начиналось автобусное кольцо. Днём кольцо выглядело обычно до скуки: ларёк с шаурмой, скамейка с объявлениями, табло с минутами, бабушка с сумкой на колёсиках. Автобусы приходили. Люди садились. Никакой магии — только запах пыли, масла и чужого обеда.

На табло время совпадало с телефонами. Разница в тринадцать минут держалась только у перехода, как ошейник на одном месте карты. Соня нарисовала это кружком и подписала «эпицентр?».

— Значит, центр там, — сказала она вслух. — Не кинотеатр. Кинотеатр — скорее остановка по пути. Страшная декорация для тех, кто любит легенды и закрытые афиши.

Денис кивнул, пиная камешек к бордюру.

— Байки про «Ракету» всегда были громче. Людям нравится страшное здание. А будка в переходе скучная. Вот её и забыли вместе с эмблемой. Умно. Или просто по-районному.

Варя сняла общий план парка на плёнку. В кадре — заключенные кассы кинотеатра, качели, двое малышей в комбинезонах, собака на длинном поводке. Обычный Речной под низким небом. Трудно было поверить, что где-то рядом ходит человек, которого школа уже вычистила из списков, а бумага учится звать её брата.

У дома Вари они остановились перегруппироваться, спрятавшись от ветра за углом подъезда. Соня перечитала список вслух коротко, чтобы все слышали одинаково.

— Ночью, — сказала она. — После закрытия «Маяка». Когда охрана меняется и народу меньше. Смотрим только щель. Если коридор повторяется или ещё что — сразу назад по своим следам. Пашу не берём. Вообще. Даже если он будет нить.

— Пашу особенно не берём, — подтвердила Варя. — Бирка уже слишком близко к нему.

Денис посмотрел на часы, потом на старый телефон.

— Маме скажу, что помогаю с проектом и вернусь поздно. Если начнётся совсем плохое — звоним и орём. Без геройского молчания. Я серьёзно. Я умею орать.

— Орём согласованно, — уточнила Соня. — Один орёт — двое страхуют выход.

Варя убрала снимок. Внутри впервые за дни появилось не только беспокойство, но и ощущение команды — хрупкое, ещё без имени, но уже с ролями и с общим страхом, который не стыдно делить. Она подумала о будущем свидетельстве Дениса про цепь и о Сонином штативе — и впервые за неделю позволила себе крошечную надежду, что память может работать не только против них.

Перед тем как разойтись, Денис вдруг сказал, глядя в асфальт:

— Я боялся идти. До сих пор боюсь. Просто чтобы вы зна-

ли и не думали, что я храбрый из коробки. Мне стыдно иногда, что я осторожный.

Соня кивнула коротко, без подколки, которой от неё ждали в классе.

— Знаем. Поэтому идём втроём. Храбрые из коробки нам не нужны. Нужны те, кто возвращается.

Вечером Варя проверила бирку под лампой. «ПА» не исчезло. Казалось даже, третья буква стала темнее на тон. Она снова спрятала бумагу и написала Паше на холодильнике маркером крупно: «Сегодня никуда. Серьёзно. — Варя».

Паша из комнаты крикнул:

— Я не слепой! И не глухой!

Варя всё равно поставила три будильника на время после закрытия ТЦ — на телефон, на старые часы и на кухонный таймер. Три телефона. Три пары глаз. Один закрытый переход.

И тринадцать минут, которые район уже однажды приписал ей без спроса и мог приписать снова. На этот раз она собиралась войти в них не одна и не враньём карты — а шагами.

Перед выходом она ещё раз сверила три будильника и положила в карман запасную плёнку. Соня написала: «Выходим через десять». Денис прислал геометку у ларька. Варя посмотрела на закрытую дверь Пашиной комнаты, тихо сказала «не вздумай» в пустой коридор и вышла, стараясь не хлопать — как будто громкий звук мог разбудить чужое имя

на бирке.

Глава 7. Тот, кого нет

«Маяк» погасил витрины постепенно, этаж за этажом, как будто здание укладывалось спать по правилам. К десяти у переходов остались только фонари, редкие прохожие с пакетами и запах остывшего фуд-корта. Варя, Соня и Денис стояли за углом ларька, будто ждали опоздавший автобус, который уже не придёт.

— Связь есть? — спросила Соня, сверяя оба телефона Дениса.

— Пока да, — ответил он. — У щитов, считай, пропадёт или начнёт врать. Часы я завёл на бумажке. И запасной фонарик взял из мастерской.

Варя держала камеру под курткой, прижимая локтем. Плёнка была свежая. Телефон — на вибрации без звука. В кармане лежал блокнот с адресами, временем и припиской Сони: «не геройствовать». Холод пробирал сквозь джинсы быстрее, чем она ожидала.

Они подошли к ограждению без разговоров, короткими шагами. Алексей Петровича у пандуса не было — только пустая лента и мокрый след чьих-то ботинок. Служебная дверь ТЦ светилась узкой полоской, как щель в другой жизни.

Денис первым заглянул в проём между щитами, светя фонариком вниз.

— Тут можно протиснуться. Если очень захотеть и не

жалко куртку.

— Очень захотели, — сказала Соня. — Варя, ты в середине. Не геройствуй вперёд с камерой. Я сзади считаю повороты. Денис — впереди, но медленно.

Протиснулись боком. Куртка Вари зацепилась за край металла и хрустнула тканью. За перегородкой пахло сырым бетоном, старой проводкой и холодной пылью. Фонарик телефона выхватил лужу с радужной плёнкой, обломанную плитку и коридор, уходящий под торговый центр туда, где днём ходили тележки охраны.

Часы сразу разошлись — Варя увидела это по чужому экрану и по своему запястью.

— Тринадцать, — шепнула она. — Снова. Как днём. Только хуже.

Они прошли несколько метров. Стены были обычными до первого поворота: кабели, граффити «здесь был...», стрелка краской. За поворотом коридор повторился слишком честно: та же трещина у пола зигзагом, та же облезлая стрелка «к выходу», та же лужа формы сапога, будто кто-то скопировал кусок пространства и вставил заново без стыда.

Соня остановилась так резко, что Варя врезалась ей в спину.

— Мы это уже видели. Один в один. Я считала шаги.

— Да, — сказал Денис. — И ноги мокрые в тех же местах. Я лужу запомнил, потому что боюсь скользнуть. Это не «похоже». Это копия.

Варя подняла камеру и сняла стрелку. Щелчок прозвучал слишком громко для шёпота. Эхо ушло вперёд и вернулось с опозданием — будто задержалось в чужом времени и подумало, возвращаться ли. На превью телефона, который она достала параллельно, стрелка выглядела обычной. Плёнка решит позже.

— Назад? — спросил Денис. Голос был ровнее лица.

— Ещё один поворот, — сказала Варя. — Если снова то же — уходим. Обещаю. Соня, засекай.

— Засаекаю. И злюсь заранее.

За вторым поворотом воздух стал холоднее, суше на языке. Где-то ритмично капало. И вдруг коридор распахнулся в боковой проход с решёткой, за которой угадывался подъём к улице — к запаху листьев и парка. Денис выдохнул сквозь зубы:

— Выход. Настоящий. Кажется.

Они выбрались наружу у закрытого кинотеатра «Ракета», выдохнув ночной воздух жадно. Здесь было тише: качели скрипели без ветра, по далёкой дороге ехала одна машина, афиши на кассах серели пятнами старых клеев.

Миша стоял у касс.

Живой. В той же куртке. Руки в карманах. Смотрел на них так, будто они опоздали на много часов или на целую жизнь, которую уже стерли. Варя на секунду подумала, что это снова глюк плёнки, вынесенный наружу, — и моргнула. Он не исчез.

Она шагнула вперёд, споткнувшись о собственный страх.
— Миша...

Мимо по тропирке прошли двое взрослых с собакой. Женщина посмотрела сквозь место, где стоял Миша, пожаловалась спутнику на погоду и на то, что «парк опять не метут». Собака вела носом воздух, заскулила, дёрнула поводок и ушла следом, так и не найдя цель, которую чувствовала кожей. Мужчина даже не обернулся.

Соня тихо выругалась — коротко и зло.

Денис сказал только хрипло:

— Он... он правда тут. Я же вспомнил цепь. Это он. Не сон.

Миша усмехнулся криво, без тепла.

— Красиво выгляжу для призрака? Или для лишнего на фотографии?

Варя протянула снимок дрожащими пальцами.

— Мы искали. Школа забыла. Все забыли. Но плёнка...

— Знаю про плёнку. — Он не взял фото. Отступил на полшага. — Знаю и про то, как быстро люди выбирают, кого удобнее не помнить. Голосование — просто вежливая форма. Удобная.

Соня нашлась первой, выставив блокнот как щит:

— Мы не голосовали. Я проверяла свой аккаунт. Варя тоже. Денис вообще канал редко открывает.

— Кто-то голосовал. — Миша перевёл взгляд на Варю и держал его. — А кто-то пересылал. Разница небольшая, если

итог один и тот же ролик по кругу. Я видел списки. Видел лица. Потом лица забыли меня первыми.

Варя сжалась так, будто удар пришёл физически.

— Я хочу помочь.

— Хочешь снять, как помогаешь? — Он покачал головой.

— Нет. Не доверяю. Ты хорошо смотришь со стороны. Сохраняешь. А мне сейчас нужны не зрители и не архив. Нужны те, кто остаётся, когда снимать уже нельзя.

Денис шагнул ближе, ладони открыты, голос без шуток.

— Я помню цепь. У промзоны. Ты остался. Назвал меня героем, зло. Это был ты. Я готов повторять это хоть всю ночь, если надо.

Миша моргнул. На секунду лицо смягчилось — усталость проступила ярче злости.

— Крылов. Живой. Ну хоть кто-то помнит руками, а не файлами.

— Мы втроём, — сказала Соня. — И у нас есть бирка. С ячейкой семнадцать. И твоей фамилией. Эмблема старой службы находок. Денис узнал.

Миша посерьёзней мгновением, потеряв усмешку.

— Где бирка?

— Дома. В безопасности, — быстро сказала Варя. — Па-ша нашёл у перехода. Утащил. Я спрятала.

Имя брата ударило не туда, куда она целила. Миша выдохнул сквозь зубы и посмотрел на парк, будто считал секунды маршрута.

— Заберите её от него. Сейчас же. Вещи тянут. Имена тоже. Особенно чужие находки. Особенно если бумага уже учится новому имени.

— Что это? — спросила Соня. — Бюро? Служба находок? Почему коридор повторяется?

— Похоже на бюро. Старое. — Миша кивнул на тёмный парк и дальше, к невидимому кольцу. — Я хожу по кругу: переход, кинотеатр, автобусное кольцо. Дальше не пускает — любая дорога складывается обратно. Днём люди меня не видят. Ночью — иногда да, иногда нет. Телефон у меня мёртвый. Время врёт. — Он снова посмотрел на Варю. — Если пришли спасать — приходите с доказательствами и с людьми, которым я верю. Не с совестью напоказ и камерой наготове.

Варя хотела сказать про ролик — выложить всё сразу, пока ночь держит правду. Горло сжалось. Она сказала другое, потому что другое умела:

— Мы вернёмся. Не исчезнем. Я обещаю.

— Это ещё посмотрим, — ответил Миша. — Рассвет близко по моим часам. Или по вашим. Мне пора к кольцу, пока маршрут не схлопнул посередине. Не стойте в парке до утра. Вас тоже начнёт путать.

Он отступил к аллее. На секунду фонарь моргнул — и Миша оказался дальше, чем позволял обычный шаг. Потом стал частью тени у заколоченных касс, будто кадр недоэкспонировали нарочно. Соня шагнула следом — и останови-

лась, поняв, что догонять бессмысленно без карты круга.

Она схватила Варю за рукав жёстко.

— Дыши. Потом поговорим. Сейчас — назад тем же путём, пока коридор не начал размножаться. Считаем повороты вслух. Раз. Два.

Обратная дорога через переход показалась короче — или они уже меньше смотрели по сторонам, боясь узнать себя во второй луже. Выбравшись к щитам, все трое разом вдохнули холодный ночной воздух, как после глубокого погружения без маски. Денис сел на корточки у бордюра.

— Он настоящий. И злой. И прав, наверное. Особенно насчёт доверия. И насчёт бирки.

Варя молчала. В кармане вибрировал телефон — коротко, настойчиво. Она достала его автоматически, привычкой пальцев, и замерла на середине движения.

Анонимный канал прислал уведомление белым на чёрном:

«Новый опрос: кого завтра никто не хватится?»

Под заголовком уже светилось первое имя, набранное без ошибок.

Паша Морозов.

Ниже мелким шрифтом, будто служебная приписка, которую не должны были видеть все сразу:

«До третьей ночи: 2.»

Соня заглянула через плечо и побледнела так, что веснушки стали резче.

— Нет. Нет-нет-нет. Это уже не шутка. Это дедлайн.

Денис выругался тихо и зло, уже без осторожности.

Варя смотрела на имя брата так, будто это тоже был кадр, который можно переснять, обрезать, спрятать в «проект». Нельзя. Буквы держались ровно. Голосование уже набирало первые клики — единички прыгали быстро, весело, как в любой школьной шутке, которой место только в ленте.

Она подняла глаза на тёмный переход, на щиты, на щель, где начинался повторяющийся коридор.

Там ходил Миша, которого дневные прохожие не видели. Там кто-то уже готовил следующую пустую парту — на этот раз не в классе, а в её собственной квартире, у её холодильника, у её младшего брата с наушниками.

Варя сжала камеру до боли в пальцах. Боль отрезвляла лучше страха.

— Две ночи, — сказала она. Голос сел, но не сломался. — Значит, мы не будем зрителями. Больше не будем. Миша — проводник. Паша — срок. Мы — вместе.

Соня кивнула резко, уже открывая блокнот на новой странице с заголовком «две ночи». Денис поднялся, вытирая ладони о куртку.

В канале счётчик голосов дрогнул и перешёл на «2». Имя Паши осталось наверху — чужое в ленте, невозможное в мире правил и слишком знакомое во рту.

Варя убрала телефон экраном к бедру и сделала шаг от остановки к дому — туда, где Паша, скорее всего, ещё иг-

рал и не знал, что район уже учится его забывать. За спиной оставался закрытый переход и окно, которого днём не было. Впереди — две ночи и выбор не прятаться за кадром.

Глава 8. Ночной маршрут

На следующую ночь они вернулись к переходу раньше, чем успели придумать отговорки для родителей. Паша дома ещё смеялся в голосовые; отсчёт в канале висел над Варей, как второй будильник. Миша ждал у щели — будто и не уходил. Согласился провести их по кругу один раз: «Чтобы вы перестали гадать и начали считать».

Миша шёл впереди и не оборачивался.

Варя держала камеру на ремне так, будто это могла быть единственная связь с нормальным миром. Пальцы сами ложились на корпус — привычка, которую она так и не разучила даже сейчас, когда снимать было опасно и почти бессмысленно. Соня шла рядом, пальцы на экране телефона, хотя экран уже давно не показывал ничего полезного: карта рисовала петлю, заряд падал скачками, часы спорили сами с собой. Денис замыкал группу и каждые несколько шагов сверял часы на руке с часами на телефоне. Они расходились. Сначала на минуту. Потом на три. Потом снова почти сходились — и это почему-то пугало сильнее, чем честный разрыв.

Речной ночью не становился чужим городом. Он оставался собой: мокрый асфальт, запах листвы у контейнеров, далёкий лай, редкие окна. Но между привычными вещами пролегала другая сетка — та, по которой шёл Миша, будто знал её наизусть и ненавидел за это знание.

— Дальше кольца меня нет, — сказал Миша, когда асфальт у промзоны стал шире и пустее. Голос был ровный, без театра. — Любая дорога возвращает к переходу. Пробывал. Три раза. Один раз почти дотянул до дома. Оказался у щели. Как будто район вежливо развернул.

— А если автобус? — спросила Соня. Она всегда искала бытовой выход раньше магического. Варя это любила в ней и сейчас завидовала.

Миша кивнул на табло. На нём горели номера маршрутов, как будто кто-то всё ещё обещал приехать. Ни одного фонаря на остановке не дрогнуло. Ветер таскал пустой пакет по кругу — снова и снова, будто сам пакет тоже попал на маршрут.

— Автобусы есть на табло. Не приходят. Люди иногда садятся. Я видел. Потом их нет. Или есть, но не для меня. Сложно объяснить, когда тебя уже начали вычёркивать из «для кого».

Варя почувствовала, как в горле собирается вопрос про Пашу, про отсчёт в канале, про бирку с началом его имени. Она не спросила сразу. Миша и так смотрел на неё так, будто каждое её слово уже было проверкой. Он знал про ролик. Она знала, что он знает. Соня и Денис пока стояли между ними как живой зазор, в котором ещё можно было дышать.

— Покажи точки, — сказала она. — Три. Ты говорил.

Он остановился у ржавой ограды и наконец повернулся. В темноте лицо казалось старше. Или это просто было лицо человека, которого район уже почти не держал за края.

— Переход. Кинотеатр. Кольцо. — Он показал пальцем, будто рисовал карту в воздухе. — Между ними — одно и то же. Не сокращается. Не удлиняется. Просто возвращает. Если бежишь — возвращает быстрее. Если стоишь — всё равно догоняет следующим кругом.

Денис тихо выругался — не зло, а так, как выругиваются, когда боятся, что математика сломалась.

— Значит, мы отмечаем и выходим до рассвета, — сказала Соня. — Без героизма. Без «ещё пять минут». Я засекаю. Денис дублирует. Варя — глаза. Миша — маршрут. Всё.

Миша пожал плечом.

— Вам — до рассвета. Мне — до следующего круга. Разница есть.

Они пошли обратно к переходу. На этот раз Варя считала шаги. Считала фонари. Считала, сколько раз Соня пыталась открыть карту и сколько раз приложение рисовало петлю там, где петли быть не должно. На одном углу геолокация вдруг уверенно заявила, что они внутри школы № 47. Школа была в другой стороне района. Варя смахнула уведомление и не стала показывать экран Мише — не из жалости, из стыда: техника рядом с ним врала особенно охотно.

Подземный переход встретил их тем же запахом сырого бетона и старой краски. За металлической перегородкой начинался коридор, который днём выглядел как ремонт, а ночью — как чужой сон, который кто-то забыл выключить. Миша прошёл сквозь щель боком, не касаясь металла. Варя по-

следовала за ним и на секунду потеряла ощущение пола: будто ступенька была на полшага ниже, чем глаз ожидал. Камера стукнула о бедро. Звук вышел глухой, неправильный — как в комнате без эха.

— Не фотографируй сейчас, — сказал Миша, не глядя. — Свет здесь врёт. Иногда показывает то, чего ещё нет. Иногда — то, чего уже не будет.

Она и не собиралась. Камера висела тяжёлая, плёночная, привычная. Но палец всё равно лег на спуск — рефлекс наблюдателя. Варя убрала руку. Внутри кольнуло знакомое: спрятаться за кадром проще, чем стоять в кадре ответственности.

Они вышли к парку у закрытого кинотеатра «Ракета». Буквы на фасаде облезли, но название ещё читалось, если знать, куда смотреть. На скамейках никого. Только фонарь у дорожки мигал, будто спорил с самим собой. Листья шуршали слишком синхронно, словно их двигали не ветром, а чужим дыханием.

— Вторая точка, — сказал Миша. — Здесь я слышу голоса. Не ваши. Не чужие совсем. Как будто кто-то зовёт, но не договаривает имя. Обрывает на середине. Это бесит сильнее полного молчания.

Соня записала в заметки: «Ракета — голоса / не договаривают». Экран на секунду погас и включился снова уже с другой яркостью.

Денис посмотрел на часы.

— У нас сорок минут до рассвета. Если считать по моим. По твоим, Варь, уже меньше. По телефону Сони — вообще вчера.

Варя подняла свой. Экран показал время на тринадцать минут раньше. Рядом с иконкой геолокации крутилась бессмысленная стрелка.

— Идём, — сказала она. — Пока хоть какие-то часы ещё врут предсказуемо.

К автобусному кольцу они добрались быстрее, чем должны были. Или медленнее. Варя уже не знала, чему верить, и злилась на собственную привычку измерять мир метками. Миша остановился ровно у края разметки, будто невидимая черта проходила по белой краске. Он не споткнулся. Просто тело отказалось делать следующий шаг — вежливо, окончательно.

— Вот. Дальше — нет.

Соня шагнула за линию и обернулась. Обычный воздух. Обычная пустота промзоны. Для неё черта не существовала.

— А если мы потянем тебя?

Миша усмехнулся без веселья.

— Тянули. Я оказываюсь у перехода. Вы — где угодно. Иногда вместе. Иногда нет. Не советую проверять на спор. Район не любит споры про такие линии.

Варя стояла по эту сторону черты и чувствовала, как между ними снова возникает расстояние, которое нельзя измерить шагами. Он не доверял ей. Она знала почему. Обрезан-

ный ролик. Чужой смех в чате. Её палец на «переслать», который тогда казался маленьким и почти невидимым. Сейчас этот палец помнил всё слишком хорошо.

— Паша, — всё-таки сказала она. — В канале его имя. Отсчёт до третьей ночи. На бирке уже начало его имени. Рядом с куском твоей фамилии.

Миша кивнул один раз. Медленно.

— Значит, у вас меньше времени, чем у меня осталось терпения. Хорошо. Честно. Хотя бы здесь ты не врешь.

— Это не шутка, — резко сказала Соня.

— Я и не шучу, — ответил Миша. — Шутки кончились на голосовании. Дальше — работа района.

Денис присел у бордюра, достал блокнот — настоящий, бумажный — и нарисовал треугольник: переход, «Ракета», кольцо. Подписал стрелки. Поставил вопросительный знак у середины каждой стороны.

— Если маршрут замкнут, вход где-то на одной из сторон. Скорее у перехода. Там разрыв времени. Там же Паша нашёл бирку.

Миша смотрел на рисунок так, будто впервые видел, что его ночи можно свести к трём углам и не сойти с ума окончательно.

— Вход есть, — сказал он. — Но это не дверь, которую открывают ключом из «Маяка». Это место, куда кладут вещи. С именами. Потом ждут. Район доделывает остальное.

Варя вспомнила бирку брата: тонкая бумага, часть фами-

лии Соколова, номер ячейки, проступающие буквы. Холод прошёл по спине не от ветра.

— Мы найдём, — сказала она.

Миша поднял взгляд. В нём не было благодарности. Была усталая точность.

— Ты уже один раз «нашла» меня для всего класса. В обрезанном виде. Класс нашёл удобную версию. Ты помогла разнести.

Соня нахмурилась.

— Что? Какой ролик? Варь?

— Ничего, — быстро сказала Варя. — Потом. Сейчас — маршрут.

Слово «потом» село между ними тяжёлым камнем. Соня не стала давить — пока. Но взгляд обещал разговор, от которого нельзя будет спрятаться за камерой. Денис сделал вид, что очень занят линиями в блокноте. Миша отвернулся к табло, где так и не приехал ни один автобус.

Небо на востоке посерело. Не рассвет ещё, но уже не ночь. Граница другого рода — та, которую район пока оставлял им.

— Нам надо выходить, — сказал Денис. — Сейчас. Если рассвет застанет внутри петли, я не уверен, что выйдем теми же людьми в том же месте.

Миша кивнул в сторону перехода.

— Я провожу до щели. Дальше сами. Днём меня не ищите у скамеек. Днём я размазан. Как помехи на старом экране.

Они почти бежали. Коридор за перегородкой казался длиннее, чем минуту назад. Варя слышала собственное дыхание громче шагов. У металлической щели Миша остановился и поднял руки, чтобы поправить капюшон — и замер.

Левая ладонь была голая. Правая — в перчатке.

— Где вторая? — спросила Соня раньше Вари.

Миша посмотрел на пустые пальцы так, будто только сейчас заметил отсутствие. Он сжал и разжал кулак. Воздух между пальцами был обычным. Вещи не было.

— Была. На кольце. Или у «Ракеты». Или сама ушла, пока мы говорили. Здесь вещи иногда выбирают полку раньше тебя.

Он не договорил. Варя поняла без слов: если перчатку уже ждали, круг мог сократиться.

— Мы найдём перчатку, — сказала она.

Миша улыбнулся краешком рта — не мягко.

— Найдите сначала, кто её положил. И не пересылайте друг другу сокращённую версию. Полный кадр. Или никакого.

Он отступил в темноту коридора. Варя хотела окликнуть его по имени — громко, правильно, целиком. Вместо этого пролезла в щель следом за Соней и Денисом и только за перегородкой выдохнула: «Миша». Тихо. Для себя. Для памяти, которая пока держалась.

На улице воздух был обычным. Мокрым, осенним, настоящим. Часы на телефоне Вари скакнули вперёд и наконец

совпали с часами Дениса. Соня остановилась под фонарём и ткнула пальцем в экран.

— Отсчёт в канале идёт. Паша ещё «на месте» в чатах. Пока. Сообщения с его имени приходят. Подпись целая. Это хорошая новость на одну ночь.

Варя кивнула. В кармане лежала бирка брата. В голове крутилась пустая ладонь Миши.

Одна перчатка пропала.

Значит, бюро уже держало кусок его имени в руках — и не собиралось разжимать пальцы просто так.

Глава 9. Окно без кассира

Днём переход выглядел скучно.

Варя пришла первой и стояла у ограждения так, будто просто ждала автобус не на своей остановке. В кармане куртки лежала бирка Паши — она проверяла её пальцами каждые две минуты, будто бумага могла раствориться от дневного света. Соня появилась с термосом и списком, уже разделённым на колонки: «видно», «слышно», «не трогать». Денис — с фонариком, который прятал в рукаве, и с ключом от мастерской отца «на всякий». На всякий у них теперь означало слишком многое.

— Миши нет, — сказала Варя. — Как он и говорил. Днём размазан.

— Зато есть облицовка, — ответил Денис. — Вчера ночью я видел шов. Не строительный. Старый. Плитка чуть другого оттенка.

Они прошли за перегородку осторожно, почти по-деловому. Дневной свет не добивал сюда до конца: лампы мигали через одну, одна совсем умерла и оставляла угол в синяке тени. Соня вела пальцем по стене, будто читала неровности. Варя шла чуть сзади и ловила себя на желании поднять камеру — зафиксировать шов, пока он не притворился обычной стеной. Она не подняла. Сначала глаза.

— Здесь, — сказала Соня.

Плитка отличалась оттенком. На миллиметр. Варя бы не заметила прошлой осенью. Сейчас замечала всё, что спорило с привычным кадром района. Денис поддел край тонкой отвёрткой. Плитка поддалась с сухим щелчком — не ломаясь, а открываясь, как дверца шкафчика, который давно ждал, что его вспомнят.

За облицовкой было окно.

Не кассовое в современном смысле. Узкое, с деревянной рамой, покрашенной когда-то в зелёный. Стекло мутное, с царапиной в форме запятой. Над ним — стёртая надпись, от которой остались только две буквы и намёк на слово «находки». Под окном — полка. Дальше, в полутьме, ряды маленьких ячеек, как в старом почтовом отделении, только ячейки были глубже и тише.

Варя не сразу поняла, что тишина здесь не просто отсутствие звука. Тишина слушала. Как будто кто-то без лица наклонился с той стороны стекла и ждал правильной бумаги.

— Не суй руки сразу, — предупредил Денис. — Сначала смотрим. Потом дышим. Потом решаем.

Соня включила фонарик телефона. Луч дрогнул на бумажных бирках. Они были одинаковые: узкие, с дырочкой, с почерком, который Варя уже видела на Пашиной находке. Не каллиграфия. Школьный аккуратный нажим, чуть дрожащий на длинных буквах.

В ближайшей открытой ячейке лежала чёрная перчатка.

Варя узнала её раньше, чем успела подумать. Край слегка

вытерт. На запястье — едва заметная нитка, которой Миша когда-то чинил дырку и не стал прятать. Та самая, что ещё ночью сидела на его правой руке.

— Его, — сказала она. Голос вышел тише, чем хотелось. — Точно его.

Соня достала из кармана пакет и пинцетом, будто это была улика с урока биологии, подцепила бирку на перчатке. Не сняла — только развернула к свету.

— Михаил Соколов. Полностью. И номер... — Она сверилась с блокнотом. — Не Пашин. Соседний ряд, другая сотня.

Варя достала бирку брата. Номер на ней был другим. Буквы его имени проступили чуть яснее, чем вчера — или ей казалось от страха.

— Значит, ячейки разные, — тихо сказала она. — Имена — тоже. Вещь уже «оформлена».

Денис светил дальше вдоль ряда. Металл ячеек был тёплым на вид и холодным на деле — Варя поняла это, когда случайно коснулась ребра ладонью и отдернула руку. Во второй ячейке лежал розовый браслет из тонких резинок — такие плетут на переменах и тут же теряют, потом ищут у всего класса и не находят. На бирке другое имя: Анастасия. Фамилия смазана водой или временем. Отчество не указано.

— Незнакомая, — сказала Соня. — Не из нашего класса. Может, параллель. Может, вообще другая школа района. Или уже «бывшая» для всех, кроме бюро.

Варя смотрела на браслет и чувствовала странную зависть

к конкретности чужой потери. У Миши — перчатка. У этой девочки — глупая милая вещь. У Паши пока только угроза и пустота, приготовленная заранее.

Она шагнула вдоль ряда, сверяя номера шёпотом. Ячейка с номером Пашиной бирки была на уровне груди. Пустая. Чисто выметенная. Без пыли даже — будто её уже подготовили и держат открытой для будущей передачи.

— Пусто, — сказала Варя. Голос сел. — Совсем. Как чистый лист.

Соня сразу поняла.

— Ещё не положили. Или положат ближе к сроку. Отсчёт в канале — не магия. Это таймер для людей. А ячейка — таймер для вещи.

Она не договорила «к третьей ночи». Не нужно было. Все трое уже слышали этот дедлайн в голове.

Денис присел, глядя на полку под окном.

— Смотрите. Здесь пыль сдвинута. Кто-то недавно опирался локтями. Взрослый или высокий. Или просто привыкший. И ещё: мелкие волокна. Чёрные. От перчатки, когда её сюда донесли.

Варя подняла камеру и сняла без вспышки — на плёнку. Раму. Ряд. Пустую ячейку. Цифрой она бы не рискнула: днём техника здесь уже один раз соврала им на тринадцать минут, а врать про Пашину пустоту она ей не позволит.

— Окно без кассира, — пробормотала Соня. — Вещи принимают сами? Или кассир есть, просто не из людей?

Варя вспомнила присказку, которую слышала краем уха от бабушек у подъезда и никогда не считала настоящей: потерянную вещь позови трижды — вернётся. Человека не позвали — уйдёт за вещью. Слова вдруг стали не утешением для потерянной варежки, а инструкцией.

— Если положить вещь с именем... — начала она.

— Не надо экспериментов на Паше, — резко сказала Соня. — И на Мише тоже. Мы не врачи без лицензии.

— Я не про Пашу. Про правила. Нам нужны правила, иначе мы будем тыкаться до его третьей ночи.

Денис постучал костяшками по раме. Рама отозвалась глухо, как пустотелый шкаф.

— Сначала узнаем на безопасной вещи. Моей. Дешёвой. Без чужих имён. Если бюро голодное на любое имя — узнаем страшно. Если нет — тоже ответ.

Варя кивнула, хотя внутри всё сжалось: «безопасной» рядом с этим окном звучало как шутка. Она ещё раз посмотрела на пустую ячейку. Номер совпадал. Буквы на Пашиной бирке казались чуть контрастнее. Будто бумага тоже слушала тишину и готовилась к заполнению.

Соня сфотографировала ряд ячеек — для списка. На экране снимок сразу поплыл: бирки стали нечитаемыми, будто кто-то провёл мокрой губкой. Подпись времени уехала на тринадцать минут назад. Соня тихо выругалась и записала ручкой.

— Цифра здесь врёт. Плёнка Вари — наш архив. Догово-

рились?

— Договорились, — сказала Варя.

Школьники днём иногда срезали путь через переход, если опаздывали. Сейчас там никого не было — только их трое и ощущение, что стены помнят чужие опоздания лучше, чем имена. Варя задержалась у пустой ячейки дольше, чем следовало. Ей хотелось положить туда что угодно — записку, камень, собственный страх — лишь бы место перестало быть готовым. Соня мягко оттянула её за рукав.

— Не корми пустоту, — сказала она. — Она и так сытая надеждой того, кто это готовит.

Денис проверил соседние закрытые ячейки пальцем по металлу. Некоторые не поддавались. Одна чуть дрогнула и снова встала на место, будто сказала «не ваше».

— Тут есть активные и спящие, — пробормотал он. — Активные — открыты. Спящие — ждут срока или уже закрылись насовсем. Нам бы узнать, сколько ночей у перчатки Миши уже сгорело.

— Он на маршруте, — сказала Варя. — Значит, третья уже была. Ячейка всё ещё открыта... Он говорил: после исчезновения ещё есть время. Окно не сразу запирает человека навсегда.

Соня записала это отдельной строкой и подчеркнула дважды.

Они вернули плитку на место. Шов снова стал почти невидимым. Варя провела ладонью по стене и на секунду пред-

ставила, как чьи-то пальцы делают то же самое каждую ночь — спокойно, привычно, выбирая следующую ячейку, как товар на полке.

На выходе из перехода её телефон вибрировал. В канале обновился отсчёт. Под именем Паши прибавился новый комментарий без автора: «ещё две ночи — и никто не хватится». Ниже кто-то поставил смеющийся стикер. Ниже кто-то написал «перестаньте». Админ не удалил ни то ни другое.

Варя сжала бирку в кармане так, что бумага нагрелась.

Пустая ячейка ждала.

И ждать умела лучше людей.

По дороге к школе Варя молчала. В голове крутились два кадра: голая ладонь Миши у щели и чистый номер Пашиной ячейки. Между ними — браслет незнакомой девочки, как доказательство, что район уже делал это не один раз. Если Настя (если это Настя) где-то идёт своим кругом, то голоса у «Ракеты» были не помехой. Они были очередью.

Варя задержала дыхание у ряда ячеек и сосчитала открытые: четыре. Две с вещами, одна пустая «Пашина», ещё одна пустая без номера снаружи — просто тёмная ниша. Денис заметил её взгляд.

— Не трогай безымянную. Вдруг это чужой срок, не наш.

Она отступила. Впервые ей показалось, что бюро похоже не на кассу, а на раздевалку, где кто-то систематически вешает чужие жизни на крючки.

На улице после перехода солнце казалось ненастоящим —

слишком ровным, слишком школьным. Соня сунула термос Варя.

— Пей. Ты белая.

Чай был сладкий до тошноты. Варя выпила всё равно. Сладость вернула язык в тело.

Утром перед школой Варя ещё раз сверила номер ячейки с биркой. Совпадал. Это уже не казалось уликой — казалось приговором с отложенным исполнением. Она сфотографировала бирку на плёнку крупно и убрала оригинал глубже в карман, подальше от случайных рук. В том числе от своих, когда они начинают дрожать.

К вечеру Варя перенесла в блокнот Сони схему ряда ячеек по памяти. Номера, вещи, пустоты. Соня сверила с её плёнкой на просвет у лампы — силуэты совпали. Эта маленькая победа выглядела огромной: хоть что-то в районе согласилось быть одинаковым на бумаге и в глазу.

— Завтра тест Дениса, — сказала Соня. — Послезавтра, если повезёт, перестанем гадать.

На лестнице у выхода Денис вдруг сказал:

— Если ячейка Паши пустая, у нас ещё есть ход. Не большой. Но ход.

Варя кивнула. Ход — не победа. Но без хода побеждать нигде. «Повезёт» рядом с Пашиной пустой ячейкой звучало как издевательство, но вслух она этого не сказала. Кивок тоже был частью маршрута.

Глава 10. Первый опыт

Вечером они собрались у Дениса в мастерской отца — не потому что там было особенно безопасно, а потому что там пахло маслом и металлом, и это напоминало, что мир всё ещё состоит из гаек, а не из голосований.

На верстаке лежал блокнот Сони, раскрытый на чистой странице. Рядом — Пашина бирка в прозрачном файле. Варя сидела на табурете и крутила ремень камеры, пока кожа не начала скрипеть. Денис высыпал на стол содержимое кармана: скрепки, сломанный брелок, проездной без срока и маленький металлический значок с автобусом. Без имени. Просто значок, который он когда-то купил у киоска и носил «для вида», когда хотел казаться человеком маршрута.

— Это не память века, — сказал он. — Если бюро съест — не жалко. Если нет — тоже ответ. Я не герой. Я хочу знать, где край.

Соня уже писала гипотезы крупно, чтобы не сбежать глазами:

— Один: нужна вещь. Два: нужно имя. Три: нужно настоящее имя настоящего владельца. Четыре: голосование само по себе — шум.

Варя кивнула. Внутри шумело сильнее канала.

— Сначала без имени, — сказала она. — Как ты и хотел. Потом — выдумка. Потом, если живы и умны, думаем про

настоящее. Не Пашино. Ничьё из нас.

— Спасибо, что уточнила, — сухо сказала Соня и тут же смягчилась. — Извини. Я просто... списком держусь.

Перед выходом из мастерской Денис ещё раз проверил значок на свет.

— Если что-то изменится с металлом — скажите. Царапина новая, пятно, что угодно. Пока он тот же дурацкий автобус.

Соня убрала фейковую бирку в отдельный карман блокнота, подписав «отказ бюро». Варя почти улыбнулась: даже магия у Сони становилась графой таблицы. Это успокаивало. И пугало — потому что таблица не спасает брата сама.

По пути они спорили шёпотом о мелочах, чтобы не спорить о главном. Идти всем троим или двоим. Брать ли плёнку. Говорить ли Мише сегодня же. Решили: все трое, плёнку взять, Мише сказать после проверки — иначе он снова услышит «мы решили за тебя».

Они вернулись к переходу после закрытия «Маяка». Витрины ещё светились изнутри, но двери уже щёлкнули. Охранник у служебного входа курил в стороне, не глядя в их сторону — или делая вид. Миши на маршруте ещё не было: рано. Или он ждал у кольца, где табло обещает и не держит слово.

За облицовкой окно выглядело тем же. Варя чувствовала запах пыли и чего-то сладковатого, как от старых бумажных ярлыков в библиотеке. Часы на её телефоне снова уехали на

тринадцать минут. Она показала Денису. Он кивнул: «на месте».

Когда они уже были у облицовки, Варя внезапно остановилась.

— А если бюро принимает только потерянное? Не любое. Именно то, что человек терял или оставлял без присмотра. Денис посмотрел на значок.

— Я его не терял. Носил и забил. Почти потеря. Для первого опыта хватит. Если нет — следующий тест будет больше.

Соня кивнула.

— Тогда для настоящего владельца вещь должна быть «его» не юридически. Эмоционально. Привычкой. Рукой.

Варя подумала о перчатке Миши и о том, как легко в школе подобрать чужую вещь с батареи или из кармана куртки на вешалке. Легко до тошноты.

Денис положил значок на полку под стеклом. Голыми руками. Соня хотела остановить — не успела.

Ничего не произошло.

Значок лежал. Окно молчало. Ячейки за стеклом не шевельнулись. Даже пыль не дрогнула. Перчатка Миши оставалась перчаткой. Браслет — браслетом. Пустая ячейка Паши — пустая, как незакрытый рот.

— Минута, — сказала Соня и засекла по наручным, не по телефону.

Через минуту Денис забрал значок обратно. Металл был

той же температуры, что и воздух. Ни тепла, ни холода «принятия».

— Пусто, — сказал он. — Либо не работает на мусор без имени, либо ждёт оформление. Либо мы идиоты с красивой теорией.

— Красивой теории хватит на один отказ, — сказала Варя. — Делаем второй.

Она достала из сумки тонкий скотч и обрывок бумаги — Соня уже разлиновала «бирку» по образцу Пашиной: дырочка, поля, место под номер. Номер они оставили пустым. Имя — нет.

— Пиши вымышленное, — сказала Соня. — Не своё. Не наше. Совсем левое. И не из класса. Чтоб совпадение не притянули.

Денис подумал секунду и вывел аккуратно: «Игорь Смирнов». Имя из учебника, из очереди, из ниоткуда. Почерк у него был ровнее, чем у бирок в ячейках — Варя это отметила и спрятала мысль на потом.

Они прикрепили бумажку к значку и снова положили на полку. Варя отступила на шаг, будто расстояние могло защитить. Соня держала ручку наготове. Денис смотрел не мигая.

Секунды тянулись. Варя слышала, как у Сони тихо щёлкает колпачок — нервный тик. Где-то сверху проехала машина, и звук дошёл сюда тонкий, как через вату.

Потом бумажка шевельнулась.

Не значок — бирка. Она слегка отогнулась сама, буд-

то кто-то невидимый проверил написанное и вернул отказ. Край бумаги стал тёплым. Затем весь ярлык мягко соскользнул со значка и лёг отдельно, ближе к краю полки — наружу, к ним. Значок остался лежать. Через миг его будто кто-то легонько подтолкнул обратно, к самому краю окна, в зону «заберите, это не наше».

Денис забрал оба предмета дрожащими пальцами. Значок звякнул в ладони — верстачный рефлекс, привычка ловить металл.

— Вернули, — сказал он. — Имя фальшивое — бирка обратно. Вещь не приняли. Даже не стали делать вид.

Соня уже писала, ломая грифель от нажима:

«Без имени — игнор. Фейк-имя — отказ. Нужен настоящий владелец + связь с вещью. Голосование без вещи бес- сильно.»

Варя смотрела на пустые и занятые ячейки за стеклом. Перчатка Миши лежала спокойно. Значит, имя на ней было настоящим. Связь — настоящей. Кто-то знал, что перчатка его, и оформил правильно.

— Значит, тот, кто это запускает, не «колдун из чата», — тихо сказала она. — Он ходит сюда руками. Кладёт. Ждёт три ночи. Канал — только шум и оправдание.

— И поиск «кого не хватитися», — добавила Соня. — Чтобы потом сказать себе: ну все же проголосовали.

Денис сел на корточки, спиной к холодной стене.

— Тогда подозреваемых меньше, чем кажется. Нужен до-

ступ к переходу. Нужно уметь подобрать чужую вещь. Нужно писать бирки. И не бояться ночи.

Варя кивнула. В голове сложилось слишком просто и слишком страшно. Она снова посмотрела на перчатку.

— Мы можем снять её? Вернуть Мише раньше срока?

Соня покачала головой медленно, как человек, который хочет сказать «да» и говорит «нет».

— Не сейчас. Не знаем, что будет, если вмешаться криво. Вдруг сорвём не то. Вдруг ускорим. Сначала — правила до конца. Потом — спасение. Я знаю, как это звучит. Мне самой противно.

Миша бы сказал, что они опять обсуждают его, как задачу на контрольной. Варя это чувствовала даже без него. И всё равно кивнула: то, что Соне самой противно, сейчас было формой заботы.

Наверху, за перегородкой, кто-то прошёл тяжёлым шагом. Фонарик Дениса погас сам — или батарея кончилась в ту же секунду. Они замерли. Шаги замедлились, будто слушали. Потом удалились в сторону «Маяка».

— Пора, — прошептал Денис.

На улице Варя разжала кулак и поняла, что всё это время сжимала Пашину бирку. На бумаге от влаги пальцев чуть расплылась одна буква его имени — та самая, что проступила первой. Не исчезла. Просто стала похожа на предупреждение, написанное собственной кожей.

— Завтра проверяем, кто ходит к служебным дверям, —

сказала Соня. — Раз руками кладут — руки где-то светятся на камерах. Или нет. Тоже ответ.

Варя подняла глаза к тёмным окнам ТЦ.

Бюро реагировало только на настоящее.

Значит, настоящим был и тот, кто учился подделывать чужие исчезновения под «мнение большинства».

Дома Варя долго мыла руки, хотя значок держал Денис. Ей казалось, на пальцах остался отказ бюро — тёплый край фальшивой бумаги. Паша спал, раскинув руку так, будто защищал подушку. На тумбе мигал его телефон: обычные сообщения, обычные стикеры, пока ещё целая подпись. Варя не стала будить. Только поставила кружку воды ближе к краю — глупая забота, которую можно сделать без магии.

Потом открыла канал и перечитала отсчёт. Цифры не моргали. Люди моргали за них.

Она достала плёночный кадр перехода и держала его до тех пор, пока края не согрелись. На снимке не было окна. Пока. Но глаз уже знал, куда смотреть завтра.

После отказа бюро Денис ещё минуту сидел на корточках и смотрел на значок, как на предателя.

— Знаешь, что хуже всего? — сказал он. — Что оно аккуратное. Не взрыв. Не крик. Просто «нет» и верни обратно. Как учитель, который даже ругать не хочет.

— Значит, правила жёсткие, — ответила Варя. — Жёсткие лучше хаоса. Хаос не оставляет щели. Правила — оставляют.

Соня перечитала свои гипотезы вслух, вычёркивая лишнее. В блокноте остались три строки, обведённые рамкой. Варя сфотографировала рамку на плёнку — не потому что не доверяла бумаге, потому что боялась собственного забывания. Ирония не ускользнула. Она просто не стала её проносить.

Перед сном она написала Соне одно сообщение: «правила есть. значит, цена тоже будет». Соня ответила не текстом — голосовым, коротким, хриплым от усталости: «тогда считаем цену заранее. и не в одиночку». Варя слушала голосовое дважды. Второй раз — уже не ради слов, ради того, что подруга всё ещё была на линии.

Ночью ей снился значок, который сам отползал к краю полки. Она тянулась за ним и каждый раз находила в ладони Пашину бирку. Проснулась с сухим ртом и проверкой чатов: брат был на месте. Подпись целая. Варя позволила себе пять секунд облегчения и сразу забрала их обратно — рано.

Перед сном она ещё раз прокрутила отказ бюро: тёплый край фальшивой бирки, вежливый толчок значка наружу. Вежливость системы пугала сильнее ярости. Ярость хотя бы похожа на человека.

На кухне мама собиралась на смену и спросила, почему у Вари вид «как после контрольной по всему сразу». Варя сказала: проект. Мама кивнула, поцеловала в макушку и ушла. Простота утра держалась на честном незнании взрослых. Пока.

Глава 11. Человек с ключами

Утром Денис прислал голосовое короче обычного:

«Приходите в «Маяк». На охрану. Там запись. Я уговорил на пять минут.»

Варя пришла с Соней после первого урока — «к стоматологу», как они сказали классному, и классный кивнул слишком легко, будто сам был рад сократить утро. В служебном коридоре у пункта выдачи пахло картоном и моющим. Пол блестел так, что шаги становились громче намерений. Денис уже стоял у монитора с охранником помоложе, который явно не должен был их пускать и всё равно пустил: Денис чинил ему велосипед прошлым летом, и долги в Речном помнили дольше оценок.

— Смотрите с пятнадцатой секунды, — сказал Денис. — И не моргайте. Там нечего ловить глазом, но ловить надо.

На записи был узкий служебный проход к старой части перехода. Время в углу монитора шло ровно — подозрительно ровно для места, где их часы любили врать. Дверь открылась. Медленно. Как от сквозняка. Или от руки.

Человека не было.

Ни тени. Ни рукава. Ни отражения в металлической полоске у косяка. Просто дверь, которая решила, что её открыли. Коврик у порога даже не шевельнулся. Через тринадцать секунд — Варя засекла почти автоматически — дверь закры-

лась тем же спокойным механизмом.

Соня наклонилась ближе, носом почти к стеклу монитора.

— Мёртвая зона? Камера мимо лица? Или кто-то знает угол лучше охраны?

Молодой охранник пожал плечами. На бейдже имя читалось плохо: стёрли пальцами чаще, чем полагается.

— Мы так и думаем. Но датчик сработал. И Алексей Петрович бесится вторые сутки. Говорит, дети лезут. Говорит, крысы. Говорит всё подряд, кроме того, что думает.

Имя упало в комнату тяжело. Алексей Петрович — тот самый, что курил у служебного входа и «не смотрел». Варя перемотала запись ещё раз. Дверь. Пустота. Тринадцать секунд. Закрытие. В горле появился вкус вчерашней пыли бюро.

— Тринадцать, — сказала она вслух.

Денис встретился с ней взглядом. Оба вспомнили разрыв геолокации. Соня записала число в блокнот так, будто ставила печать.

Кто-то кашлянул за спиной.

Алексей Петрович стоял в проёме, широкоплечий, со связкой ключей на поясе и лицом человека, который устал объяснять подросткам мир и всё равно вынужден объяснять.

— Вы что здесь забыли?

— Дверь, — честно сказала Соня. — Без человека. На вашей записи.

Он посмотрел на монитор, потом на них, потом на мо-

лодого охранника так, что тот сразу нашёл срочное дело в другом конце коридора. Дверь служебной комнаты как будто стала уже.

— Служебная зона. Уходите. И к переходу больше не лезьте. Там аварийно. Потолок. Проводка. Сырость. Всё, что угодно, лишь бы вы слышали «нельзя».

Варя слышала в его голосе не только злость. Ещё был страх — плотный, взрослый, привычный. Страх человека, который уже видел цену и теперь узнаёт её походку в чужих детях.

— Мы видели окно, — сказала она и сразу пожалела. Слова выскользнули раньше ума.

Алексей Петрович сделал шаг ближе. Связка ключей коротко звякнула — слишком коротко для такого количества металла.

— Какое окно?

Тишина стала тонкой. Соня наступила Варе на ногу — не сильно, точно. Денис поднял ладони, как на досмотре.

— Метафорическое, — быстро сказал он. — В смысле, дыру в заборе. Мы снимаем район для проекта. Школа. Краеведение. Марина Олеговна знает.

Охранник не улыбнулся. Имя учительницы его не согрело.

— Проект снимайте у школы. А это — ключ.

Он протянул руку. Денис замялся. Из кармана куртки торчал край найденного накануне ключа — небольшого, староч-

го, с круглой головкой. Они подобрали его у перегородки и решили, что это «ещё одна улика». Теперь улика предавала их быстрее, чем канал.

— Это не ваш, — сказал Денис слабо. — Мы нашли.

— Всё, что открывает служебные двери в моей зоне, — моё, пока не докажете обратное. Отдали. Сейчас.

Ключ перекочевал в широкую ладонь. Алексей Петрович повесил его на связку. И тогда Варя увидела остальное — то, ради чего, казалось, сцена и сложилась.

На кольце, рядом с обычными ключами, висели бумажные бирки. Старые. Выцветшие. С дырочками. Ровно такие же по форме, как у Миши и у Паши. Несколько штук. Без свежих имён — стёртые, обрезанные, будто кто-то давно вывел их из обращения и всё равно таскал с собой, как рубцы.

Соня тоже увидела. Пальцы на блокноте побелели.

— Зачем вам бирки? — спросила она прямо, без проекта и без Марины Олеговны.

Алексей Петрович посмотрел на неё долго. Взгляд был не злой. Уставший до прозрачности.

— Чтобы дети не путали чужие вещи со своими. И чтобы вы не геройствовали там, где можно остаться без света и без выхода. Вон. Если увижу ещё раз — вызову родителей. Не полицию. Хуже: родителей на смене.

Их выпроводили быстро, почти вежливо. На фуд-корте Варя села у края стола и только тогда поняла, что руки трясутся. Пластиковый стакан с чаем дрожал и ставил на стол

мокрые кольца.

— Это он, — сказала Соня. — Ключи. Бирки. Доступ. Он знает переход. Он пугает. Он забирает улики. Камера его «не видит», потому что он знает мёртвую зону.

Денис крутил в пальцах пустой карабин от ключа, которого уже не было.

— Слишком удобно, — сказал он. — И поэтому опасно поверить сразу. Но да: пока он лучший подозреваемый. Красная... как там. Селёдка. И одновременно — единственный взрослый, который точно знает про окно.

Варя смотрела на отражение «Маяка» в глянцевой стойке и видела не злодея из канала, а человека со связкой чужих ярлыков. Версия складывалась логично. Слишком логично, чтобы быть всей правдой. Но для расследования «слишком логично» — уже направление.

В кармане завибрировал телефон. Канал. Новое голосование не открыли. Просто обновили отсчёт под Пашей и прикрепили архив старых опросов. Варя нажала — лента дёрнулась, как живая. На секунду в списке мелькнуло имя, которого она не ждала среди «шуток» прошлых недель.

Анастасия.

Потом архив снова сжался до последних дней. Как будто кто-то не любил, когда копают глубже памяти чата.

Варя подняла глаза на Соню.

— Девочка с браслетом. Настя. Её имя уже было в канале. Раньше Миши.

Соня медленно кивнула. Карандаш в пальцах щёлкнул.

— Тогда охранник — не начало истории. А продолжение. Или маска. Или человек, который таскает чужие бирки, потому что однажды не успел таскать вовремя.

За стеклянным фасадом ТЦ шёл обычный день: коляски, школьники, запах выпечки. А у Вари в голове уже открывалась дверь без человека — снова и снова, ровно тринадцать секунд, будто район ставил им метроном.

Она допила холодный чай и встала.

— Ночью идём на маршрут. Если Настя там — увидим. Если Алексей Петрович там — тоже. Мне нужно знать, кого бояться правильно.

Денис вздохнул, но кивнул. Соня уже рисовала в блокноте две колонки: «охранник» и «кто угодно с ключами». Между ними — стрелка в обе стороны.

Подозрение получило лицо.

Пока молодой охранник отходил, Варя успела заметить на мониторе список тревог за ночь: «дверь / без видеоподтверждения» повторялось трижды в разные часы. Не одна случайность — режим.

— Он ходит регулярно, — прошептала она Денису. — Или это. Или кто-то с тем же знанием угла.

После фуд-корта они вышли к парковке «Маяка». Ветер бил в лицо пакетами и мелочью гравия. Соня остановилась у служебного въезда и кивнула на камеру над козырьком.

— Если человек умеет быть пустым для одной камеры,

он может уметь для двух. Но бирки на связке — это уже не пустота. Это привычка.

Варя кивнула. Привычка страшнее злого умысла: умысел иногда стыдится. Привычка — нет.

В школе к четвёртому уроку Варя поймала себя на том, что рисует на полях тетради связку ключей. Учитель спросил, всё ли в порядке. Она сказала «да» слишком быстро. На перемене Паша пробежал мимо и хлопнул её по плечу, живой, громкий, настоящий. Варя почти окликнула его по имени среди людей — проверить, не растает ли звук. Не окликнула. Пока хватало того, что плечо помнило удар.

И лица иногда врут так же уверенно, как камеры.

После уроков Денис провёл их задним двором ТЦ и показал угол, который камера «любит пропускать».

— Если встать вот тут, на записи ты пятно. Не человек. Я чинил свет в прошлом году и видел мёртвую зону. Значит, Алексей Петрович может пользоваться. Значит, может пользоваться любой, кому он сказал. Или кто подсмотрел.

Соня занесла в список: «мёртвая зона ≠ доказательство вины». Варя была благодарна этой строке. Она уже почти приговорила охранника и чувствовала, как удобно становится ненавидеть конкретное лицо.

— Нам нужна Настя, — сказала она. — Если исчезновения старше Миши, охранник может быть следствием, не причиной.

Вечером канал снова мигнул архивом — и снова спрятал

имя. Кто-то чистил хвосты. Или само оно не желало быть найденным слишком легко.

Варя зарядила фонарик. Плёнку. Терпение. Последнего как раз не хватало.

Перед сном Варя пересмотрела запись в памяти ещё раз — дверь, пустота, тринадцать секунд. Потом представила связку бирок и то, как бумага тихо бьётся о ключи при ходьбе. Звук казался громче любого голосования.

Варя перед уроком нарисовала на полях тетради дверь и рядом написала «13». Учитель забрал тетрадь на проверку. Цифра осталась. Пусть хоть кто-то взрослый увидит её без магии.

В тетради на полях рядом с «13» Варя дописала «бирки на связке». Улики любили соседствовать. Иногда обманчиво.

Она написала в общий чат тройки: «Ночью — Ракета. Ищем Настю. Не спорим с охраной вслух». Соня поставила плюс. Денис — «возьму второй фонарь». Мише писать было некуда: его номер в телефоне открывался пустой карточкой, как дыра. Варя произнесла его имя в потолок комнаты и легла. Потолок не ответил. Это тоже было ответом района.

Глава 12. Девочка из кинотеатра

Ночью Миша ждал их у «Ракеты».

Не у входа — у бокового прохода, где когда-то был служебный двор кинотеатра. Он стоял ровно там, где тень от сломанной вывески падала на плитку, и смотрел не на них, а мимо — будто слушал стену. Варя узнала эту позу: так стоят люди у закрытой двери, когда ещё надеются, что за ней кто-то есть.

— Тише, — сказал он вместо приветствия. — Она рядом. Не спугните. Она и так наполовину ветер.

— Кто? — спросила Соня, уже доставая блокнот.

Миша кивнул в темноту парка. Между деревьями двигалась фигура в тонкой куртке не по погоде. Девочка. На вид лет тринадцати. Волосы собраны криво, резинка съехала. На запястье — бледная полоска кожи, где должен был быть браслет. Варя узнала отсутствие вещи раньше, чем лицо: глаз фотографа цепляется за дыры.

— Настя, — сказала она.

Девочка дёрнулась, услышав имя, и обернулась. Глаза были нормальные. Испуганные. Живые. Но взгляд проскальзывал по Соне и Денису, будто они были декорациями, которые можно переставить. На Варе он задержался дольше — может, потому что Варя шла с камерой, а камера всё ещё умела делать людей чуть более существующими.

— Вы меня видите? — спросила она хрипло. — Правда? Не как помеху?

— Видим, — сказала Варя и шагнула ближе, медленно, ладони чуть в стороны. — Мы из школы сорок семь. Мы ищем таких же. Мы уже... нашли одного.

Миша хмыкнул беззвучно. Настя перевела взгляд на него и кивнула коротко — узнавание без дружбы. Двое на одном маршруте редко становятся парой. Чаще — доказательством друг другу.

— Таких же, — повторила Настя и коротко засмеялась без радости. — Вторая ночь. Утром меня ещё помнила подруга. Днём уже путала, с кем гуляла вчера. Вечером мама спросила, не из параллели ли я к соседке в гости. Я сказала: я твоя дочь. Она кивнула. И сразу спросила, не видела ли я её дочь. Голосом, которым спрашивают про чужих.

Соня записала, хотя рука дрожала. Фонарик Дениса дрожал сильнее.

— Вторая стадия, — прошептала Соня Варе. — Ослабление связей. Мы у Миши видели уже третью. Значит, календарь разный. Значит, кто-то запускал раньше.

Миша стоял чуть в стороне, руки в карманах, одна ладонь голая.

— Она на маршруте раньше меня, — сказал он. — Я встречал её голос у кольца, когда сам только начинал слышать обрывки. Тогда не понял. Думал — эхо «Ракеты». Кинотеатр старый, эха много. Оказалось — очередь.

Варя почувствовала, как почва под расследованием сдвигается. Не рушится — сдвигается, и это хуже: приходится переставлять все улики на новое место, пока они ещё в руках.

— Значит, исчезновения начались до тебя.

— До голосования, которое все запомнили, — кивнул Миша. — Моё было громкое. Её — в старом опросе. Все ржали. Никто не искал. Удобная шутка. Потом тишина.

Настя обхватила себя руками. Куртка была совсем летней. На маршруте, казалось, температура тоже врал.

— Меня выбирали в шутку. Потом я потеряла браслет у перехода. Думала — просто потеряла. Искала у скамеек. А утром телефон стал писать мне «Настя?» в контактах мамы. Как будто имя стало вопросом. Потом вопросы закончились. Остались пустые поля.

Денис достал фонарик, но не включил — только крутил в пальцах, металл ловил редкий свет.

— Браслет у нас. То есть в окне. С биркой. Анастасия. Фамилия смазана.

Настя всхлипнула и тут же злость обогнала слёзы — быстрая, подростковая, спасительная.

— Верните.

— Мы не знаем как, — честно сказала Варя. — Но ищем. Есть правила. Мы уже кое-что проверили. Бюро не берёт фальшивые имена. Значит, ваше настоящее. Значит, возврат тоже должен быть настоящим.

Миша смотрел на Варю внимательно — слишком внима-

тельно.

— Кое-что. Без меня.

— Днём тебя нет, — ответила она. — Ты сам сказал. Не делай из этого новую вину. У нас и старых хватает.

Он отвёл взгляд. Принял. Не простил. Разница осталась между ними как третья точка маршрута.

Они прошли вместе короткий круг: от «Ракеты» к кольцу. Настя рассказывала обрывками — про подругу, про голосование, про то, как учительница на днях назвала её «девочка из...» и не закончила. У автобусного табло она остановилась так же, как Миша: тело отказало вежливо. Когда Соня попыталась увести её за руку к жилым домам, пальцы разжались сами — не силой, а будто мир сказал «нет» без злости.

— Третья ночь близко, — сказала Настя у табло. Голос стал ровнее от усталости. — Мне сказали... нет. Я услышала. У окна. Голос без горла. «Три ночи — и район перестаёт звать». Ещё что-то про троих живых. Я не разобрала. Кружилась голова.

Варя сглотнула.

— Кто сказал?

— Не кто. Что. Бюро. Оно не разговаривает как люди. Оно объявляет.

В канале в ту же минуту — Варя почему-то открыла, хотя обещала себе не надо — отсчёт Паши мигнул. Будто кто-то на другом конце тоже следил за ночами и подкручивал общий метроном. Соня закрыла ей телефон ладонью.

— Хватит смотреть в экран. Смотри на неё.

Варя смотрела. Настя была не «уликой» и не «расширением выборки». Она была человеком, которого уже начинали забывать близкие. И Варя остро поняла, что Паша может стать таким же — с той разницей, что у неё нет права опоздать и потом назвать это расследованием.

— Мы вернёмся завтра, — сказала она. — С планом. С третьим голосом. С чем получится. Не обещаю лёгкого. Обещаю, что не сделаем вид, будто тебя не было.

Настя кивнула слишком быстро, как человек, который боится надежды больше, чем пустоты.

— Если забудете дорогу... позовите трижды. Вещь. Не меня. Меня без вещи не слышно. Присказку знаете?

Миша тихо повторил за ней, почти одними губами:

— Потерянную вещь позови трижды — вернётся. Человека не позвали — уйдёт за вещью.

Когда Варя, Соня и Денис выбрались к обычному свету фонарей у ТЦ, за спиной остались двое на маршруте. Не пара. Просто двое, которых район уже перевёл в другой режим. Денис шёл молча до самого поворота и только там сказал:

— Если Настя раньше Миши, то Алексей Петрович либо начал давно, либо вообще не он. Нам нужна хронология голосований. И хронология бирёк.

Соня уже писала это в блокнот на ходу, спотыкаясь о бордюр.

В подъезде Варя сняла кроссовки и увидела на подошве

мелкий розовый ворс — как от резинок браслета, которого на Насте уже не было. Вещь тянула за собой даже след. Варя стряхнула ворс на ладонь и не выбросила — завернула в уголок салфетки и убрала в карман сумки рядом с биркой брата.

Она открыла архив канала ещё раз. Имя «Анастасия» снова мелькнуло — и снова спряталось. Кто-то чистил. Или боялся собственной истории.

Исчезновения начались раньше Миши.

Варя заметила, что Настя избегает смотреть на камеру. Не из стеснения — из суеверия.

— Не снимай, — сказала она. — Цифра меня уже предала. Плёнку... ладно. Плёнка хотя бы честнее врёт.

Варя опустила корпус. Честнее врать — тоже правило этого района.

У кольца Денис попытался засечь интервал между точками по своим часам. Получилось то слишком быстро, то слишком медленно.

— Маршрут не про расстояние, — сказал Миша. — Про возвращение. Ноги тут не главные.

Когда Настя отстала на полшага, Варя невольно сравнила её с Пашей: тот же возраст в голосе, та же злость на опеку. Разница была в том, что Пашу ещё узнавала мама по утрам. Пока.

Соня перед уходом сунула Насте свой шарф. Настя смотрела на шерсть так, будто вещь могла стать новой биркой.

— Это не потеря, — быстро сказала Соня. — Это на ночь.

Вернёшь, когда выйдешь.

Настя кивнула и всё равно завязала слишком туго — чтобы чувствовалось.

Значит, кто-то тренировался. Или защищался дольше, чем они думали.

После круга у кольца они ещё раз вернулись к «Ракете» — проверить, не сокращается ли путь, если идти осознанно. Не сократился. Парк встретил тем же мигающим фонарём и тем же ощущением чужого недоговорённого имени в листве. Настя шла между Мишей и Варей, иногда теряя темп, будто земля под ней была рыхлее.

— Ты учишься в сорок седьмой? — спросила Соня осторожно.

— Училась, — ответила Настя. — Теперь табло и стены. Расписание одно: ночь.

Денис предложил оставить ей бумажный контакт — номер Сони, написанный от руки. Настя долго смотрела на цифры.

— Если я наберу днём, меня могут не понять. Или трубка станет чужой. Или я забуду, зачем звоню. Лучше вы приходите. Ногами.

Варя кивнула. Ноги. Лица. Голоса. Снова то же правило, только с другой стороны боли.

Когда они прощались, Миша сказал Насте коротко:

— Не стой у табло одна дольше круга. Голоса там липнут. Настя почти улыбнулась.

Перед тем как уйти к обычному свету, Варя оглянулась на Настю и Мишу у края парка. Двое силуэтов. Один маршрут. Разная глубина забывания. Район не был справедлив даже в жестокости — просто последователен.

В лифте своего дома Варя поймала отражение и не узнала выражение: слишком взрослое для четырнадцати и слишком испуганное для взрослого. Настя осталась на маршруте. Миша — тоже. Паша спал за стенкой. Разница между этими фактами была тонкой, как бумага бирки, и резала так же.

Варя убрала салфетку с розовым ворсом в файл рядом с биркой. Две улики разных имён. Одна очередь.

— Знаю. Ты тоже не геройствуй. Тебе перчатку уже взяли. Мне браслет. Дальше — нас. Варя слышала это и понимала: «нас» на маршруте звучит иначе, чем «нас» в школьном чате. Здесь слово держало теплом тела, а не статусом онлайн.

Глава 13. Три голоса

Миша поймал их у перехода на следующую ночь и сразу сказал, не тратя приветствие:

— Я вспомнил фразу. Не Настину. Чужую. Возле окна. Когда я ещё мог почти спать между кругами.

Они стояли в полутьме за облицовкой. Окно бюро блесло мутно, как глаз без зрачка. Перчатка. Браслет. Пустая ячейка Паши — всё ещё пустая, и от этого Варе было одновременно легче и хуже: легче, потому что брата ещё не положили; хуже, потому что место его уже берегли.

Соня включила свой фонарик низко, чтобы луч не бил в стекло прямо. Денис держал второй. Свет дрожал на бирках и делал почерк живым.

— Какую фразу? — спросила Соня. Ручка уже была в руке.

Миша смотрел на стекло, не на людей. Голос стал тише, будто повторял услышанное осторожно, чтобы не разбить.

— «Трое живых. Вслух. В лицо. Не в ленту». И ещё: «Общее слово — пустое. Нужен выбор, который он сделал для другого». Потом шорох, как бумага. И всё. Никакого «пожалуйста». Никакого «спасибо». Инструкция.

Денис выдохнул так, будто долго держал воздух для этой секунды.

— Кто-то говорил? Или само?

— Как объявление в старом автобусе, — сказал Миша.
— Из ниоткуда. Из потолка. Из привычки района сообщать расписание.

Варя кивнула медленно. Внутри всё складывалось в правило, которое уже нельзя было развидеть. Три. Очно. Конкретно. Не «он хороший». Не лайк. Не репост.

— Тогда пробуем на Насте, — сказала она. — Двое мы точно есть. Истории — тоже. Хоть какие-то. Третьего... по-пробуем достать.

— По телефону? — быстро спросила Соня и сразу поморщилась. — Фраза же против ленты. Но если голос живой?

— Сначала двое, — сказал Денис. — Посмотрим реакцию окна. Потом телефон. Не прыгать всеми ногами в одну яму.

Настя ждала у края света, сжав руки в кулаки, будто готовилась к контрольной, на которой от оценки зависит существование. Варя подошла и назвала её по имени ещё раз — просто так, для района.

— Если надо — зовите, — сказала Настя. — Я хочу обратно. Но если цена... скажите сразу. Я не люблю сюрпризы. У меня их и так хватает.

Варя не знала цены. Ещё нет. Поэтому молчала честнее, чем хотела бы. Честность сейчас выглядела жестокой. Жестокость выглядела единственной вежливой формой.

Они встали у окна треугольником. Соня говорила первой — чётко, как доклад, но глаза были мокрые:

— Я, Софья Белова. Помню конкретное: Настя отдала по-

друге зонтик в ливень и ушла мокрая до дома. Это был её выбор. Не случайность. Выбор.

Тишина. Стекло не дрогнуло. Варя шагнула ближе, чувствуя, как колотится кровь в пальцах на ремне камеры.

— Я, Варвара Морозова. Помню, что на маршруте Настя отдала Мише последнюю конфету из кармана. Она выбрала его, а не себя. Это маленький выбор. Но настоящий.

Окно не открылось.

Браслет в ячейке не дрогнул. Бирка не сдвинулась. Только где-то в глубине ряда щёлкнуло — сухо, как отказ кассы, когда карты не хватает. Лампа над ячейками моргнула один раз, будто моргнула от скуки.

Настя закрыла глаза. Ресницы дрожали.

— Мало. Я и сама слышу: мало.

— Нужен третий, — сказал Денис. Голос сел. — Вслух. Здесь. Живой.

Соня уже набирала номер подруги Насти — той самой, с зонтиком. Днём она выпросила контакт через общих знакомых, соврав про «проект про дружбу в районе». Трубку взяли быстро. Голос сонный, раздражённый, настоящий.

— Да? Кто это? Настя вроде была... слушай, а кто это вообще? Вы с какого класса пишете среди ночи?

Соня включила громкую связь и поднесла телефон к окну, как к микрофону. Жест выглядел глупо и отчаянно — Варя это видела и всё равно надеялась.

— Скажи историю. Про зонтик. Сейчас. Пожалуйста. Это

важно.

Подруга на том конце коротко, сбивчиво повторила. Слова были те же. Правда та же. Даже детали про лужу у подъезда совпали. Окно молчало ещё жёстче: лампа погасла на секунду совсем, и во тьме стало слышно, как у Дениса стучат зубы — не от холода, от напряжения.

Миша тихо сказал:

— Не в ленту. Не в трубку. В лицо. Оно же предупредило. Мы глухие, когда хотим лёгкого пути.

Варя забрала телефон у Сони и завершила вызов. Извиняться перед сонной подругой пришлось одними словами «простите, ошибка». Подруга обозвала их и отключилась. Обычный мир ещё умел злиться по-обычному. Это почти утешало.

— Свидетель должен быть здесь, — сказала Варя. — Одно. Трое. Никаких удалённых подвигов.

Настя кивнула часто, удерживая себя в теле усилием, которое было видно по плечам.

— Тогда ищите третьего. Пока меня ещё зовут хоть как-то. Завтра могут звать хуже. Или никак.

Денис смотрел на пустую ячейку Паши так, будто видел там уже не металл, а таймер.

— И для него то же самое. Три живых голоса. Конкретные истории. Не «он мой брат» абстрактно. Выбор, который он сделал для другого. Нам надо вспомнить заранее. Не в панике у окна.

Варя почувствовала укол стыда: она привыкла сохранять Пашу снимками, метками, пересылками «на всякий». Бюро требовало присутствия. Стояния. Голоса без посредников. Её камера здесь была почти оскорблением — красивым и бесполезным.

Они вышли из-за облицовки почти бегом — не от погони, от собственного бессилия. На лестнице перехода Варя остановилась и сказала в спину Мише:

— Мы не бросим её. И тебя. Но мне нужен третий для Насти. И правды больше, чем у нас есть.

Миша не обернулся. Плечи стали жёстче.

— Правды у тебя как раз хватает. Ты просто не про ту говоришь. Про ролик. Про пересылку. Про то, как удобно быть сбоку кадра.

Удар пришёлся точно. Соня слышала и нахмурилась снова — отложенный вопрос вырос ещё на один этаж. Варя промолчала. Сейчас важнее было другое, и это «важнее» уже начинало пахнуть трусостью. Окно не приняло телефонную честность.

Нужны были три человека из плоти, голоса и памяти.

Перед попыткой Варя ещё раз повторила про себя имена полностью — Настя, Миша, Паша — будто разогревала голос. В бюро короткие формы могли быть лаской. Здесь нужна была точность.

После отказа окна Денис предложил составить список возможных третьих для Насти: одноклассница, сосед, тре-

нер секции. Соня вычеркнула тех, кто «может по телефону». Остались двое реальных кандидатов и страх, что оба уже начали забывать.

А у Паши на бирке буквы имени стали ещё чуть темнее — Варя проверила под фонарём у выхода и поняла: время не ждёт, пока они учатся читать инструкции вслух.

Домой они шли молча до самого перекрёстка у школы. Там Соня остановилась и сказала прямо:

— Нам нужен живой третий для Насти к завтрашней ночи. И отдельно — три истории для Миши. И отдельно — для Паши. Это не один список. Это три разных долга.

Денис потёр лицо ладонью.

— Я могу привести отца? Нет. Взрослый не войдёт так же. И не должен. Но соседку Насти... или ту подругу — лично. Уговорить выйти ночью. Звучит безумно. Безумие уже идёт по расписанию.

Варя думала о том, как будет стоять у окна и говорить о брате конкретно: не «люблю», а «он сделал вот это». Вспоминалось, как Паша однажды закрыл собой её тетрадь от дождя, когда она снимала лужу и забыла про сумку. Маленький выбор. Настоящий. Надо будет сказать вслух. Надо будет не прятаться за кадром.

Миша ушёл в щель перехода без обещаний. Только бросил через плечо:

— Не обещайте вслух. Обещайте ногами. И не в одиночку. Ночью после отказа окна Варе снилось, что она говорит в

трубку историю про Пашу, а стекло бюро покрывается инеем от каждого удалённого слова. Проснулась с мыслью: только в лицо. Только трое. Без посредников.

Соня перед сном прислала список кандидатов в третьи свидетели для Насти с пометками «реально выйдет» и «скорее сольётся». Варя поставила плюс напротив одного имени и сразу почувствовала ответственность за чужой ночной выход. Спасать теперь означало вовлекать. Прятаться за камерой уже не выходило.

По дороге от перехода Соня вдруг остановилась под фонарём и сказала то, что крутилось у всех под языком:

— Мы почти вернули человека по громкой связи. Представляешь, насколько мы всё ещё верим в экраны?

— Верим, потому что удобно, — ответила Варя. — Очно — неудобно. Надо стоять. Надо рисковать лицом.

Денис усмехнулся криво.

— Тогда мой страх наконец полезен. Я всегда хотел отступить на шаг. Теперь отступление без третьего голоса просто запрещено правилом.

— Телефон больше к стеклу не суйте, — добавил он. — Оно обиделось. Обида бюро — это тьма на лампах. Нам и своей хватает.

Они договорились на завтра: Соня приводит подругу Насти лично к «Маяку» после девяти, Денис проверяет безопасный подход к облицовке, Варя готовит формулировки историй так, чтобы не скатиться в «она хорошая». Миша

обещал быть у окна — не как спасённый, как свидетель маршрута.

В комнате Варя произнесла вслух черновик третьей истории для Насти — пока без третьего человека, просто чтобы язык привык к конкретике. Слова звучали школьно и всё равно были правдой. Правде, кажется, этого хватало. Бюро — нет. Бюро требовало носителя правды в метре от стекла.

Она закрыла блокнот и положила ручку сверху крест-накрест — детская примета против забывания. Приметы теперь казались младшими родственниками настоящих правил.

В квартире Варя записала в блокнот три заголовка: «Настя», «Миша», «Паша». Под каждым — пустые строки под свидетелей. Пустые строки пугали сильнее заполненных ячеек. Она оставила ручку между страниц и легла не раздеваясь, слушая, как за стенкой Паша ворочается во сне. Живой. Пока.

Глава 14. Архив района

Марина Олеговна любила, когда ученики приходят «не за оценкой, а за смыслом». Варя этим воспользовалась без гордости — с расчётливой вежливостью человека, которому нужно оружие из бумаги.

Она пришла на перемене, положила на стол плёночные отпечатки перехода и парка у «Ракеты». Рядом — копию схемы Дениса. Руки немного тряслись; она спрятала их в карманы сразу после.

— Нам нужна старая заметка про район, — сказала она. — Для проекта. Про то, как Речной менялся. Особенно про бюро находок. Если такое было. Не миф из подъезда — текст.

Учительница истории сняла очки, протёрла, надела снова — ритуал согласия. На лице появилось то оживление, которым взрослые выдают себя, когда их наконец спрашивают по делу.

— Бюро... Да. В местной газете мелькало. Не геройский очерк. Коротко. С запахом девяностых. Ждите после урока. И не мните углы: края сыплются.

Соня и Денис ждали в коридоре. Соня грызла колпачок ручки. Денис делал вид, что читает объявление про субботник. Варя стояла между ними и слушала школьный шум как доказательство, что обычный мир ещё работает параллель-

но.

Через урок Марина Олеговна вернулась с папкой из архивного шкафа — копиями, которые школа хранила «для краеведения», пока краеведение снова не станет модным. Она положила лист так осторожно, будто это была не бумага, а тонкое стекло.

— Вот. Аккуратнее.

Соня читала вслух шёпотом, чтобы Денис и Варя слышали одновременно. Шёпот делал новости страшнее газетного голоса:

«После закрытия части подземного перехода жители жаловались на пропажи. Районное бюро находок временно принимало вещи в старой будке у перехода. В заметке упомянут случай: мальчик исчез на три дня и нашёлся у автобусного кольца; родители утверждали, что район его не узнавал. Милиция говорила о бегстве. Соседи — о страхе. В тексте названы три точки, где ребёнка видели ночью: переход, сквер у кинотеатра «Ракета», автобусное кольцо.»

Варя подняла глаза. Во рту стало сухо.

— Те же.

— Те же, — подтвердил Денис. Голос сел от уважения к совпадению. — Не похоже. Точно те же. Как будто кто-то скопировал нашу ночь заранее.

Внизу заметки была схема — примитивная, почти детская. И символ: круг с тремя короткими зарубками. Варя достала Пашину бирку и положила рядом так, чтобы края

не касались старой копии. Символ совпал. Не с логотипом «Маяка». Не с формой охраны. Старше. Проще. Упрямее.

Марина Олеговна наблюдала за ними поверх очков. Взгляд стал чуть острее.

— Вы нащупали интересную линию. Только не лезьте ночью в закрытые зоны. Там реально можно удариться головой о историю — в буквальном смысле. И пишите источники. Мне нравится, когда проект дышит фактами.

Они поблагодарили слишком правильно, почти хором. На лестнице школы Соня уже строчила вывод, держа блокнот на весу:

«Символ бирки старше ТЦ. Охранник может знать легенду и таскать старьё, но не является источником системы. Система была до него.»

Варя крутила копию заметки у окна, ловя дневной свет. Буквы местами выцвели, но три точки маршрута читались как приговор и как карта спасения одновременно.

— Мальчика вернули, — сказала она. — Значит, возвращали и раньше. Значит, правило тоекратного зову не только страшилка.

— Ценой, — сказал Денис. — В заметке про цену ни слова. Только «нашёлся». Взрослые умеют вырезать боль из отчётов.

— Чтобы детям спокойнее, — тихо сказала Соня. — Или себе. Иногда это одно и то же.

Варя подумала об Алексее Петровиче и его старых бир-

ках. О страхе в голосе. О двери без человека. Может, он и правда не злодей. Может, он человек, который однажды заплатил и теперь караулит чужие глупости связкой ключей, потому что другого языка у него не осталось. Красная селёдка начинала сереть — становиться живой рыбой с собственной раной.

В канале к середине дня отсчёт Паши ужали до более злой формулировки. Кто-то из класса кинул стикер. Кто-то написал «это уже не смешно». Кто-то — «пусть админ удалит». Админ молчал. Молчание было хуже шуток: шутки хотя бы делали вид жизни.

После уроков они снова прошли дневной маршрут — быстро, только чтобы сверить карту из заметки с ногами. Переход. «Ракета». Кольцо. Варя засекала время обычными шагами. Денис — своими. Расхождения были в пределах усталости, не магии. Ночью магия добавляла своё. Днём район притворялся честным.

У ограды перехода Варя остановилась и сфотографировала шов облицовки на плёнку. Цифровой телефон в ту же секунду показал уведомление: «вы на месте, которого нет». Она смахнула и вдруг улыбнулась криво:

— Даже телефон согласен, что архив прав.

— Теперь у нас бумага, — сказала Соня. — Значит, бюро — не шутка охранника и не выдумка канала. Оно здесь давно. Мы не первооткрыватели. Мы опоздавшие.

Варя кивнула. В кармане бирка Паши казалась тяжелее

бумаги. Символ на ней больше не выглядел школьной поделкой. Он выглядел как печать учреждения, у которого нет часов приёма — только ночи.

На обратном пути мимо «Маяка» Варя не искала взглядом Алексея Петровича. Не потому что перестала подозревать — потому что подозрение стало сложнее и требовало разговора, а не приговора. Соня это заметила:

— Ты уже не уверена, что он враг.

— Уверена, что он знает цену, — ответила Варя. — Враги или нет — узнаем, когда спросим вслух.

Если символ старше «Маяка», то ключи Алексея Петровича — не начало истории. Только связка на чьей-то испуганной руке. А настоящий «кассир» всё ещё без лица.

И всё же теперь у них была фраза для Миши и Насти: вас видели здесь раньше. Район писал об этом, когда ваши родители ещё не умели бояться правильно.

Марина Олеговна на прощание добавила ещё один лист — короткий справочник старых названий улиц Речного. Варя чуть не отказалась из вежливости и вовремя поняла: карта им нужна любая, даже дневная.

— Если будете писать про исчезновения, — сказала учительница уже мягче, — не превращайте людей в легенду слишком быстро. Легенды удобны. Люди — нет. Людям нужны имена.

Варя кивнула так серьёзно, что самой стало стыдно: она как раз училась возвращать имена из удобных легенд канала.

На улице Денис приложил символ с бирки к символу из заметки и сфотографировал оба на обычный телефон. Снимок сразу поплыл. Тогда Варя сняла пару на плёнку. Соня рассмеялась коротко, почти зло:

— Наш архив снова старше техники. Как же меня это бесит.

Они зашли в библиотеку при школе — крошечную — и попросили подшивку за тот же год. Ничего нового про бюро не нашли, только объявление о закрытии части перехода «в связи с ремонтом». Ремонт, судя по всему, закончился перегородкой и забытой будкой. История района любила недоделки.

Вечером Варя перерисовала три точки маршрута на чистый лист и подписала годы: «тогда» и «сейчас». Линии совпали. У совпадений не было утешения. Была ответственность.

Паша заглянул в комнату и спросил, почему у неё вид, будто она пишет контрольную за весь класс. Варя почти сказала правду. Вместо этого показала схему парка и сказала: проект. Паша закатил глаза и ушёл. На двери остался отпечаток его ладони — жирный от чипсов. Варя не стёрла.

Перед сном Варя положила копию заметки рядом с Пашиной биркой на столе. Два круга с зарубками смотрели друг на друга через годы. Она написала под ними карандашом: «не охрана / старше Маяка / три точки те же». Потом стёрла слово «Маяка» и написала «ТЦ» — без лишней ярости к

зданию, просто точнее.

Соня прислала фото блокнота: хронология Насти, Миши, Паши тремя колонками. Денис ответил схемой мёртвой зоны у двери. Впервые за дни чат тройки выглядел как штаб, а не как переписка испуганных. Варя добавила только одно. «цену узнаем у охранника — надо говорить прямо». После этого ей стало страшно собственной взрослости. Страх она оставила. Взрослость — тоже.

Денис на прощание сказал:

— Если символ старше ТЦ, то искать надо не в охране как источнике, а в том, кто умеет писать бирки сейчас. Охрана — слой. Не корень.

Варя согласилась и впервые за день почувствовала, что расследование снова стало детективом, а не только страшилкой.

Поздним вечером мама спросила, не слишком ли они с Соней заигрались проектом. Варя сказала «нет» и впервые почти не соврала: это был не проект. Это была попытка не дать району отредактировать семью. Мама кивнула, уставшая после смены, и Варя накрыла её плед на диване — маленький выбор, который бюро, наверное, тоже поняло бы как настоящий.

После библиотеки они сидели на ступеньках школы и молчали дольше, чем планировали. Лист с заметкой лежал между ними, прижатый ладонью Сони от ветра.

— Мальчика вернули, — снова сказала Варя. — И никто

не написал, кто заплатил.

— Потому что цена стыдная, — ответила Соня. — Люди любят чудеса без чека.

Денис сложил схему и спрятал её во внутренний карман.

— Если нас спросят взрослые, у нас теперь есть «исторический источник». Это не спасёт от Алексея Петровича, но спасёт от ощущения, что мы сошли с ума втроём.

Варя думала о символе на бирке: три зарубки. Три точки маршрута. Три свидетеля. Район любил тройки. Ей это казалось почти издевательством — слишком аккуратная жестокость.

Вечером она показала Паше старую схему «просто из проекта», не объясняя ночи. Паша ткнул пальцем в автобусное кольцо и сказал: «там табло врёт всегда». Варя почти рассмеялась. Почти. Враньё табло теперь было не метафорой.

Утром символ на бирке казался темнее — не магией, вниманием. Варя убрала бумагу в файл и пошла в школу со схемой во внутреннем кармане, ближе к сердцу, чем принято признавать.

Глава 15. Чужая память

Их поймали у облицовки на закате — в самый глупый час, когда уже не день и ещё не ночной маршрут, когда любые оправдания звучат тоньше бумаги.

Алексей Петрович стоял так, будто вырос из бетона. Связка ключей коротко звякнула. На лице не было торжества — только усталость человека, который снова оказался прав и от этого не стал счастливее.

— Я же сказал.

Соня открыла рот для новой легенды про проект. Варя остановила её взглядом. Врать дальше было бессмысленно: он видел шов, их руки, их фонарики, их лица, на которых уже не осталось школьной невинности.

— Нам нужна правда про бюро, — сказала Варя. — Не про проводку. Не про аварийный потолок. Про присказку. Про бирки. Про то, почему вы их таскаете.

Охранник молчал долго. Где-то над переходом проехала машина, и гул прошёл по бетону, как чужой вздох. Потом он кивнул на служебную дверь ТЦ со стороны перехода.

— Пять минут. И вы исчезаете из моей смены так, будто вас не было. Это я умею объяснять. Лучше, чем правду.

В крошечной комнате охраны пахло кофе и пыльными рациями. На стене висел календарь с чужой улыбкой. Алексей Петрович положил на стол связку. Старые бирки стукнули

по пластику тише ключей — бумага всегда тише металла, даже когда говорит о худшем.

— Я знаю присказку. Все местные старики знают. «Потерянную вещь позови трижды — вернётся. Человека не позвали — уйдёт за вещью». Я повторял её детям у входа, когда теряли перчатки. Думал — утешение. Потом понял — инструкция. И всё равно не пользовался бюро, чтобы кого-то убрать. Слышите? Не пользовался. Я не ваш голос из канала.

Денис стоял у двери, готовый к бегству, которого не будет. Соня не записывала — впервые за дни. Руки просто лежали на блокноте.

— А бирки? — спросила она хрипло.

— Снимал. Когда находил на ограде. Чтобы дети не доигрались. Иногда сжигал за ТЦ в железном ведре. Иногда таскал с собой, чтобы помнить, что это не игра. Память бывает внешней. На кольцо.

Варя смотрела ему в лицо и искала ложь. Нашла усталость и старый страх. Это не доказывало невиновность полностью — но ломало удобную версию «он злодей с ключами».

— Дверь на камере, — сказала она. — Без человека. Тринадцать секунд.

— Мёртвая зона. И сквозняки. И то, чего я не объясняю начальству, потому что начальство любит проводку больше чудес. Я закрываю проход, потому что туда лезут такие, как вы. И иногда не выходят вовремя. Я видел. Не хочу видеть снова.

Соня скрестила руки, но голос стал тише.

— В газетной заметке мальчик пропал и вернулся. Это были вы?

Алексей Петрович закрыл глаза на секунду. Когда открыл, комната стала меньше.

— Брат. Младший. Много лет назад. Он ушёл за потерянной шапкой. Шутка района. Все думали — убежал. Искали по друзьям. Я нашёл окно. Нашёл, как звать. Нас было трое: я, сосед, двоюродная. Мы говорили вслух. Конкретно. Не «он хороший». Про выбор: как он отдавал мне свой хлеб в поездке, как закрыл собой дверь, когда на нас гавкала собака. Он услышал имя и выбрал вернуться. Сам. Насильно бы не вышло. Я пробовал тянуть — пустота сильнее рук.

Варя наклонилась вперёд. Камера на ремне стукнула о край стула; она даже не поправила.

— Какая цена?

Он открыл глаза. В зрачках не было мистики — только дыра, которую привыкли не показывать на смене.

— Я отдал вещь. Отцовский брелок. Думал — только вещь. Бюро взяло память. Я помню, что отец был. Помню факты: рост, работу, день, когда чинил розетку. Не помню голос. Совсем. Как будто меня лишили канала, по которому голос приходит в голову. Иногда мне снится, что я его вот-вот услышу. Просыпаюсь — тишина. Брат дома. Вырос. Отец потом умер. Я хоронил человека, чей голос для меня — пустое место. И всё равно это была правильная плата. Брата

нет — хуже.

Тишина сделала комнату ещё меньше. Рация на столе коротко шипнула и замолчала, будто тоже не хотела мешать.

Денис первым сказал глухо:

— Значит, возвращение возможно. Но не бесплатно. И не в одиночку.

— Всегда не бесплатно, — кивнул Алексей Петрович. — Поэтому я вас гоняю. Не потому что я «тот самый». Потому что вы ещё не понимаете, чем платите. И потому что кто-то другой уже кладёт имена, а вы лезете в очередь без сдачи.

Варя думала о Насте. О Мише. О Паше. О трёх голосах. О вещи, которую придётся отдать — чью-то дорогую, живую память. О своей плёнке с последним счастливым днём подруги, которая уехала и стала тише. Мысль пришла рано и села глубоко.

— Нас не остановить, — сказала она тихо. — Брата уже написали в канале. Отсчёт идёт. Пустая ячейка ждёт.

Охранник посмотрел на неё иначе — не как на нарушительницу, как на родственницу чужой беды. Связка ключей в его руке звякнула мягче.

— Тогда слушайте осторожно. Трое очно. Правдивый выбор, не комплименты. Забытый должен ответить сам. И кто-то из вас потеряет кусок себя. Навсегда. Если кто-то предлагает удобно забыть вину или боль — бегите. Это та же ловушка, только с другой стороны полки. Я видел людей, которые хотели «почистить» себе голову. Потом им нечем было

помнить, зачем они чистили.

Он вернул им не ключ — предупреждение. И ещё: маленький фонарик из ящика, обычный, тяжёлый.

— Свет в бюро врёт. Берите свой. И не приходите толпой днём. Я не враг. Но и другом вам не буду, пока вы не докажете, что умеете платить без чужих имён на бирках. Если найдёте того, кто кладёт — не геройствуйте на камеру. Приведите ко мне. Или... ладно. Сначала верните своих. Потом думайте про справедливость.

Когда они вышли к вечернему «Маяку», неон уже включался рядами. Соня шла молча. Денис — слишком быстро, спотыкаясь о собственную предусмотрительность. Варя чувствовала в кармане и бирку Паши, и тяжесть чужой цены, которую им только что назвали вслух. Голос отца, которого нет в чужой голове, звучал громче любого канала.

Миша ждал у края света, не входя в зону камер. Голая ладонь торчала из кармана, как напоминание о перчатке на полке.

— Ну? — спросил он. — Охранник вас съел?

Варя ответила коротко, почти без жалости к себе:

— Не он. Вернуть можно. Памятью. Настоящей. Трое в лицо. И выбор за тем, кого зовут.

Миша кивнул так, будто давно подозревал и только ждал, пока они догонят страх до взрослого размера.

— Тогда решайте, чья память. И не выбирайте чужую за человека. Настя тоже слышит. Я тоже. Нас нельзя возвра-

щать «для галочки».

Отсчёт в канале сменил цифру, пока они стояли. Ночь по-
дошла ближе на один шаг. Где-то в парке у «Ракеты» листва
шуршала так, будто кто-то снова не договаривал имя.

И впервые за эти дни Варя поняла: страх потерять брата и
страх самой стать пустее — теперь шли рядом. Не как враги.
Как два условия одной дороги.

После разговора в охране Соня села на бордюр у «Маяка»
и впервые за день позволила голосу дрожать.

— Он потерял голос отца. Навсегда. А мы собираемся...
что? Выбирать, кто следующий без куска памяти? Как будто
у нас есть право очереди.

— Право не выбирать уже потеряли, — сказал Денис. —
Нас выбрали за нас. Канал. Ячейка. Отсчёт. Осталось вы-
брать, чем платить, а не платить ли вообще.

Варя слушала и держала фонарик Алексея Петровича дву-
мя руками. Металл был тёплый от комнаты охраны. Тепло
быстро уходило в осенний воздух. Она думала о цене не аб-
страктно: конкретная дыра в чужой голове вместо голоса.
Конкретная будущая дыра в чьей-то — может, в её — вме-
сто яркости дня. Страх стал предметным. Предметный страх
легче нести, чем туманный. Тяжелее от него отмахнуться.

Миша выслушал пересказ молча. Потом сказал только:

— Тогда не обещайте Насте лёгкого возврата. И мне не
обещайте. Обещайте попытку и честный счёт.

У подъезда Соня обняла Варю коротко, по-деловому, по-

чти сердито.

— Не выбирай цену одна. Слышишь?

— Слышу, — сказала Варя. И впервые за эти ночи это было не отговоркой, а обещанием, которое страшно выполнять.

Варя перед сном записала в блокнот чужую цену чужими словами: «голос отца — пусто». Не чтобы украсть чужую боль. Чтобы не забыть, что возврат всегда оставляет дыру. Потом рядом написала: «Паша / три голоса / вещь». Строка выглядела как домашнее задание. Домашнее задание, за которое ставят не оценку — отсутствие.

Когда Миша ушёл обратно к тени, Денис сказал то, чего раньше стыдился:

— Я боюсь цены. Не теоретически. Конкретно. Вдруг заберут то, без чего я перестану быть собой в мастерской, в семье, в голове.

Никто не засмеялся. Соня кивнула.

— Бояться нормально. Геройствовать без страха — это для канала. Мы живые.

Варя сжала фонарик сильнее.

— Тогда считаем заранее, чем можем платить. И чем не можем. И не обещаем Насте и Мише чужую жертву как подарок.

Это прозвучало жёстко. Жёсткость была формой уважения. Миша, если бы слышал, наверное, оценил бы больше мягких обещаний.

Дома Варя ещё раз перечитала отсчёт. Цифра изменилась.

Паша за стенкой смеялся в голосовые друзьям — голос целый, имя целое, пока. Варя приложила ладонь к стене и убрала. Стена не бюро. Стена просто держала дом.

Она кивнула самой себе. Честный счёт. Впервые за дни эти слова совпали с тем, чего она хотела от самой себя — не от камеры, не от чата, от себя.

Потом открыла коробку со старыми снимками и нашла фотографию с Лизой — уехавшей подругой, последним счастливым днём у входа в парк. Не трогала долго. Просто убедилась, что лежит на месте. Цена ещё не взята. Но цена уже имела лицо и край глянца.

Глава 16. Вернуть Мишу

Окно бюро не светилося. Оно просто было — прямоугольник в старой облицовке, как дыра в привычной стене. За стеклом лежала перчатка Миши. Рядом, в соседней ячейке, чужой браслет Насти. Пашина ячейка всё ещё пустовала, и от этого Варе становилось не легче, а хуже: пустота выглядела как отсрочка, которую кто-то обязательно отберёт.

Аварийная лампа мигала через раз. В переходе пахло сырым бетоном и старой пылью. Часы на телефоне Вари убежали вперёд на тринадцать минут и замерли, будто стыдились собственной лжи.

— Три свидетеля, — повторила Соня тихо, будто список мог сбежать. — Конкретные истории. И вещь с памятью. И он сам должен согласиться. Без общих слов. Без «он хороший».

Денис стоял чуть позади, сжимая в кулаке старый автобусный билет. Бумага уже стёрлась на сгибах. Он смотрел на билет так, словно тот мог сам сказать «нет». Варя заметила, что у него дрожит нижняя губа — совсем чуть-чуть, почти незаметно.

Миша ждал у перегородки. В свете лампы его лицо казалось старше. Настя сидела на ступеньке дальше по коридору — та самая девочка из кинотеатра, которую район уже начинал забывать. Она не смотрела на них. Смотрела на свои

руки, будто проверяла, на месте ли пальцы.

— Вы уверены? — спросил Миша. — Алексей Петрович сказал: потом не вернёшь. Не «почти». Не «можно привыкнуть». Не вернёшь.

— Мы уверены, что без тебя не вытянем, — ответила Варя. Голос прозвучал ровнее, чем она чувствовала. — И что правила работают. Или почти. Мы уже пробовали с двумя — окно молчало. Значит, трое. Значит, сейчас.

Соня кивнула на перчатку.

— Сначала свидетельства. Потом плата. Потом ты. Порядок важнее храбрости.

Варя достала плёночный снимок. На нём Миша всё ещё стоял у перехода, с ремнём камеры в руке. Цифровой телефон в кармане врал бы. Плёнка — нет. Она провела большим пальцем по краю кадра — жест привычный и бесполезный: плёнка не становилась от этого честнее.

Она подошла к окну ближе, чем хотелось. Стекло отдавало холодом.

— Я, Варвара Морозова. Вспоминаю: у школы я роняла камеру в лужу. Миша Соколов поймал ремень. Не из вежливости — быстро, резко, как будто камера важнее ссоры. Мы сразу опять поругались. Но из-за этого у меня остался кадр. Из-за этого я вообще помню, что он был. Не «кажется». Был.

Стекло не дрогнуло. Но внутри ячейки перчатка чуть сдвинулась — или Варе показалось. Воздух стал слушающим.

Соня шагнула следом. В руках у неё был лист из тетради: она всегда писала заранее, даже то, что собиралась сказать живым голосом.

— Я, Софья Белова. В лаборатории разбился штатив. Класс молчал. Миша сказал, что это он. Хотя все видели, кто толкнул. Он выбрал прикрыть всех, а не себя. Из-за этого нас не развели по разговорам с родителями. Из-за этого я потом ещё неделю злилась, что он геройствует. Но выбор был его. Конкретный.

Денис выдохнул и тоже подошёл. Билет всё ещё в кулаке. Он говорил тихо, без иронии — редкость.

— Я, Денис Крылов. У промзоны у меня слетела велосипедная цепь. Уже темнело. Миша остался. Не сказал «сам виноват». Просто держал фонарик и помогал, пока я не собрал обратно. Из-за этого я добрался домой сам, а не звонил отцу в панике. Из-за этого я вообще поверил, что с ним можно идти ночью.

Окно отозвалось тихо: тонкий металлический щелчок, будто кто-то сдвинул защёлку изнутри. Перчатка легла ровнее. Воздух стал плотнее — не холоднее, просто плотнее, как перед грозой в маленьком дворе. У Вари заложило уши на секунду.

Миша смотрел не на окно. На Настю.

— Если я уйду, она останется.

Настя подняла голову. Глаза сухие, злые не на них — на самую ситуацию.

— Я не просила тебя быть героем.

— Я и не герой, — ответил Миша. — Я просто знаю, каково это. Когда люди обещают «потом» и уходят к своим живым делам.

Варя сжала ремешок камеры так, что кожа на ладони вспыхнула.

— Мы не бросаем. Обещаем. Сначала ты — потому что ты знаешь маршрут и точки. Потом Настя. Потом Паша. По очереди, пока хватает памяти и свидетелей. Без очереди «кого жалко меньше».

— Красиво звучит, — сказала Настя без злости. — Пока не начнёте считать, кого жалко меньше. Район любит такие красивые фразы. Они хорошо ложатся в пустые ячейки.

Соня резко повернулась.

— Мы не считаем. Мы списком ведём. Это другое. Список не разрешает забывать. Он мешает.

Миша почти улыбнулся — коротко, криво.

— Вы трое уже назвали. Если я скажу «нет», окно закроется?

Никто не знал точно. Алексей Петрович говорил только про согласие. Не про повторные попытки. Не про то, сколько раз можно стучать в одну и ту же дверь.

Варя шагнула ближе к нему, но не касалась. Между ними всё ещё висела несказанная история про ролик — она чувствовала её как чужой запах на одежде.

— Не насильно. Ты слышишь своё имя. Ты выбираешь.

Мы стоим здесь не чтобы тащить тебя за рукав. Если скажешь «нет» — мы уйдём и вернёмся с другим планом. Но план хуже.

Секунду Миша молчал. Потом кивнул в сторону Дениса.
— Тогда платите. Пока я не передумал. И пока Настя не сказала что-нибудь ещё более правильное.

Денис разжал пальцы. Билет был маленький, с выцветшим номером маршрута и датой, которую уже почти не разобрать. На обороте детским почерком было написано что-то стёртое — может, «сам».

— Это первая поездка с отцом, когда он посадил меня одного до кольца и сказал: «Сам». Я помню... — он запнулся, искал слова, как ключи в темноте. — Я помню, что было важно. Сейчас отдам. Если после этого стану бесполезным — скажите прямо.

— Не станешь, — сказала Соня. — Станешь человеком с дыркой. Это не то же самое.

Он положил билет на узкую полку под окном, рядом с биркой перчатки. Бумага легла ровно. В ту же секунду Варя услышала тихий шорох — будто кто-то перелистывает старую тетрадь далеко внутри стены. Лампа мигнула и снова зажглась.

Денис моргнул. Плечи у него опустились не от облегчения — от отсутствия.

— Готово?

— Скажи, — тихо попросила Варя. — Что ты помнишь

про поездку. Сейчас. Вслух.

Денис нахмурился, будто искал вещь в кармане и не находил.

— Мы ехали. Отец... был рядом. Потом я один. Билет настоящий. Кольцо настоящее. Всё. — Он потёр висок. — Раньше там было ещё что-то. Голос? Или как пахло в салоне? Или то, как он смотрел, когда двери закрылись? Не знаю. Как будто вырезали кусок из середины и склеили края ровно.

Соня положила ладонь ему на плечо — коротко, по-деловому, без утешительных речей.

— Ты здесь. Это считается. Дыши.

Миша посмотрел на окно, потом на Варю, потом снова на Настю. Настя кивнула ему едва заметно — не «разрешаю», а «не дури ради меня дольше положенного».

— Миша Соколов, — сказал он вслух, и имя прозвучало странно громко в пустом переходе. — Я выбираю вернуться. Не потому что вы идеальные. Потому что я не хочу, чтобы район решал за меня.

Стекло будто стало тоньше. Перчатка исчезла из ячейки — не вспышкой, а так, словно её никогда там и не было. В следующую секунду Варя увидела, как Миша вздрогнул всем телом: будто кто-то вернул ему вес, температуру, право отбрасывать тень.

Настя тихо выдохнула.

— Получилось. Смотри не зазнавайся.

Миша поднял руку — ту самую, без перчатки — и по-

смотрел на пальцы так, будто впервые замечал их при нормальном свете. Затем шагнул за линию перегородки, туда, где начинался «дневной» коридор. Никто его не оттолкнул. Воздух его не вернул. Даже пыль на ботинках вдруг стала обычной пылью, а не частью чужого правила.

— Проверь, — сказала Соня. Голос дрожал только на последнем звуке.

Они вышли к лестнице. Наверху, у решётки перехода, мимо прошла женщина с сумкой. Она косо глянула на четверых подростков — и именно на четверых. Взгляд зацепился за Мишу. Не прошёл сквозь. Женщина даже буркнула что-то про «нечего орать по ночам», хотя никто не орал. Это было прекрасно в своей бытовой грубости.

Варя почувствовала, как внутри отпускает тугой узел. Не радость. Что-то ближе к страху, который наконец нашёл форму и имя.

Миша обернулся к Насте, всё ещё сидевшей на ступеньке по ту сторону.

— Мы вернёмся.

— Не обещай громко, — ответила Настя. — Район любит громкие обещания. Шепотом труднее съесть.

Денис молчал. Он смотрел на пустую ладонь, где только что лежал билет. Варя подошла ближе.

— Больно?

— Не больно, — сказал Денис. — Пусто. Как будто шутка, которую все помнят, а я — только что она была. И ещё чуть

стыдно, что пусто важнее победы.

Миша кивнул ему один раз — коротко, без пафоса.

— Спасибо. Не за «спасение». За то, что назвал конкретно. И за то, что отдал не чужое.

Соня уже листала телефон, сверяя время. У бюро часы опять вращались. Снаружи — почти норма, если не считать мокрого асфальта и ощущения, что ночь слишком длинная для октября.

— Паша на второй ночи голосования, — сказала она. — Настя на второй стадии. Мы только доказали, что возврат возможен. Это не финал. Это инструкция, написанная чужой памятью.

Варя подняла камеру. Хотела снять Мишу у выхода — доказательство. Потом опустила. Снимок уже не был самым важным. Важнее было то, что женщина с сумкой его увидела.

Миша поймал её взгляд и сразу отвёл. Доверие ещё не вернулось вместе с ним. Только тело. Только имя. Только шанс стоять в одном кадре без дыры.

— Завтра днём собираемся у «Ракеты», — сказала Варя. — И решаем, чья память следующая. И как не превратить это в соревнование героев.

Никто не спорил. Даже Настя за спиной тихо сказала:

— Хотя бы спите иногда. Забытым тоже легче, когда живые не ходят кругами от усталости.

За спиной, в темноте перехода, окно бюро снова стало обычной трещиной в стене. Пашина ячейка оставалась пу-

стой. Пока.

Варя шла первой по лестнице и думала не о чуде, а о цене: Денис уже заплатил. Следующим мог стать кто угодно. В том числе она.

И ещё — о том, что Миша вернулся. Полностью. И теперь у него будет право спросить то, чего она до сих пор не говорила вслух.

Глава 17. Не герой

Утром Речной делал вид, что ночи не было. Автобусы ходили. В школе звонили. В чате класса спорили про контрольную и кто опять «забыл» принести тетрадь. Миша сидел за своей партой, и учитель назвал его фамилию без запинки — будто она всегда тут стояла в журнале. Сосед повернулся одолжить ластик и не провалился взглядом в пустоту. Всё было чудовищно обычно.

Варя смотрела на него через проход и ловила себя на том, что ждёт сбоя. Пустого места. Чужого имени. Ничего не случилось. Только обычный урок, на котором невозможно было усидеть: карандаш ломался, мысль убегала к переходу, к билету, к пустой ладони Дениса.

На перемене Соня поймала их у окна у лестницы. За окном моросил дождь, тонкий, противный, школьный.

— Денис не в школе. Написал: «голова». Я думаю, не только голова. И не «температура».

Миша кивнул сразу.

— Пойдём к нему.

Варя удивилась скорости, с которой он согласился. Вчерашний Миша сказал бы «сам разберётся». Сегодняшний смотрел так, будто долг уже не теория. Или почти не теория.

Дом Дениса стоял ближе к промзоне, чем к школе: старая пятиэтажка, двор с сушилкой, запах сырого бетона после

ночного дождя, лужа у подъезда в форме кривой рыбы. Денис открыл дверь в домашней футболке, с кружкой, из которой давно ничего не пил. Под глазами тени.

— Вы как комиссия, — сказал он. — Заходите, раз уж припёрлись. Только тапки не ищите. У нас демократия грязных носков.

В комнате на столе лежала схема района — та самая, что они рисовали вместе. Рядом пустой прозрачный файл, где раньше, Варя помнила, он хранил мелочи: жетоны, старые билеты, значки. Файла с автобусным билетом больше не было. Конечно. Пустое место в файле выглядело честнее любого объяснения.

Соня села на край стула, как на совещании. Достала ручку.

— Расскажи, что именно пропало. Не «пусто», а по пунктам. Мне нужно понимать цену, а не восхищаться жертвой.

Денис пожал плечами и крутанул кружку.

— Факт помню. Первая самостоятельная поездка. Отец посадил. Я доехал. Точка. — Он помолчал, глядя в стену. — Раньше, когда я думал об этом, было... тепло? Гордость? Страх и сразу «я смог». Запах мокрого пальто. Голос, которым он сказал «сам». Сейчас как запись в дневнике чужого человека. Буквы есть. Чувства нет. Я могу пересказать сюжет и не вспомнить, зачем он мне был дорог.

Варя кивнула. Алексей Петрович говорил почти теми же словами про голос отца. Разница была в возрасте и в том, что Денис ещё не успел привыкнуть носить дырку аккуратно.

— Ты жалеешь?

Вопрос вышел жёстче, чем она хотела. Денис посмотрел прямо.

— Жалею, что пришлось. Не жалею, кого вернули. — Он глянул на Мишу. — Но я боюсь следующей цены. Если каждый раз так — мы быстро станем пустыми и начнём гордиться пустотой. Это хуже страха.

Миша стоял у стены, руки в карманах. Молчал дольше обычного, потом сказал:

— Я не просил тебя быть героем.

— Я и не был, — ответил Денис. — Я был тем, у кого в кармане нашлась подходящая вещь. Это другое. И хуже. Герой выбирает позу. Я выбрал билет, потому что он был ближе всего к правде.

Тишина повисла неловкая, почти школьная. За стеной кто-то включил воду. Соня достала блокнот и постучала ручкой по обложке.

— Тогда фиксируем правило для нас. Никто не отдаёт память в одиночку и втихую. Сначала говорим. Считаем, что останется. И всегда оставляем запасного свидетеля.

— Запасного? — переспросила Варя.

— На случай, если кто-то не выдержит смотреть, как у друга вырезают середину, — сказала Соня. — Или если кто-то струсит. В том числе я. В том числе ты. Особенно ты, когда хватаешься за камеру вместо «мне страшно».

Миша хмыкнул без веселья.

— Практично.

— Практично — это я, — согласилась Соня. — Драматично — это вы трое. Я вас люблю списками, иначе вы разбежитесь.

Варя села на пол у батареи. Камера висела на груди мёртвым грузом. Хотелось снять комнату, схему, лица — «на всякий». Рука не поднялась. После ночи фиксация казалась трусостью: как будто снимок мог заменить присутствие. Она оставила камеру закрытой и просто слушала, как тикают дешёвые настенные часы.

— Слушайте, — сказал Денис тише. — Я всю жизнь думал: смелость — это когда не страшно. У меня всегда страшно. Поэтому я казался себе... лишним в вашей компании. Тем, кто предлагает отступить первым. Вчера я всё равно положил билет. И теперь понимаю, что страх никуда не делся. Просто я его пронёс через окно. И это, оказывается, тоже действие.

Миша отлепился от стены и сел на подоконник. Дождь рисовал на стекле короткие линии.

— Тогда скажи ещё вот что. Мне нужна помощь. Не «спасите бедного забытого». Практически. Я плохо помню дневные маршруты за те дни, пока меня не было. Кто что говорил. Кто куда ходил. Какие шутки уже не смешные. Если мы ищем, кто кладёт бирки, мне нужны ваши глаза и ваши скучные детали.

Варя моргнула. Это было почти признание — не в симпа-

тии, в нужде. Для Миши, кажется, тяжелее любого ночного круга.

— Хорошо, — сказала она. — Сверим чаты, камеры у «Маяка», времена публикаций. Ты скажешь, что видел на маршруте. Мы — что видели снаружи. Паша поможет с бумажками. Он это умеет лучше нас.

Соня уже писала, наклонившись так низко, будто список мог убежать.

— И Настя. Список отдельно. Не смешивать с Пашей. И отдельно — цена Дениса. Чтобы потом не сказали «ну это мелочь».

Денис кивнул на схему.

— Я могу вести точки. Даже если... — он постучал пальцем по виску, — внутри дырка, ноги помнят район лучше головы. От «Ракеты» до кольца девять минут быстрым шагом. От кольца до перехода — двенадцать, если не срезать через стройку. Срезать нельзя: там камеры и глупые идеи.

Они просидели час. Не геройствовали. Спорили, где быстрее пройти от кинотеатра к кольцу без лишних глаз. Денис иногда замолкал посреди фразы, будто натыкался на отсутствующую ступеньку в собственной памяти, и тогда Миша просто ждал, не подгоняя и не заполняя паузу чужой историей. Варя замечала это боковым зрением и чувствовала странную благодарность: не ей одной пришлось учиться не чинить чужое молчание разговором.

Когда они собирались уходить, мама Дениса крикнула из

кухни, домашний ли кто. Денис ответил привычно, голосом «всё нормально», который взрослые почему-то принимают за правду. На пороге он задержал Варю за рукав.

— Если Паше станет хуже — скажи сразу. Не геройствуй фотоаппаратом. И не геройствуй молчанием. У меня теперь аллергия на оба сорта героизма.

— Я не...

— Ты именно этим и геройствуешь, — сказал он без злости. — Я теперь эксперт по ценам. Слушай эксперта. Эксперт устал и хочет чай.

На улице моросил всё тот же дождь. Соня раскрыла капюшон. Миша шёл рядом с Варей молча до поворота, где дорога делилась на школу и на «Маяк».

— Он нормальный, — сказал Миша наконец. — Денис. Не «полезный». Нормальный. Это редко.

— Знаю, — ответила Варя.

— А ты... — он запнулся, искал слово и не нашёл безопасного. — Не исчезай из разговора, ладно? Когда страшно. Камера потом. Сначала рот.

Варя кивнула. Горло сжалось — не от комплимента, от точности. Хотелось сказать «я попробую». Сказала:

— Хорошо.

В школе после обеда Паша поймал её у раздевалки. Пахло мокрыми куртками и чужим шампунем.

— Вы что-то сделали ночью, — сказал он не вопросом. — У тебя лицо как после контрольной, которую списали и

всё равно боятся. У Дениса в чате «молчание эксперта». У Миши глаза живые. Это улики.

— Потом, — ответила Варя. — Дома.

Паша прищурился.

— «Потом» у тебя всегда означает «без меня». Я уже в голосовании, Варя. «Без меня» закончилось.

Она не успела ответить: звонок срезал разговор. Но в груди уже шевельнулось новое беспокойство. Не только бюро. Семья. Та самая, которую она привыкла охранять сбоку кадра, будто кадр может заменить присутствие за столом.

Вечером они вчетвером сидели на лавке у закрытой «Ракеты». Краска на спинке облезала серыми островами. Миша пил воду из бутылки Дениса. Соня зачитывала список улик вслух, как молитву против хаоса. Денис иногда поправлял время пути между точками и морщился, когда память пыталась подставить чувство вместо факта — и не находила. Варя слушала и думала: вот оно — не отряд спасения, а странная временная семья, собранная из страха, упрямства и чужих дырок.

Найденная. Пока не рассыпалась.

На телефоне вспыхнуло уведомление канала. Новое сообщение без имени автора — как всегда.

Соня открыла быстрее всех. Экран подсветил её лицо холодным белым.

Голосование по Паше не остановилось. Оно просто стало тише. И рядом, мелким шрифтом, чужая рука — или чужой

админ — написала: «Вторая ночь важнее первой. Проверьте, кого ещё помнят дома».

Варя встала так резко, что лавка скрипнула.

— Домой. Сейчас.

Никто не спросил «зачем». Семья не по крови иногда начинается не с объятий, а с того, что все сразу понимают одну и ту же угрозу.

Глава 18. Мама забывает

Кухня пахла обычным вечером после смены: лук, чай, мокрая ткань на батарее. Мама разулась в коридоре, поставила сменную сумку у тумбы и сразу пошла греть чайник, как делала всегда. Варя стояла в дверях, не снимая куртку. Паша сидел за столом и листал учебник так внимательно, будто там прятался ответ на другой вопрос. Соня уже была в комнате — «на пять минут», как они сказали маме. Денис и Миша ждали в коридоре тише мышей.

— Вы голодные? — спросила мама. — Варюша, сделаю тебе яичницу. Паш... — она запнулась, взглянула на второго ребёнка и моргнула, будто свет моргнул вместе с ней. — Ты уже ел?

— Нет, — сказал Паша ровно. — Я тоже хочу.

Мама кивнула слишком быстро. Достала одну сковородку, потом вторую — спохватилась на полпути.

— Конечно. Сейчас. Просто... я почему-то думала, что завтракаю только с тобой, Варя. Глупо. Усталость. Смена длинная.

Варя поставила сумку на пол осторожно, как взрывчатку. Куртку всё-таки сняла — иначе мама начала бы спрашивать про улицу.

— Мам. Какого числа у Паши день рождения?

Мама засмеялась — коротко, не понимая подвоха. Поме-

шала чай ложкой, хотя заварка ещё не стояла.

— Ну ты даёшь. Летом. В июле... — пальцы стукнули по краю столешницы. — Подожди. Девятое? Нет. Или одиннадцатое. Паш, ты же сам говорил учителю на собрании...

— Двадцать третье июня, — сказал Паша. Голос не дрожал. Глаза — да. — Ты каждый год печёшь тот же пирог. Ты помнишь пирог?

Мама открыла рот и закрыла. Чайник щёлкнул. В тишине было слышно, как за окном едет поздний автобус и кто-то громко зовёт собаку во дворе.

— Конечно, помню, — сказала она наконец, но уже без уверенности. — Просто день... день уехал куда-то. Голова после смены. Вы меня не пугайте своими шутками, ладно?

Варя пересеклась взглядом с братом. Вторая стадия. Не теория из блокнота Сони. Кухня. Тарелки. Пирог, который пока ещё существует в чьей-то речи. Она хотела достать телефон и показать маме календарь с датой — цифру, якорь. Рука остановилась: цифры район уже умел врать. Живой голос брата пока ещё нет.

Паша встал. Стул тихо скрипнул по линолеуму.

— Мам, мы уроки. Ты отдыхай. Яйца можешь не жарить, мы сами. И... спасибо, что две тарелки. Правда.

В комнате он закрыл дверь бедром и сразу перешёл на шёпот, резкий, как у взрослого, которому надоели сказки.

— Хватит. Вы ходите ночами, врёте про кружки и проект по району, а меня кормите «не волнуйся». Я уже в голосова-

нии. Мама путает мой день рождения. Сначала на столе была одна тарелка в её голове. Это про меня. Не про «атмосферу».

Варя села на край кровати. Камера лежала рядом — она отодвинула её дальше, почти символически.

— Мы вернули Мишу. Правила работают. Нужны три свидетеля и память. Мы...

— Мы, — перебил Паша. — Скажи «мы», включая меня. Или я сам пойду к переходу и положу туда что угодно, лишь бы перестать быть объектом вашей опеки. Я умею находить бумажки. Я уже нашёл.

— Не вздумай класть что-либо сам, — вырвалось у неё.

— Вот. Опять. — Он ткнул пальцем в камеру. — Ты снимаешь, чтобы сохранить. А я хочу знать, что со мной делают, пока меня стирают. Разница.

Дверь тихо скрипнула. Соня стояла на пороге. За ней виднелся Денис; Миша остался у обувницы, не входя глубоко в чужой дом без нужды, но слышал.

Соня подняла блокнот, как щит и как договор.

— Тогда включаем. Паша, слушай коротко. Бюро берёт вещь с именем. Три ночи без востребования. Голосование — прикрытие, само по себе бессильно. Возврат — три очных истории и плата личной памятью. Ты сейчас на ослаблении связей. Значит, близкие начинают ошибаться. Не исчезать сразу — ошибаться. Путать даты. Готовить на одного. Называть «тот мальчик».

Паша кивнул один раз. Пальцы белели на краю стула.

— Где моя вещь?

Тишина. Варя ненавидела эту паузу сильнее любого крика в канале.

— Мы не знаем, — честно сказала она. — Ячейка с твоим номером пока пустая. Значит, либо ещё не положили, либо положили не туда, либо бирка, что ты нашёл, была подготовкой. Чужой репетицией.

— Или ловушкой, — добавил Денис из коридора. — Чтобы ты полез раньше срока и попал сам. Бюро любит аккуратных свидетелей меньше, чем тихих жертв.

Миша наконец вошёл и прислонился к шкафу. В комнате сразу стало теснее — не физически, смыслом.

— На маршруте я видел, как появляются новые бирки. Не каждую ночь. Когда кто-то приходит после закрытия. Если твою вещь ещё не сдали — у нас есть окно. Если сдали — часы уже идут, даже если стекло врёт пустотой.

Паша смотрел на него без прежнего страха «старшеклассника». Скорее с оценкой, жёсткой и быстрой.

— Ты был там полностью. Каково?

— Как идти по знакомому району, который тебя не выбирает, — сказал Миша. — Люди смотрят сквозь. Ноги помнят повороты. Голова спорит. Иногда хочется сесть и подождать, пока мир сам вспомнит. Не вспоминает.

Паша сглотнул.

— Тогда я иду с вами в следующий раз. Не «посмотреть». Участвовать.

Варя хотела сказать «нет». Привычка опека́ть подкатила к горлу готовой фразой. Вместо этого спросила:

— Что ты готов делать, кроме «идти»?

— Искать вещь. Сверять почерк на бирках. Я нашёл первую. Я заметил остаток фамилии. Вы все смотрите на большие тайны и камеры, а я — на бумажки у ног. И ещё я скажу маме столько правды, сколько она сможет унести без паники. Это тоже работа.

Соня сразу записала. Ручка скрипнула.

— Принято. Роль: поиск физических следов. Право голоса на сборах. Без сюрпризов «ради его же блага». Варя, это про тебя. Подпиши взглядом.

Варя кивнула. Укол прошёл глубоко: «ради его же блага» было её родным языком.

Мама постучала и вошла с двумя тарелками — спохватилась по-настоящему. На обеих была яичница, чуть пересоленная. Она поставила их на стол, провела ладонью по волосам Паши привычным жестом и на миг задержалась, будто проверяла, настоящий ли он, тёплый ли.

— Вы такие серьёзные, — сказала она устало. — Как будто район куда-то денется без ваших совещаний. Ешьте. И не сидите до полуночи. Утро раньше, чем вам кажется.

Когда дверь закрылась, Паша тихо произнёс:

— Она почти убрала руку. Как у чужого ребёнка. Потом вернула. Пока ещё возвращает.

Варя не стала спорить. Взяла камеру, открыла крышку,

посмотрела на пустой кадр и закрыла снова. Хотелось снять мамину руку на его волосах. Не сняла. Впервые за долгое время жест показался кражей, а не заботой. Соня тихо добавила в блокнот: «семья = ставка», и Варя была благодарна, что это записали без лишних слов вслух при Паше.

— Завтра после школы — переход днём. Смотрим ячейки через щель. Сравниваем время. Если мама снова ошибётся в мелочи — фиксируем без паники, просто факт. И... — она взглянула на Мишу, — ты скажешь, где на маршруте чаще всего появляются новые вещи. Паша идёт с нами до решётки. Дальше — по ситуации, без геройства. Без «я сам быстро гляну».

Миша кивнул.

— Скажу. Но если Паша идёт — он слушает и не геройствует один. Условия одинаковые для всех. Включая тех, кто любит спасать молча.

— Одинаковые, — повторил Паша. И впервые за вечер почти успокоился: не потому что стало безопаснее, а потому что перестал быть декорацией в чужом расследовании.

Позже, когда гости ушли, Варя мыла кружки и слышала, как мама в комнате тихо спрашивает Пашу, не менял ли он причёску. Паша отвечал коротко, терпеливо, как человеку, которого надо удерживать в собственной памяти мягкими фактами. Варя смотрела на пену и думала: семейная память — не архив. Её нельзя перефотографировать. Её можно только удержать, пока она тёплая. Пока рука ещё возвра-

щается на макушку.

Ночью телефон показал геолокацию без запроса: тонкая петля у перехода на тринадцать минут. Варя не ходила туда. Район просто напомнил, что часы уже считают кого-то другого — или готовятся считать.

Она написала в общий чат четырёх: «Паша в деле. Не опекать. Включать».

Соня ответила первой: «Ок. Список обновила. Завтрак — улика».

Денис: «Ок. Страшно. Иду».

Миша: «Ок».

И отдельно, только ей: «Не снимай его вместо разговора».

Варя долго смотрела на сообщение. Потом убрала телефон экраном вниз. В соседней комнате Паша ворочался и не спал — она слышала. За стеной мама поставила будильник не на ту смену и тихо выругалась так, будто день недели тоже начал плыть.

Вторая стадия не кричала. Она путала мелочи. А мелочи держали дом крепче любых громких обещаний.

Варя лежала и повторяла про себя дату брата, как пароль: двадцать третье июня. Двадцать третье июня. Пока ещё кто-то должен держать это вслух. За стеной мама снова переставила будильник — уже правильно — и тихо спросила в темноту: «Паш, ты тут?» Паша ответил: «Тут». Одного слова хватило, чтобы кухня на минуту снова стала домом, а не местом утечки памяти.

Глава 19. Полный ролик

Паша пришёл к ним на лавку у «Ракеты» с ноутбуком в рюкзаке — старым, семейным, который мама использовала «для работы и сериалов». Экран был в трещинке у угла, зарядка торчала из кармана, как хвост. Вечер был ветреный: листва билась о бордюр, вывеска кинотеатра скрипела одной буквой.

— Не орите сразу, — сказал он вместо приветствия. — Я искал резерв. Мама когда-то копировала папку «школа_видео», потому что телефон забивался. Там куча мусора. И вот это. Смотрите до конца. Оба файла.

Он нажал пробел.

Сначала Варя увидела то, что все уже видели: обрезанный ролик со стройки. Руки, крик, Миша резко выхватывает телефон, удар, чужой смех за кадром. Короткий кусок, удобный для пересылки. Подпись в старом чате, уже стёртая временем, но оставшаяся в памяти класса как ярлык: агрессия. Опасный. Сам виноват.

Паша перемотал назад и открыл другой файл рядом — длиннее на сорок секунд. Полоска прогресса выглядела обвинением сама по себе.

— Это не «версия». Это исходник до обрезки. Кто-то вырезал начало. Резерв тупой. Он хранит лишнее.

На полном кадре было тесно и глупо: подростки у сетки

недостроенного спорткомплекса, вспышка фонарика в лицо, Ксюша у края ямы, голос за камерой — липкий, весёлый, требующий «улыбнись» и «ну же». Кто-то ржёт за кадром так, будто это игра. Миша входит в кадр не с кулаком. Сначала — ладонью на объектив. Потом — словами, которых в короткой версии не было: «Хватит. Убери. Она сказала нет». Пауза. Ксюша отворачивается. Телефонном всё равно лезут ей к лицу. Только тогда он выбивает его. Удар выглядит жёстко. Контекст — иначе. Конец ролика совпадает с тем, что гуляло по классу. Начало — нет. Сорок секунд правды, которые кто-то счёл лишними.

Соня смотрела не моргая. Пальцы сжали край блокнота до белизны.

— Почему у тебя это?

— Потому что я скачивал всё подряд в том месяце, — сказал Паша. — И потому что резерв не умничает так быстро, как чаты. И потому что вы опять всё решали без меня, а мне надоело быть маленьким.

Миша стоял столбом. Лицо не радостное. Усталое, будто ему вернули старую тяжесть вместе с правдой.

— Я говорил, — тихо бросил он. — Мне не верили. Удобнее короткий кусок. Короткий кусок хорошо бежит по классу. Длинный — спотыкается о совесть.

Варя чувствовала, как холодеет живот. Она знала этот короткий кусок слишком хорошо. Не потому что смотрела сто раз. Потому что нажала «переслать». Пальцем. Быстро. Как

все. Хуже, чем все: она потом делала вид, что стоит в стороне.

Соня медленно повернулась к ней. Ветер трепал ей чёлку, и от этого взгляд казался ещё прямее.

— Варя. Ты же говорила, что просто «все кидали» и ты «не участвовала». Ты говорила это мне. В лицо.

Горло стало узким. Камера на груди вдруг показалась невыносимо тяжёлой.

— Я... не снимала. И не обрезала.

— Это другой вопрос, — сказала Соня. — Ты пересылала?

Тишина ударила сильнее любого крика. Где-то у «Маяка» гукнул автобус. Денис отвёл глаза к асфальту и считал трещины. Миша смотрел прямо — впервые за эти дни без полумер, без долга спасённого.

Варя кивнула. Один раз. Как подпись под заявлением.

— Да. Переслала обрезок. Класс уже разогнал. Я подумала: если не перешлю, всё равно увидят, а меня сочтут... — она не договорила. Слово «удобной» торчало в горле осколком. — Я трусила. Не хотела выпасть из общего. После уехавшей подруги «общее» казалось единственным способом не исчезнуть самой. И потом прятала это за расследованием. За «я спасаю». За плёнкой. За маршрутом. За всем, что выглядело правильно со стороны. Даже себе врала, что молчание — почти не участие.

Соня закрыла ноутбук Паши слишком аккуратно —

страшнее, чем если бы хлопнула.

— Ты использовала нас. Не как друзей. Как команду для очистки совести. Я водила списки, Денис отдавал память, Миша выбирал вернуться — а ты всё это время держала в кармане кнопку «переслать».

— Я хотела вернуть его по-настоящему, — вырвалось у Вари. Голос сорвался на середине.

— По-настоящему начинают с правды, — ответила Соня. — Ты тащила плёнку, бирки, маршруты — и молчала про единственное, что Миша имел право знать с первой минуты. Даже когда он смотрел на тебя как на человека, которому нельзя доверять. Ты подтверждала его правоту молчанием.

Миша коротко засмеялся — без звука почти.

— Я знал. Не про файл. Про чувство. Когда человек спасает тебя и одновременно боится остаться с тобой в одном кадре вины. Камера у неё всегда между нами. Теперь понятно, от чего.

— Почему молчал? — спросила Варя. Это прозвучало жалко, и она сама это слышала.

— Потому что хотел посмотреть, когда сама скажешь. — Он пожал плечами. — Не сказала. Сказал район через брата и тупой резерв. Даже обидно за драматургию.

Паша сидел сжавшись, но не извинялся за находку. Плечи были квадратные от упрямства.

— Я не для ссоры искал. Для правды. Если мы ловим того, кто стирает людей, нам нельзя жить на обрезанных роликах.

Иначе мы сами бюро. Только школьное.

Денис наконец поднял голову. Голос осторожный.

— Технически это улика ещё и против того, кто обрезал и запустил. Не только против Вари. Короткий файл кто-то сделал удобным. Кто-то кормил им канал.

— Потом, — резко сказала Соня. — Сначала — доверие. Без него ваши три свидетеля — цирк. Я не могу стоять у окна и верить словам человека, который уже врал взглядом.

Она встала. Блокнот убрала в рюкзак так, словно больше не собиралась открывать его при Вале. Молния закрылась громко.

— Я иду домой. Перепишу списки одна. Или не перепишу. Не знаю. Мне нужно не слышать твои «я хотела как лучше».

— Соня... — начала Варя.

— Не сейчас. — Соня смотрела мимо её лица, в тёмную пустую афишу «Ракеты». — Ты снова выбрала камеру вместо разговора. Даже когда разговор был единственным честным кадром. Мне больно не потому что ты ошиблась тогда. А потому что врала сейчас. Нам. Мне.

Она ушла по аллее к остановке. Спина ровная. Это было хуже, чем если бы она бежала: бег можно догнать. Ровная спина — приговор.

Миша остался. Но расстояние между ними стало физическим — как перегородка в переходе, только без аварийной лампы.

— Скажи хоть, зачем именно, — попросил он тихо. — Не «все так». Зачем ты. Мне нужно слово, не атмосфера.

Варя сжала ремешок до боли.

— Потому что год назад подруга уехала и перестала отвечать. Сначала редко. Потом никак. Я решила: люди уходят. Остаются копии. Переслать ролик казалось способом остаться «в общем». Не выпасть. Не стать следующей лишней. Я выбрала не быть лишней ценой того, что сделала лишним тебя.

— И ты сделала, — сказал Миша. Не обвинением. Фактом, положенным на лавку между ними. — Ладно. Факт принял. Разговор — потом. Если будет потом. Сейчас мне надо пройтись. Один. Без спасателей.

Он тоже ушёл — не за Соней, в другую сторону, к школьному двору, где фонари уже жгли мокрый асфальт белыми кругами. Денис потоптался, переложил фонарик из кармана в карман.

— Я... могу остаться. Или отойти, оставить вас наедине. Я плохо умею в такие минуты. У меня опыт с цепями и билетами, не с... этим.

— Иди, — сказала Варя. — Правда. Иди. Ты ни при чём.

— При чём, — тихо возразил Денис. — Мы же компания. Даже когда она трещит. — Он всё равно ушёл, оглянувшись один раз. — Напиши, если Паше хуже. Не молчи «ради порядка».

Остались они с Пашей и треснувшим ноутбуком. На экра-

не в режиме паузы Ксюша всё ещё замирала в кадре до чужого смеха. Паша закрыл крышку.

— Извини, что нашёл.

— Не извиняйся, — ответила Варя. — Ты сделал то, что должна была сделать я на второй день. Или на первый.

Ветер принёс запах мокрой листвы от парка. Где-то мигала реклама без слов, которые стоило читать. Варя сидела и понимала: возврат Миши ничего не отменил. Цена Дениса ничего не отменила. Пока она прятала обрезки собственной вины, отряд был временным союзом на страхе. Не семьёй. Семью не по крови не выдают за удачный квест. Его можно потерять на одном «переслать» и одном молчании после.

Телефон вибрировал. В канале новое голосование не появилось. Появилась старая реакция: кто-то снова лайкнул ветку про Пашу. Будто ничего личного. Будто просто контент на вечер. Варя чуть не швырнула телефон в траву — и не швырнула. Разбила бы экран. Правду — нет.

Варя поднялась. Колени задрожали — глупо, по-подростковому.

— Пойдём домой. И... больше никаких «потом» про тебя. Только про меня — да. Мне нужно подумать, как не чинить это одной героической глупостью.

Паша посмотрел скептически, слишком взросло для тринадцати.

— Ты сейчас как раз выглядишь человеком, который собирается на глупость. Одну. Геройскую. Ночную.

Она не ответила. Потому что он угадал. И потому что в голове уже складывался маршрут к пустой ячейке — в одиночку, без разговора, как всегда, когда становилось невыносимо быть видимой.

Глава 20. Отряд распадается

Утром Соня не подошла. В чате статуса «онлайн» хватало, ответов — нет. На перемене она прошла мимо так близко, что Варя услышала шорох рюкзака, и всё равно не остановилась. На истории Беловой Варя не рассчитывала: Соня истории не вела, она вела списки. Списки теперь были где-то без Вари.

Миша в школе был. На уроках присутствовал телом. На перемене обошёл Варю так аккуратно, будто между ними лежала мокрая краска и он не хотел поставить след. Один раз их взгляды встретились у доски объявлений — и оба отвели одновременно, как по команде.

Денис написал в личку: «Соня сказала не посредничать. Я посредничать и не умею. Если что по Паше — зови. Не геройствуй».

Варя сидела на подоконнике у спортзала и чувствовала привычный соблазн: достать камеру, сделать вид, что она занята работой по проекту «Мой район», а не тем, что осталась без команды. За окном кто-то бил мяч о стену. Стук был ровный, тупой, как метроном чужой нормальной жизни. Камера тяжёлая. Честная. Бесполезная против собственного характера. Она всё-таки достала её — и снова убрала, не снимая. Даже пустой жест уже был ложью.

Паша появился с двух сторон сразу — из коридора и из

тревоги. Щёки красные от быстрого шага.

— Мама сегодня назвала меня «тот мальчик» по телефону, разговаривая с тётей. Потом исправилась. Смеялась. Сказала «совсем без головы». — Он сглотнул. — Сколько у нас ночей? Не ври «не знаю» красиво.

— Не знаем точно, — сказала Варя. — Пока вещь не в ячейке, третья ночь не стартует по правилам. Но связи уже слабеют. Значит, либо вещь близко, либо тот, кто это делает, умеет раскачивать память заранее. Или бюро жульничает иначе, чем мы поняли.

— Ты опять говоришь «мы не знаем», а делаешь вид, что контролируешь. Где Соня? Где Миша? Почему ты одна на подоконнике, как в первый день?

Варя встала. Подоконник остался холодным пятном под ладонями.

— Сегодня вечером я проверю окно. Одна.

— Глупо, — сказал Паша. — И запрещено вашим же новым правилом. Я слышал про запасного свидетеля.

— Знаю. — Она почти улыбнулась криво. — Единственное, что у меня хорошо получается, когда все уходят, — действовать в одиночку и называть это ответственностью. Привычка старше бюро.

После уроков она написала Соне длинное сообщение — про вину, про подругу, про страх стать лишней — и сразу стёрла. Длинное снова выглядело оправданием. Оставила короткое: «Ты права. Виновата. Не прошу прощения ради

удобства. Прошу не бросать Пашу из-за меня».

Ответа не было. Статус сменился на «была недавно» и снова исчез. Варя перечитала своё сообщение трижды, как будто там могло появиться другое, более правильное «я». Не появилось.

Мише написала ещё короче: «Не заговариваю. Иду к бюро проверить ячейку Паши. Если не вернусь к десяти — скажи Денису».

Секунд через сорок пришло: «Не ходи одна».

Потом: «Я всё равно не пойду с тобой разговаривать».

Потом: «Но если полезешь в круг — пиши координаты нормально».

Потом тишина.

Вечер опустился рано, по-осеннему. Небо было низкое, цвета мокрого бетона. ТЦ «Маяк» гасил витрины поэтажно. Фуд-корт шумел последними голосами. Алексей Петрович стоял у служебного входа и курил так, будто охранял не дверь, а собственное решение не лезть. Варя обошла его по дальней дуге между тележками. Он всё равно заметил — конечно заметил.

— Снова? — бросил он. — Я же говорил про цену. И про то, что дети любят геройствовать ровно тогда, когда надо сесть и подумать.

— Говорили, — ответила Варя. — Я слушала.

— Слушать и понимать — разное. — Он прищурился, сбросил пепел в банку. — Где твои?

— Разбежались.

Алексей Петрович покачал головой, но ключи не достал. Не помог. Не сдал. Просто сказал хрипло:

— Если упрёшься в повторяющийся коридор — не беги. Бег ускоряет круг. Иди медленно и зови тех, кто знает твоё имя вслух. Не в чате. Вслух. Чаты тут декорация.

Варя кивнула и пошла к переходу. Ноги сами знали дорогу — это пугало сильнее любой карты. За спиной «Маяк» доигрывал вечернюю музыку без слов. Впереди ждала щель в решётке и привычка чинить всё в одиночку, которую пора было наконец сломать — или хотя бы попытаться, уже после того, как она снова её выбрала.

Решётка была закрыта для прохода машин и почти открыта для тех, кто умел протиснуться сбоку — они уже так делали. Внутри пахло сырым бетоном, железом и старой пылью. Лампа мигала. Часы на телефоне прыгнули на тринадцать минут вперёд и замерли. Геолокация нарисовала точку «внутри» ещё до того, как она сделала третий шаг.

Окно бюро ждало. Пашина ячейка — всё ещё пустая. Рядом браслет Насти. Перчатки Миши не было: её забрали вчерашней ценой. Варя прижала ладонь к стеклу. Холод прошёл до локтя.

— Где его вещь? — прошептала она. — Ну же. Покажи. Я одна. Мне удобно быть одной. Ты же любишь удобных.

Никто не ответил. Бюро не было собеседником. Оно было процедурой. Процедуры глухи к театральности.

Она обошла перегородку глубже, туда, где начинался ночной маршрут. Хотела только посмотреть: не появилась ли новая бирка на полу, не торчит ли из щели знакомый брелок Паши — тот, что он якобы «где-то потерял» на прошлой неделе. Карман куртки привычно искал тяжесть камеры. Нашла. Не вытащила сразу. Сказала себе: «просто гляну и уйду». Это тоже была ложь удобного размера.

Вместо бирки она нашла собственную ошибку: шаг слишком уверенный, обида слишком горячая, желание «исправить всё до разговора» слишком знакомое. Камера стукнула о грудь.

Коридор повторился.

Сначала она не поняла. Повернула за угол — и увидела ту же трещину в плитке, ту же наклейку «проход закрыт», тот же потёк ржавчины в форме крюка. Ещё раз — то же. Телефон рисовал петлю. Камера на груди вдруг стала тёплой, будто плёнка внутри помнила эти стены лучше цифры и радовалась узнаванию.

Варя остановилась. Сердце колотилось в горле.

— Я не забыта, — сказала вслух. — Меня зовут Варя Морозова. У меня есть брат Паша. У меня есть...

Голос оборвался. «Друзья» сейчас звучало бы как претензия на скидку.

Она подняла камеру и щёлкнула без вспышки. В видеоискателе коридор был яснее: линия маршрута, едва заметная, как след на запотевшем стекле. Вела вперёд, к «Ракете», к

кольцу, обратно. Плёнка показывала путь. Не дверь наружу. Путь. Честная и бесполезная, как она сама в этот час.

— Видишь и не открываешь, — прошептала Варя. — Как я. Смотришь со стороны и думаешь, что этого достаточно.

Где-то впереди мелькнула фигура — Настя, далеко, на своём витке. Она подняла руку не для приветствия. Для предупреждения: не догоняй. Круги разные. Слипнуться легко. Распутать труднее.

Варя развернулась к выходу, который помнила. Выход привёл к кинотеатру «Ракета» — вывеска, пустые тумбы, запах мокрой листвы. Снаружи. Но стоило отойти на десять шагов к автобусному кольцу — и ноги сами вернули её к переходу. Алексей Петрович говорил правду. Бежать нельзя. Круг любит скорость. И одиночество. И людей, которые чинят вину действием без свидетелей.

Она села на холодную ступеньку внутри и впервые за день позволила себе трястись по-настоящему. Зубы стучали мелко. Стыдно. Живо. В кармане вибрировал телефон — возможно, мама, возможно, Паша. Она не открыла сразу: боялась, что геолокация уже рисует ей петлю, а дом прочитает это как «гуляю».

Не потому что страшно одной. Потому что поняла: одиночество она выбрала сама. Снова. Как пересылку. Как молчание. Как «я сама». Ошибка героини не в том, что она слабая. В том, что она снова заменила честный разговор походом в темноту и назвала это заботой о брате.

Телефон всё ещё ловил сеть — слабо, через раз. Она набрала Соне: «Я в круге. Не геройствую. Застряла. Если можешь — не ради меня. Ради того, чтобы я не стала новой задачей для бюро».

Стерла. Потому что даже сейчас хотела звучать правильно.

Набрала Мише: «Камера видит путь и не выпускает. Я у перехода. Не прошу прощения сообщением. Прошу руки, которые знают маршрут».

Отправила. Пальцы ледяные. Экран запотевал от дыхания.

Долго ничего не было. Потом коротко: «Идём».

Варя закрыла глаза. Не от облегчения. От стыда, который шёл рядом с облегчением и не отменял его. Где-то наверху, над бетоном, город продолжал вечер — голоса, машины, чей-то смех. А внизу бюро тихо щелкнуло — далеко, в другой ячейке. Чужой металл. Чужое время. Варя не увидела, что именно легло внутрь. Но спиной почувствовала: ночь чужих решений не ждёт, пока она разберётся с собой.

Она встала и пошла медленно, как сказали. Медленно к тому месту, где друзья — если они ещё друзья — смогут найти её по имени. Не по геолокации. По имени.

На стенах повторялись одни и те же пятна. Варя считала их вслух, чтобы не ускориться: крюк, трещина, наклейка, снова крюк. Медленный шаг жёг икры сильнее бега. И впервые за вечер она не поднимала камеру между собой и стра-

ХОМ — шла с открытым лицом к тем, кого сама же почти превратила в «потом».

Глава 21. Круг без выхода

Первым пришёл Миша. Не из героизма — из знания: он узнал петлю по тому, как «прыгает» тишина перед повтором, по вкусу воздуха у трещины в плитке. Варя слышала шаги и не бросилась навстречу. Остановилась у знакомой ржавчины-крюка и сказала:

— Варя Морозова. Здесь.

— Миша Соколов, — ответил он. — Вижу. Не беги на голос. Голос тоже часть круга, если торопишься.

Он не обнял. Не отчитал. Протянул руку ладонью вверх — ориентир, не нежность. Варя коснулась пальцами его рукава, не ладони, и этого хватило, чтобы ноги вспомнили, что рядом есть вес другого человека.

— Не ускоряйся. Дыши под шаг. Камеру держи открытой, раз уж она честнее телефона. Но не прячься за неё. Смотри и иди.

— Ты пришёл, хотя не хотел разговаривать.

— Я пришёл, потому что не хочу быть тем, кто голосует «лишняя» молчанием, — сказал Миша. — Разговор про ролик подождёт сухого места. Круг — нет. Круг не интересуется, кто кому что должен эмоционально. Он интересуется, кто один.

За ним появился Денис — с фонариком, бумажной схемой и лицом человека, который очень хотел остаться дома и

всё равно пришёл. Схема здесь врала частично, но держала руки занятыми — тоже защита.

— Соня наверху ругается с решёткой, — сообщил он. — То есть идёт. Ругается — хороший знак. Когда она тихая, вот тогда плохо.

И правда: Соня вошла третьей, с блокнотом наружу, как щитом, капюшон сбит набок. На Варю она посмотрела коротко. Злость не ушла. Ноги пришли раньше прощения.

— Ты идиотка, — сказала ровно. — Но Паша тут ни при чём. И Настя ни при чём. И даже ты, к сожалению, ни при чём настолько, чтобы мы стали бюро и оставили тебя на витке «для порядка».

Варя кивнула. Больше ничего не заслуживала в эту секунду. Сказать «спасибо» было рано и поздно одновременно.

— Камера показывает линию, — сказала она и подняла видеоискатель так, чтобы они видели. — Вон. Слабая. Ведёт к кольцу и обратно. Выхода не рисует. Только маршрут. Как инструкция без двери. Я думала, если достаточно хорошо смотреть, мир сам откроется. Не открывается. Смотрение — не присутствие.

Соня заглянула, поморщилась, чуть отодвинула камеру пальцем, будто отодвигала щит.

— Значит, выход не в оптике. Выход в людях. Как с бюро. Очно. Снова очно. Я начинаю ненавидеть это слово и всё равно записываю.

Денис сглотнул. Фонарик дрогнул зайчиком по стене.

— Три человека уже есть. Надо назвать... что? Её выбор? Её вину? Какой протокол у застрявших, если они ещё не забыты?

— Она не забыта, — сказал Миша. — Она застряла. Это соседняя дрянь. Маршрут липнет к тем, кто приходит злым и одним. К тем, кто хочет всё исправить без свидетелей. Бюро любит таких. Они сами приносят себя на полку.

Варя чуть не огрызнулась — и остановилась. Потому что было правдой. Горькой, точной, без скидки.

Они пошли цепочкой. Миша первым, Варя второй с камерой, Соня считала повороты вслух — «один, два, трещина, снова один» — Денис сверял минуты на наручных часах, единственных, что меньше вращались рядом с бюро. Настя встретила их у «Ракеты»: сидела на бордюре невидимая для редких прохожих, шарф тот же. Кивнула Мише.

— Новенькая?

— Залётная, — ответил Миша. — Выводим.

— Тогда не обещайте мне попутно спасение в комплекте, — сказала Настя. — Сначала выйдите сами. Я научилась ждать. Ждать бесит, но я живу.

У автобусного кольца табло показывало рейсы, которых не было. Цифры прыгали, исчезали, возвращались. Воздух дрожал, как над теплотрассой. Варя увидела в видеоискателе, как линия маршрута замыкается петлёй у пустой остановки — аккуратно, почти красиво, как схема в чужой тетради.

— Здесь, — прошептала она. — Она хочет вернуть к пе-

реходу. Сейчас дёрнет.

Соня взяла Варю за рукав — жёстко, до складки на ткани.
— Слушай меня. Ты не вещь. Ты не бирка. Ты человек, который сделал гадость и ещё не исправил. Это оставляют в жизни, а не в ячейке. Шагни за мной, когда скажу. Не когда камера скажет.

— Почему ты помогаешь? — тихо спросила Варя. — Ты же злишься.

— Потому что я боюсь оказаться лишней и поэтому обычно всеми командую, — выдохнула Соня. — Сегодня командую так: мы не бросаем. Даже злясь. Особенно злясь. Иначе чем мы лучше голосования? Чем я лучше тебя вчерашней? Только тем, что у меня есть блокнот? Нет.

Денис поднял фонарик выше, освещая пустое табло.

— Я здесь, потому что страх уже оплачен. Не хочу, чтобы он обесценился из-за того, что мы разбежались. И потому что без вас мне ещё хуже смотреть в пустой файл. Там хотя бы был смысл дырки.

Миша не произносил причин длинной речью. Просто стоял так, чтобы Варя не соскользнула первой в повтор, плечом закрывая самый «липкий» угол.

— Имена, — сказал он. — Вслух. По кругу. Пока ноги не найдут скуку в повторе. Круг питается паникой. Скука — наш друг. Давайте будем скучными и живыми. Без героев. Герои тут застревают первыми.

Они назвали имена дважды. На третий круг голоса стали

ровнее — не смелее, ровнее. Варя почувствовала, как липкость в пятках слабеет, будто кто-то отпустил резинку.

— Софья Белова.

— Денис Крылов.

— Михаил Соколов.

— Варвара Морозова, — сказала Варя. И добавила, глядя в бетон, не в лица: — Я переслала обрезанный ролик. Я здесь не чистая. Но я выбираю выйти и отвечать, а не исчезнуть удобно. Мне не нужно, чтобы район меня отмыл.

Что-то в воздухе щёлкнуло — не окно бюро, а будто натянутая леска лопнула. Уши заломило и отпустило. Линия в видеоискателе побледнела, стала просто грязью на стекле объектива. Шаг к промзонной тропинке внезапно стал обычным шагом: без возврата, без резинки в пятках.

Они вышли к забору стройки за пять минут — и не вернулись. Настя осталась позади в своём режиме, подняв руку на прощание без улыбки. Город снова шумел как город: кто-то ругался у ларька, где-то лаяла собака, мимо прошёл мужчина и увидел всех четверых. Увидел. Это снова было чудом бытового уровня. Варя чуть не засмеялась от облегчения — коротко, почти истерично — и прикусила губу. Сейчас смех был бы ещё одним способом спрятаться.

На газоне у «Ракеты» Варя согнулась, руки на коленях. Не плакала. Дышала так, будто воздух только что вернули в продажу. Соня стояла рядом, не касаясь.

— Это не прощение, — сказала она. — Это эвакуация.

Не путай. Прощение надо заслужить разговором без камеры между нами.

— Понимаю.

— Завтра принесёшь полную версию того, что ты сделала — словами. Без плёнки как щита. Тогда поговорим про списки. Возможно, я снова дам тебе держать ручку. Не обещаю.

Миша смотрел на табло кольца, где снова «ходили» несуществующие автобусы. Пальцы барабанили по бедру.

— И про того, кто обрезает и запускает голосования, — добавил он. — У меня есть куски маршрута. У вас — времени. У Паши — бумажки. Надо собрать до того, как круг заберёт кого-то насовсем. Пока мы чиним дружбу, кто-то кладёт вещи.

Денис поднял схему и вдруг тихо выругался — редко для него, значит серьёзно.

— Смотрите. Я отметил вчерашние щелчки двери у «Маяка» по словам Алексея Петровича и по камере. Совпадения с публикациями канала... почти минута в минуту. Не охрана. Тот, кто пользуется служебкой и телефоном админа. Один и тот же человек. Или очень пунктуальный призрак.

Варя выпрямилась. В голове сами сложились три угла треугольника.

— Почерк на бирках. Время двери. И... — она вспомнила мелочь с полки бюро, которую раньше сочла чужой: дешёвый брелок со звездой, потёртый, лежавший рядом с чужи-

ми вещами как забытая шутка. — Ксюша. Она такие носила. Говорила на физре, что подарила кому-то из своих. «Чтоб не потерялся».

Соня уже открыла блокнот. Ручка бежала быстрее дыхания.

— Илья Воронов, — произнесла она как пункт, который не хотела писать и обязана была. — Параллель. Тихий. Канал. Сестра. Объявления кружка с тем же хвостиком у «д». Подписи. Всё сходится слишком аккуратно, чтобы быть красивой теорией.

Миша закрыл глаза на секунду. Когда открыл, в них не было сюрприза — только тяжесть подтверждения.

— Если это он — мотив я понимаю. Про Ксюшу. Про ролик. Про страх. И всё равно не принимаю. Понимать — не разрешать.

Ночь остывала. Они были снова четверо на одной стороне асфальта. Не целые. Не милые. Живые. Варя убрала камеру в сумку — впервые за вечер с глаз долой — и почувствовала себя голой и настоящей.

— Тогда идём к нему. Не в чат. Ногами. Пока Паша дома и мама ещё путает только даты, а не имена.

И поняла, глядя на их лица: группа вернулась не потому, что забыла обиду. А потому, что отказалась повторять логику «лишнего человека».

Это было хрупче прощения. И крепче. Крепче ровно настолько, чтобы сделать следующий шаг до рассвета.

Глава 22. Администратор

Илью Воронова они нашли не в логове и не у бюро. В месте скучнее и поэтому страшнее: на скамейке у заднего двора школы, где обычно курят старшие и спорят младшие. Фонарь мигал через дерево. Он сидел с термокружкой, в наушниках без музыки — белый шум для вида, экран телефона тёмный. Когда четверо остановились напротив, он снял наушники сразу. Не удивился. Будто ждал не сегодня, так завтра. Будто календарь расследования был у него в заметках.

— Вы быстрее, чем я думал, — сказал он спокойно. Голос ровный, школьный, без злодейского тембра. — Или я медленнее. Трудно сказать. Память дырявая. Иногда забываю, зачем вышел из дома. Иногда помню только, что «надо поддерживать порядок».

Соня положила на скамейку три фотографии бирок — снятые Варей ещё днём, до круга. Рядом скрин времён публикаций и выписку Дениса по служебной двери «Маяка», с минутами и пометками «открыто / никого в кадре».

— Почерк, — сказала Соня. — Как на объявлениях кружка, которые ты оформлял в сентябре. Хвостик у «д». Наклон. Время двери — твои минуты. Публикации канала — следом. И это.

Она достала брелок из маленького пакета. Тот самый, с полки у бюро: потёртый, с трещиной на пластмассе и вы-

цветшей наклейкой-звездой. Илья посмотрел на него долго. Слишком долго для человека, который должен узнать подарок сестры мгновенно. На лице было не узнавание — поиск.

— Ксюша сказала, что дарила тебе, — тихо добавила Вarya. — А ты смотришь, будто читаешь чужую подпись. Будто это домашнее задание, а не вещь.

Илья коснулся брелока пальцем и не взял. Пальцы чистые, ногти коротко обрезаны. Руки аккуратного человека.

— Наверное, дарила. Я... помню, что должен защищать её. Не всегда помню, от чего именно. Бюро любит забирать причину. Оставляет функцию. Функция простая: убирать тех, кого «не жалко». Голосование помогает мне не чувствовать себя единственным судьёй. Хотя я и есть.

Миша стоял с руками в карманах, весь как сжатый провод. Денис чуть отошёл вбок — не от страха, от желания видеть лицо Ильи при свете.

— Ты запустил голосование. Положил мою перчатку. Обрезал ролик или дал обрезать?

— Ролик обрезал не я, — сказал Илья. — Первый кусок сделал тот, кто снимал. Но я использовал короткий. Удобный. Залил в канал. Подписал так, чтобы все увидели удар и не увидели «хватит». Голосование само по себе ничего не делает. Оно находит тех, кого «не жалко», и успокаивает меня. Вещь и имя делают работу. Я только относил. Аккуратно. После закрытия. Через служебку, когда камера любит мигать.

Денис хрипло спросил:

— Настя?

— Да. Её имя тоже было в старом голосовании. Все смеялись. Я не смеялся. Я работал.

— Паша?

Илья поднял глаза. Впервые за разговор в них мелькнуло что-то живое — не раскаяние, расчёт.

— Паша нашёл бирку. Стал свидетелем процедуры. Свидетели опасны. Они помнят бумажки. Я сказал себе, что это защита Ксюши. Потом сказал — порядок в районе. Потом перестал проверять, что говорю. Каждое имя забирает у меня кусок «зачем». Поэтому «зачем» становится всё короче. Остаётся «надо».

Варя почувствовала холоднее, чем в круге. Ветер заднего двора был обычным. Холод шёл из слов.

— Забери его имя обратно. Сейчас.

— Нельзя просто так, — ответил Илья. — Ячейка уже приняла. — Он помолчал, глядя на термокружку. — Я могу предложить другое. Тебе.

Соня напряглась, шагнула между ним и Варей на полкорпуса.

— Не ей одной решаешь.

Илья смотрел только на Варю. Спокойно. Почти мягко. Это было хуже крика.

— Ты переслала обрезок. Тебе больно это помнить. Бюро умеет забирать не только чужих. Можно оформить твою

вину как потерянную вещь: файл, кассету, старую переписку, камеру — что угодно, к чему привязан стыд. Район забудет, что ты сделала. Миша забудет причину злости. Соня перестанет смотреть так. Ты останешься «хорошей» без шва. Я помогу с процедурой. Взамен перестанете ломать мою систему раньше времени. Паша... отдельный разговор. Но тебе станет легче нести то, что останется.

Миша резко шагнул вперёд. Варя подняла ладонь — не защищая Илью, останавливая удар разговора до драки. Ей нужно было сказать самой.

В голове вспыхнули круг, камера без выхода, Денис с вырезанной серединой поездки, мама у сковородки, Соня с ровной спиной, Миша с протянутой ладонью-ориентиром. И ещё — подруга, которая перестала отвечать, и старая привычка выбирать копию вместо присутствия.

— Нет, — сказала она. Голос не дрожал. Удивительно. — Вину не стираю. Её надо вынести. Иначе я снова выберу обрезки. И снова окажусь в круге. И снова позову вас чинить то, что сама сломала удобством.

Илья кивнул — почти уважительно, почти разочарованно. Как учитель, у которого ученик отказался от подсказки на контрольной.

— Тогда вы мне мешаете.

— Мы тебе уже мешаем, — сказала Соня. — Веди к ячейке Паши. Сейчас. Ногами. Без админских фокусов.

Илья встал. Наушники повязал на кружку, будто завершал

урок. Телефон разблокировал одним движением — привычка админа — открыл канал и остановил голосование по Паше без пояснений. Полоска опроса погасла. Это выглядело пугающе буднично.

— Это всё равно декорация, — сказал он. — Важнее другое. Идти незачем долго. Вы знаете дорогу. Я покажу только то, чего вы ещё не видели сегодня.

Они пошли к переходу молча. Школа осталась за спиной тёмным прямоугольником. Илья — на шаг впереди, не как пленник, как человек, который всё ещё считает себя хозяином маршрута. У «Маяка» Алексей Петрович заметил их издалека и не подошёл: только сжал челюсть и отвернулся, будто взрослый, который уже сказал свою часть сказки. У решётки перехода Илья достал не ключ — знание щели. Они протиснулись.

У окна бюро он остановился и указал пальцем. Лампа мигнула, как будто тоже смотрела.

Пашина ячейка больше не была пустой.

Внутри лежал знакомый брелок-динозавр с порванным шнурком — тот, что Паша искал неделю и клялся, будто обронил у спортплощадки. Металл тусклый. Глаз-бусина глядел вбок, когда Варя наклонилась ближе, хотя стекла они не касались. На бирке ровным почерком: полное имя, класс, аккуратный хвостик у буквы. Стекло уже не выглядело «ждущим». Оно выглядело занятым. Принявшим.

Варя ударила ладонью по раме так, что забодело до кости.

— Когда?

— Этой ночью, — сказал Илья. Голос всё тот же ровный. — Пока ты ходила по кругу. Одна ночь уже считалась. Осталась последняя. Потом — маршрут. Потом — пустые тарелки окончательно. Потом мама будет жарить яичницу на одного и не заметит, чего не хватает.

Денис прошептал ругательство. Соня записывала время дрожащим почерком — впервые дрожащим по-настоящему. Миша смотрел на Илью так, будто впервые видел цену чужого «порядка» целиком, без скидки на сестру и страх.

— Открой, — потребовала Варя. — Сними. Забери. Что угодно.

— Не могу отменить одной волей, — ответил Илья. — Можно только выкупить обратно по правилам. Три голоса. Память. Его согласие. И не уничтожить бюро по дороге — иначе уйдут все, кто внутри, включая тех, кого вы ещё хотите вернуть. Настю. Возможно, кого-то, кого мы даже не помним достаточно, чтобы искать.

Он поднял брелок-звезду Ксюши, так и не надев его на руку. Подержал у фонаря. Положил обратно на узкую полку, будто возвращал чужую вещь в чужой карман.

— Я уже плохо помню, зачем начал. Поэтому продолжал. Вот что оно делает с защитой. Превращает её в привычку. Привычку трудно стыдить. Она сама себя объясняет.

Варя смотрела на динозавра брата за стеклом. Одна ночь. Не три. Одна. В висках стучало. Хотелось поднять камеру

— зафиксировать ячейку, время, лицо Ильи. Не подняла. Смотрела. Присутствовала. Руки свободные и бесполезные без трёх свидетелей и платы.

— Тогда собираем свидетелей до утра, — сказала она. — Мама. Я. Соня. Паша должен услышать и выбрать. Денис ведёт карту. Миша держит маршрут. Илья... ты будешь рядом. Не как судья. Как тот, кто поможет не добить остатки. И как тот, кому потом всё равно отвечать. Не магией. Жизнью.

Илья слегка наклонил голову. В этом жесте не было сдачи. Было признание арифметики.

— Я не обещаю стать хорошим. Обещаю прийти. Разница большая. Не путайте их, когда будет страшно.

Миша тихо сказал Варе, не глядя на неё — глядя на ячейку:

— Ты отказалась забыть. Запомни это, когда бюро предложит снова. Оно предложит. Красиво. Без шва. Как короткий ролик.

Варя кивнула. Горло горело.

— Запомню. И не нажму.

За стеклом динозавр лежал неподвижно. Район, казалось, затаил дыхание вместе с ними. Наверху, над переходом, короткими вспышками мигал фонарь — и каждый раз Варе чудилось, что вместе со светом уходит ещё одна домашняя мелочь: дата, тарелка, голос, имя на языке мамы перед сном.

Одна ночь.

Она впервые за весь этот вечер не искала кадр. Просто

стояла рядом с теми, кто пришёл даже злясь, и смотрела на вещь брата. Присутствовала. И от этого было страшнее и правильнее, чем от любого снимка.

Завтра её брата могли забыть окончательно.

Значит, сегодня они не имели права исчезнуть друг для друга даже на час — ни в круге, ни в удобном забвении, ни за камерой.

Глава 23. Три свидетеля

Утро после разоблачения Ильи было серым и слишком обычным. В школе звонили на урок, в чате кто-то спорил из-за домашки, а у Вари в кармане лежала бумажка с номером последней ячейки — как чужая бомба, которую уже нельзя вернуть отправителю. Она перечитала номер трижды по дороге и всё равно не запомнила его «навсегда» — только как угрозу.

В столовой пахло гречкой и мокрыми куртками. Кто-то смеялся слишком громко. Жизнь района делала вид, что ночь ничего не значила. Варя знала другое: до окончательного исчезновения Паши оставалась одна ночь, и любая обычность теперь работала против них, усыпляя.

Паша сидел на подоконнике у спортзала и смотрел, как одноклассники гоняют мяч. Он ещё был здесь. Пока. Мама утром снова перепутала, сколько ему лет, и спросила Варю, не хочет ли «одна» бутерброд. Паша тогда улыбнулся криво и сказал: «Я пока ещё считаюсь». Фраза прозвучала почти шуткой. Глаза шутили плохо. На его парте лежал учебник вверх ногами — мелочь, которую вчера мама бы поправила автоматически, а сегодня не заметила.

На большой перемене они собрались у скамейки за школой: Варя, Соня, Денис, Миша и сам Паша. Ветер таскал по асфальту сухие листья и чей-то обрывок контрольной. Соня

раскрыла тетрадь со списками. Страницы были исчёрканы стрелками, номерами ячеек и короткими пометками вроде «не звонить — врёт», «три голоса очно» и «плата — личная».

— Правила не меняются, — сказала она без предисловий. — Три живых свидетеля. Конкретные истории. Одна плата. И он должен сам сказать «да». Никаких голосований. Никаких «все поддержат в чате».

Миша кивнул. Он стоял чуть в стороне, руки в карманах, но не уходил. На Варю смотрел редко, и этого хватало, чтобы она чувствовала старый ролик как камень в горле. Прощения он не дал. В деле — доверял. Этого пока было достаточно, и Варя не просила большего вслух.

— Чьи воспоминания пройдут? — спросил Денис. Голос у него был ровный, но пальцы теребили край куртки. Он уже знал цену: билет первой поездки с отцом остался фактом без тепла. Иногда он ловил себя на том, что рассказывает историю правильно и всё равно не может достать из неё запах салона. — Нельзя брать общих слов. «Он хороший» бюро не ест.

Соня постучала ручкой по списку имён.

— Варя. Ты — сестра. Ты обязана. Я — потому что знаю Пашу с началки, и у меня есть настоящая история, не школьная болтовня. Третий...

Она замолчала. Все поняли раньше, чем она произнесла.

— Мама, — тихо сказала Варя.

Паша резко обернулся.

— Нет. Не маму. Она и так уже путает. Ей нельзя туда. Вы видели, как она смотрит сквозь меня за завтраком?

— Ей нужно туда именно поэтому, — возразил Миша. — Бюро забирает связи. Если она скажет правду вслух, у него будет меньше шансов врать ей в голову.

Паша прыгнул с бордюра. Кроссовки шлёпнули по луже.

— Тогда платить буду я. Чем угодно. Телефоном. Играми. Хоть всей памятью про каникулы. Только не трогайте её.

Варя покачала головой.

— Ты не можешь отдать память за себя. Так не работает. Мы проверяли. Свидетели — другие. Плата — у одного из них. Выбор возвращения — твой.

— Тогда не возвращайте! — сорвался он. — Я не хочу, чтобы кто-то из вас становился дырой в голове из-за меня. Я не вещь в ячейке. Я не хочу быть вашей «операцией» и вашим геройством.

Тишина легла тяжёлая, почти физическая. Из окна спортзала донёсся свисток. Соня закрыла тетрадь, но не убрала — держала на коленях, как якорь.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда скажи, чего ты хочешь вместо этого. Чтобы мы сидели и ждали, пока район тебя вычеркнет? Чтобы мама через неделю удивлялась, зачем у неё две зубные щётки?

Паша сжал кулаки. Разжал. Сжал снова.

— Я хочу выбирать. Не быть тем, кого спасают за спиной.

Вы уже один раз чуть не решили всё без меня, пока я «ещё маленький».

Варя подошла ближе. Камера висела на шее мёртвым грузом; она не доставала её. Пальцы сами потянулись к ремню — и остановились.

— Ты будешь выбирать, — сказала она. — В конце. У окна. Мы принесём свидетелей и цену. А ты решишь, возвращаться или нет. Без тебя никто ничего не закроет. Клянусь не «спасать красиво». Клянусь спрашивать.

Он посмотрел на неё долго, будто проверял, не новая ли это версия опеки под другим соусом.

— А если я скажу «нет»?

— Тогда скажешь «нет», — ответил Миша просто. — Насильно не работает. Я проверял на себе. Меня можно позвать. Нельзя затащить.

Денис добавил, глядя в сторону, чтобы не давить взглядом:

— Но «нет» тоже цена. Для мамы. Для тебя. Для всех, кто будет жить так, будто тебя не было. Я не уговариваю. Я просто говорю, что выбор не бесплатный с любой стороны.

Паша отвернулся к забору. Пальцы барабанили по металлу — нервно, по-детски, зло.

— Ладно, — сказал он наконец. — Мама. Варя. Соня. Только... не делайте вид, будто это ваш героизм. Это мой риск тоже. И если кто-то из вас пожалеет после платы — не вешайте это на меня молча. Скажите.

Соня кивнула один раз — коротко, по-деловому.

— Принято. Тогда вечером собираем маму. Карту рисуем заранее. Фонари. Запасные батарейки — вдруг техника ещё чуть-чуть продержится. И никаких соло-забегов. Мы это уже проходили.

Миша покосился на Варю. Она кивнула, принимая упрёк без защиты.

Оставалось самое трудное: объяснить маме. Не всё. Не магию целиком. Но достаточно, чтобы она пришла ночью к закрытому переходу и назвала имя сына вслух.

Вечером мама вернулась со смены с запахом кофе и усталости. Варя ждала на кухне. Паша сидел рядом — сам, без уговоров. Это было важно: он не выглядел объектом спасения, он выглядел участником разговора.

— Мам, — сказала Варя. — Нам нужна твоя помощь. Серьёзная. Сегодня ночью.

Мама поставила сумку на стул. Развязала шарф медленнее обычного.

— Что случилось? Вы снова у перехода? Я же просила...

Паша ответил раньше сестры:

— Меня пытаются стереть. Не в шутку. Ты уже путаешь мою дату рождения. Завтра можешь перестать помнить, что у тебя есть сын. Я не хочу пугать. Но если не сказать прямо — ты придёшь слишком поздно.

Мама посмотрела на него так, словно ждала улыбки. Улыбки не было. Она села, не снимая куртки.

— Это из-за того канала? Из-за голосования? Я видела название. Думала, подростковая жестокость.

— Голосование — только прикрытие, — сказала Варя. — Настоящее — в старом переходе. Там бюро находок. Старое. Если мы не заберём его вещь до утра, район его забудет. Чтобы вернуть, нужны трое, кто помнит конкретный поступок Паши. Ты — одна из троих. Я и Соня — остальные.

Мама провела ладонью по лицу.

— Вы хотите, чтобы я поверила в сказку.

— Хотим, чтобы ты пришла, — сказал Паша. — Даже если считаешь нас сумасшедшими. Просто приди и скажи правду про меня. Одну настоящую. Где я что-то выбрал. Не «он хороший мальчик». Настоящую.

Она смотрела на него долго. Потом кивнула — медленно, будто соглашалась не с магией, а с сыном, который впервые говорит с ней как с союзником, а не как с охраной.

— Хорошо. Но вы объясните мне по дороге всё, что можно объяснить без вранья. И если это опасно — скажете вовремя, а не после.

Соня пришла через полчаса с картой, нарисованной от руки: школа, «Маяк», переход, «Ракета», кольцо. Время пути между точками она проставила карандашом. Денис проверял запасные фонари и коробочку с батарейками. Миша молча положил на стол запасную перчатку — свою, целую — и сказал:

— На всякий случай. Бюро любит пары. И дыры в парах.

Варя достала из внутренней папки старый снимок. На нём она и Лиза у входа в парк: осень, смех, рука Лизы на плече Вари. Последний день, когда дружба ещё ощущалась целиком, до переезда и до молчания в сообщениях. Варя знала этот кадр наизусть — и боялась, что скоро будет знать только схему.

— Это плата, — сказала она тихо. — Если понадобится.

Денис взглянул на фото и отвёл глаза. Он знал, как выглядит «после».

Паша увидел снимок и нахмурился.

— Не надо. Найдите другую цену. Любую.

— Надо, — ответила Варя. — И это мой выбор. Не твой. Ты принимаешь право других платить. Я принимаю право выбрать, чем.

Он молчал несколько секунд. Потом кивнул — коротко, зло, честно.

— Тогда помните: я не просил. Но принимаю. Что вы решите за себя. Только не решайте за мой рот у окна.

Перед самым выходом Соня ещё раз прогнала план вслух, как инструкцию к огнетушителю:

— Вход. Окно. Три голоса. Плата. Выбор Паши. Бирки остальных. Никаких героев-одиночек. Если кто-то захочет «быстро забежать» — получает по тетради.

Денис поднял руку, будто на уроке.

— Я боюсь. Говорю заранее. Но иду. Пусть это тоже будет в протоколе.

Миша хмыкнул — коротко, почти дружелюбно.

— Засчитывается. Смелость без страха нам как раз не нужна. Она обычно врёт.

Варя посмотрела на конверт. На маму. На брата. Страх сидел рядом со всеми и не требовал выгнать его из компании — только не отдать ему право голоса.

Снаружи уже темнело. В канале имя Паши всё ещё висело сверху, как пустая шутка, которой никто больше не смеялся. Телефоны пока работали. Часы пока совпадали.

До исчезновения оставалась одна ночь — и бумажная карта, которая ещё не знала, что скоро станет единственным рабочим навигатором в Речном.

Глава 24. Район глохнет

Они вышли после девяти. Небо над Речным было низким, без звёзд — одна мокрая темнота над крышами. В лужах отражались окна кухней, где ещё горел свет и кипятили чай, не зная про ячейки. Мама шла рядом с Пашей, держа его за рукав так, будто боялась, что асфальт сам его отпустит. Соня вела колонну с картой, прикрывая лист ладонью от сырости. Денис сверял повороты вслух — привычка мастера, который не доверяет «и так знаю». Миша замыкал. Варя шла в середине — между семьёй и отрядом — и чувствовала, как камера бьётся о грудь в такт шагам.

Перед выходом они ещё раз проверили карманы: фонари, запасные батарейки, бумажная карта, конверт со снимком, Пашин запасной шарф «на всякий». Телефоны пока слушались. Это успокаивало неправильно — как тёплый чай перед экзаменом, который всё равно будет плохим.

Первый сбой случился у светофора напротив «Маяка».

Телефон Вари погас на половине заряда. Не выключился — именно погас, как будто экран перестал быть экраном. У Сони связь оборвалась на полуслове голосового. У Дениса часы на запястье ушли вперёд на тринадцать минут относительно школьных курантов, которые ещё были видны через двор.

— Началось, — сказал Миша. — Раньше обычного. Зна-

чит, ячейка уже давит.

Мама достала свой телефон, нажала кнопку. Чёрное стекло отразило только её лицо и кусок фонаря.

— У всех?

— У всех, — подтвердил Денис. — Не пытайтесь перезагрузить. Зря время. И не смотрите геолокацию — она сейчас нарисует петлю через кинотеатр и скажет, что вы дома.

Они вошли в «Маяк» через боковую дверь, привычную за годы: мимо пункта выдачи, вдоль витрин, к служебному коридору, который когда-то казался ключом ко всему. Фудкорт шумел вполсилы — поздние смены, пластиковые подносы, чужой смех. На табло акций мигала картинка, которая на секунду зависла чёрным квадратом и вернулась, будто ничего не было. Варя не стала снимать. Снимать сбои уже не помогало.

Охрана сегодня почти не смотрела. Алексей Петрович стоял у стены с кружкой и кивнул им коротко — не останавливая, не спрашивая. Только бросил вслед:

— Если пойдёте вниз — считайте шаги. И не верьте дверям, которые «удобные». Я ленту повесил не от вредности.

Словно уже понял, что ночь не для разговоров. Мама кивнула ему как взрослому взрослому — с благодарностью и недоверием одновременно.

Выход к переходу оказался закрыт лентой. Соня повела их к другому — через парковку. Дверь открылась легко, почти услужливо. Коридор пах бетоном и мокрой пылью. Че-

рез минуту они вышли... к парку у «Ракеты».

Варя остановилась так резко, что Паша врезался ей в плечо.

— Мы не там.

— Мы там, куда район хочет, — сказал Миша. — Он замыкает привычные дыры. Чем ближе к третьей ночи, тем сильнее врёт инфраструктура.

Они вернулись внутрь ТЦ и попробовали третий выход — аварийный, тот, что Денис знал от отца. Лестница, холодный воздух, скрип двери, запах сырого железа.

Снова парк. Те же фонари. Тот же закрытый кинотеатр с тёмными афишными рамами. На одной раме кто-то написал маркером шутку про «сеанс для призраков». Шутка сегодня не смешила.

Мама тихо выдохнула:

— Это невозможно.

— Возможно, — сказала Соня и развернула карту так, чтобы все видели при свете фонарика. — Поэтому идём не по памяти ног. По бумаге. Школа — «Маяк» — переход снизу от площади, не через фуд-корт. Если коридор повторяется, считать шаги. Если видите «Ракета» раньше времени — разворачиваемся и ищем другой вход.

Денис достал карандаш и отметил крестиком место, где они уже дважды «выпали».

— Если выход врёт, ищем вход, который район не успел переписать. Старая металлическая перегородка. Там, где Па-

паша нашёл первую бирку. Обход через двор с сушилками, потом вдоль ограждения.

Они пошли вдоль стройки, потом срезали через двор, где сушилки скрипели без белья. Фонари мигали не синхронно. Где-то лаяла собака и внезапно замолчала, будто звук обрезают ножницами. Паша то и дело проверял, на месте ли брелок-пустышка на рюкзаке — нервная привычка человека, у которого настоящую вещь уже украли для ячейки.

У подземного перехода часы на столбе показывали без четверти одиннадцать. Наручные Дениса — уже почти полночь. Разница снова сошлась к тринадцати.

— Не смотрите на время, — предупредил Миша. — Смотрите друг на друга. Если кто-то начнёт «пропадать» из разговора — зовите по имени сразу. Не вежливо. Громко.

Паша шёл молча. Иногда мама оборачивалась и пересчитывала его взглядом — раз, два, три — будто список покупок. Варя ловила себя на том же жесте и злилась на себя за привычку «фиксировать».

Перегородка была на месте. Ржавчина на болтах блестела от сырости. За ней — тот самый коридор, который Варя уже ненавидела: слишком ровный, слишком готовый повторяться. Фонарик Дениса выхватил из темноты старую эмблему службы находок — ту, что старше «Маяка».

Соня шепнула:

— Отсюда без телефонов. Только карта и голоса. Держимся парами: мама с Пашей, я с Денисом на навигации, Миша

с Варей на хвосте. Если пространство моргнёт — не бежать в разные стороны.

Они прошли вперёд. Коридор дрогнул — не стенами, а ощущением, будто пространство моргнуло. Варя слышала собственный шаг дважды. Обернулась: позади никого лишнего. Только Миша, который кивнул: «Я тоже слышал».

На развилке бумажная карта сказала «налево». Ноги хотели направо — к запаху ночного парка, уже знакомому до тошноты. Соня взяла Варю за локоть.

— Налево. Не спорь с асфальтом. Асфальт сейчас на стороне бюро.

Налево оказалось правильно. Через двадцать шагов показалось окно бюро: мутное стекло, ряд ячеек, тишина, в которой слышно было собственное дыхание. В крайней ячейке тускло белела бумажная бирка. Рядом лежала Пашина вещь — тонкий металлический брелок в форме динозавра, тот, что он «потерял» у ограждения ещё до всего этого и который Илья подобрал, как чужой приговор.

Паша увидел брелок и сглотнул.

— Он мой. Я его искал два дня. Думал, сам где-то скинул.

— Пока ещё твой, — сказала Варя. — Пока ячейка открыта этой ночью.

Где-то в глубине перехода хлопнула дверь. Не городская — та, что повторяется. Миша сразу стал жёстче, собраннее.

— Он здесь. Или оно. Или оба.

Денис прижал карту к стене, чтобы не унесло сквозняком,

которого не должно было быть.

— Дальше без импровизаций. Кто за свидетельствами — к окну. Кто за удержанием пространства — к двери. Если район снова попытается выкинуть нас в парк, держимся за локти и считаем шаги обратно по крестикам. Я буду считать вслух.

Мама смотрела на окно так, словно впервые видела, что сказка имеет инвентарный номер и пыльные петли.

— И это... заберёт у кого-то память?

— Да, — ответила Варя. — У меня. Если всё получится. Ты будешь свидетелем. Я — платой. Он — выбором.

Паша снова хотел возразить. Не успел: из темноты вышел Илья. За ним — Ксюша, в куртке не по погоде, с лицом человека, который пришёл не просить, а требовать.

Они сделали ещё одну попытку — через подземную парковку и лестницу к старому выходу, которым Денис пользовался с отцом, когда везли запчасти. Лестница пахла бензином. Дверь открылась внутрь ночи.

И снова парк. Только теперь фонарь у «Ракеты» моргнул дважды, будто подмигивал: сдавайтесь, ноги умнее карты.

— Хватит проверять одну и ту же ловушку, — сказала Соня. — Район уже понял наш маршрут через ТЦ. Меняем схему. Идём снаружи, вдоль ограждения стройки, до люка у перегородки. Без «удобных» дверей.

Мама вытерла ладони о куртку.

— А если Паша... если по дороге его станет меньше?

— Тогда мы будем говорить его имя каждые двадцать шагов, — ответил Миша. — Скучно. Зато работает лучше веры в сигнал сети.

Они вышли на улицу. Дождь не шёл — только воздух был тяжёлым, как перед ним. Витрины «Маяка» позади светились безопасно и лживо. Впереди темнел срез района, который взрослые называли «не ходите туда вечером» и который подростки знали лучше любого объявления.

Денис вёл, считая повороты по бумаге:

— Двор с сушилками. Срез между гаражами. Не на кольцо — налево раньше. Если увидите кинотеатр раньше перехода, мы снова внутри петли.

На середине пути Паша споткнулся. Не сильно. Но мама вскрикнула так, будто он уже начал исчезать.

— Я на месте, — сказал он раздражённо и благодарно одновременно. — Просто шнурок.

Варя завязала ему шнурок сама — старая привычка — и поймала его взгляд: «не опекай». Она подняла руки.

— Сам.

— Сам, — подтвердил он и завязал криво, но сам.

У перегородки фонарик выхватил знакомые царапины на металле — те, что Паша оставил, когда в первый раз тащил бирку. Соня приложила карту к стене и провела пальцем по линии.

— Здесь. Дальше техника не помощник. Дальше только мы.

У самой перегородки мама остановилась и прижала ладонь к металлу, будто проверяя, твёрдый ли мир.

— Если это сон, — сказала она, — я всё равно дойду до конца. Лучше глупо прийти, чем умно проснуться без сына.

Паша сжал её пальцы.

— Не сон. Просто район со странными правилами. Как школа, только хуже.

Соня щёлкнула фонариком дважды — сигнал «дальше». Бумажная карта в её руках уже отсырела по краям, но линии читались. Техника молчала в карманах мёртвым грузом. Впервые за дни Варя не полезла проверить заряд: проверять было нечего, и в этом была ясность.

Телефоны в карманах оставались мёртвыми. Часы вращались. Выходы вращались.

Оставалась бумага, имена и одна ночь, которая уже не собиралась быть чьей-то шуткой.

Глава 25. Ксюша

Ксюша остановилась между братом и окном так, будто сама была дверью. Волосы были собраны наспех. На запястье — тонкий жгут от старого браслета, который она крутила, когда нервничала. В переходе её голос звучал громче, чем должен был: стены любили чужие ссоры.

Варя впервые видела их двоих так близко после стройки — не в слухах, не в обрезанном ролике, а живьём. Илья казался старше на экране канала и младше здесь, у окна. Ксюша — наоборот: меньше ростом и твёрже в словах.

— Ты обещал зайти домой после восьмого, — сказала она Илье. Голос дрожал не от страха — от злости. — Мама думает, что ты у Дениса. Я нашла твою тетрадь с номерами ячеек. И список «кого удобно». Там было моё имя в углу. Зачёркнутое. Как будто ты себя хвалил, что меня не тронул. А рядом — чужие. С галочками.

Илья смотрел на неё слишком долго, прежде чем ответить. В этом взгляде было узнавание... и пустота рядом с ним, как вырванный кадр.

— Ты не должна здесь быть.

— А ты не должен решать, где мне быть.

Варя видела, как Миша напрягся. Для него Ксюша была не абстракцией «причины», а живым человеком со стройки, из обрезанного ролика, из чужой вины. Соня молча отошла на

полшага вбок — давая пространство, но не выпуская ситуацию из списка. Денис держал фонарик ниже, чтобы не бить светом в глаза.

Ксюша достала из кармана маленький брелок: потёртый, с трещиной на пластмассе, с выцветшей наклейкой звезды.

— Это ты носил два года, — сказала она. — Я подарила после того дня у спорткомплекса. Ты сказал, что будешь помнить, зачем вообще полез защищать. Помнишь?

Илья протянул руку. Пальцы коснулись брелока — и замерли. Слово предмет был знаком, а история к нему — нет.

— Я... помню, что он мой. Не помню, откуда. Помню, что звезда важная. Не помню, почему.

Ксюша моргнула так, словно её ударили несильно, но точно.

— Ты забыл, как мы сидели на трубах и ты обещал, что больше никто не будет снимать меня без спроса. Ты забыл, как я просила не мстить классу. Ты забыл, что я сама сказала: «Мне нужно, чтобы меня слушали, а не стирали других». Я плакала не потому, что хотела чистый район. Я плакала, потому что хотела, чтобы меня спросили.

Илья покачал головой — медленно, упрямо.

— Я защищал тебя. Район удобнее без тех, кто делает больно. Голосование показывало...

— Голосование показывало, кого легко ткнуть пальцем, — перебила Ксюша. — Ты защищал свою версию меня. А настоящую почти стёр. Сколько имён ты уже отдал? Сколько

раз бюро забирало кусок нас?

Он молчал. Ответ был в его глазах: много. Слишком много, чтобы перечислить честно. Варя заметила, как он пытается нащупать в памяти хоть одну сцену — и промахивается, как человек в тёмной комнате.

Денис тихо сказал:

— Чем больше кладёшь, тем меньше помнишь зачем. Мы это уже видели. Не как теорию. Как человека, который путает собственные причины.

Илья взглянул на него резко.

— Вы ничего не видели. Вы хотите открыть ячейку и думаете, что мир станет лучше. Если отменить передачу сейчас, бюро возьмёт компенсацию. Оно всегда берёт. Оно может взять её.

Он кивнул на Ксюшу.

Ксюша сделала шаг ближе. Не отступила от угрозы — подошла к ней.

— Нельзя использовать мою боль как пропуск. Ты не спрашивал, хочу ли я, чтобы Паша исчез. Ты не спрашивал, хочу ли я, чтобы Миша исчез. Ты сделал меня причиной, чтобы тебе было проще нажимать «опубликовать». Это не защита. Это удобство.

— Я хотел порядка, — хрипло сказал Илья.

— Ты хотел контроля, — ответила она. — И теперь даже не можешь вспомнить, как я смеялась в тот день, когда подарила это. Какой у меня был голос. Что я сказала первой.

Она вложила брелок ему в ладонь и не отпустила сразу — держала его пальцы своими, будто вшивала память обратно через кожу.

— Слушай. Не магией. Словами. Мы купили брелок в киоске у кольца. Продавец дал сдачу мелочью, ты уронил монетку под витрину и лез доставать, пока я смеялась. Ты сказал, что звезда — чтобы я не терялась. Я сказала, что звезда — чтобы ты не делал вид, будто один за всё отвечаешь. Потом шёл дождь. Ты отдал мне капюшон и сам промок до футболки. Дома мама ругалась. Вот. Это было. Даже если в тебе дыра — я заполню её рассказом. Но только если ты перестанешь решать за всех.

Илья закрыл глаза. Секунду казалось, что он сейчас оттолкнёт её. Не оттолкнул. Пальцы сжались вокруг брелока так, будто предмет мог удержать имя.

— Если я отпущу окно... — начал он.

— Тогда мы будем разбираться вместе, — сказала Ксюша. — А не прятать людей в ячейки, потому что тебе страшно. Страх не даёт право распоряжаться чужими жизнями. Даже если страх про меня.

Варя впервые за ночь почувствовала к Илье не только злость. Поняла — да. Простила — нет. И видеть это различие было важно: понимание не становилось оправданием.

Миша заговорил ровно, без торжества:

— Твоя сестра здесь и говорит за себя. Это уже больше, чем твоя система. Система как раз любила говорить вместо

неё.

Илья посмотрел на последнюю ячейку. На Пашин брелок-динозавра. На бирку с полным именем. Почерк был его — аккуратный, школьный, тот самый, что на объявлениях у раздевалки.

— Я запру окно, — сказал он наконец. — Не чтобы помочь вам. Чтобы выиграть время и не отдать её. Вы не понимаете, как оно выбирает плату, когда сделка ломается на середине.

— Запирай, — тихо сказала Соня. — Мы всё равно откроем. Но теперь хотя бы ясно, чего ты боишься на самом деле. Не «порядка». Потери контроля над одной конкретной девочкой, которую ты уже почти забыл.

Ксюша отпустила его руку.

— Я пойду с вами до конца. Не как причина. Как свидетель того, что ты уже почти забыл нас. И если надо — как человек, который скажет взрослым правду без магии. Потому что последствия должны быть человеческими, не только бумажными.

Илья дёрнулся.

— Не надо взрослых.

— Надо, — сказала она. — Потому что последствия существуют не только в переходе. И потому что я не хочу, чтобы ты снова искал тишину в чужих именах.

Где-то в коридоре снова хлопнуло. Воздух стал плотнее. Окно бюро тихо щёлкнуло — словно кто-то невидимый при-

готовил засов.

Паша стоял рядом с мамой и смотрел на Илью без ненависти. Скорее с усталым вниманием человека, которого пытались сделать удобной пустотой.

— Я всё ещё здесь, — сказал он. — Пока вы спорите, кто мной распоряжается. Может, уже пора спросить меня, а не сестру Ильи и не мою сестру.

Тишина после его слов была не пустой — плотной. Варя слышала, как капает вода где-то в трубе, и как Денис тихо считает про себя, чтобы не сорваться в лишнюю реплику.

Илья повертел брелок. Звезда на наклейке почти стёрлась, но контур ещё читался.

— Я помнил список дел, — сказал он глухо. — Открыть голосование. Найти вещь. Донести до окна. Подождать три ночи. Я помнил порядок. Не помнил лицо, ради которого порядок начинался. Это... как пользоваться картой без названий улиц.

— Тогда выбрось карту, — сказала Ксюша. — Иди рядом. Спрашивай. Я надоела себе быть твоим оправданием.

Миша впервые за ночь обратился к ней напрямую, коротко:

— На стройке я не хотел, чтобы тебя снимали. Ролик обрезают. Меня сделали виноватым. Это не отменяет того, что Варя переслала. И не даёт твоему брату права стирать людей «для тебя».

Ксюша кивнула.

— Знаю. Поэтому я здесь не как жертва, которую надо закрыть ладонью. Как человек, который скажет «стоп».

Соня записала в тетрадь одну строку — не улику, а решение: «Ксюша против использования её боли». Потом подняла глаза на Илью.

— Ты можешь помочь открыть. Можешь мешать. Третьего не будет. Район уже глохнет. Времени на твою внутреннюю драму меньше, чем тебе кажется.

Илья посмотрел на Пашу. На маму. На окно.

— Я мешал, потому что думал, что спасаю единственное, что у меня осталось. Оказалось, я как раз это и тратил.

Ксюша мягче, но не слабее:

— Тогда хватит тратить. Начни возвращать. Хотя бы чужие имена. Хотя бы сегодня.

Варя отступила на полшага, давая им пространство, и всё же осталась в круге света. Ей важно было слышать, как рушится чужой мотив: не чтобы торжествовать, а чтобы не повторить его удобную логику на себе.

Илья провёл ладонью по лицу.

— Я открывал канал, потому что казалось — если большинство назовёт, значит, боль распределена справедливо. Как будто справедливость — это кнопка.

— Справедливость — это когда спрашивают живого человека, — сказала Ксюша. — Меня. Пашу. Настю. Даже тебя. Ты себя тоже не спросил нормально. Ты спросил страх.

Паша вставил тихо:

— Меня тоже можно спросить. Я ещё тут. Пока вы чините брата, ячейка не дремлет.

Варя сжала в кармане конверт со снимком Лизы. Ксюша стояла прямо. Илья — на краю собственного мотива, который уже не держался.

Ночь больше не ждала морали. Она ждала действий.

Глава 26. Последняя ячейка

Илья прыгнул к окну первым. Металлическая шторка сползла с резким скрежетом; засов лёг поперёк, как чужая черта. Ячейки мигнули тусклым светом — и крайняя, Пашина, дрогнула, будто её уже тянули внутрь навсегда. Бумажная бирка шевельнулась сама, без ветра. Где-то внутри щёлкнуло ещё раз — будто счётчик ночей добил последнюю риску.

Варя шагнула вперёд инстинктивно. Миша перехватил её локоть на долю секунды — не удерживая, а напоминая: по ролям. Она кивнула. Руки тряслись, и это было нормально.

— Не трогайте засов! — крикнул Илья. — Если сорвать неправильно, оно возьмёт ближайшую связь. Она рядом. Я чувствую, как тянет. Это не метафора. У меня уже забирало куски. Я знаю вкус.

Ксюша стояла в двух шагах. Слишком близко для его страха. Слишком далеко, чтобы он мог снова спрятать её за спиной.

В тот же миг коридор моргнул. Дверь позади них — та самая, аварийная, ведущая «куда скажет район» — начала закрываться и открываться вхолостую, набирая ритм. За ней мелькнул парк, потом кольцо, потом снова парк. Пространство пыталось вытряхнуть их из сцены, как песок из кармана.

— Дверь! — рывкнул Денис.

Миша уже был там. Плечом вкось, ногой в порог, всей тя-

жестью. Денис встал рядом, вдвоём удерживая повторяющуюся створку так, будто держали не дерево, а чужой выбор. Сквозняк бил в лица холодным парком и запахом мокрых листьев. За дверью кто-то невидимый «шёл» чужими шагами — эхо ночного маршрута, готовое забрать любого, кто ослабит хват. Миша впечатал каблук глубже. Денис подставил плечо ниже, как когда-то подпирал дверь мастерской отца в ветреный день — только тогда ветер был честнее.

— Держим, — выдохнул Миша. — Сколько надо. Варя, не смотри сюда. Делай своё. Соня — список. Илья — решай быстрее страха.

Соня рванула к боковой панели ячеек, где на крючках висели бирки — старые и новые, часть с именами, часть уже полустёртыми. Она выхватила тетрадь, прижала к стене фонарик зубами и начала сверять номер за номером, губы шевелились без звука. Одна бумага порезала ей кожу — тонкая красная линия. Она вытерла кровь о рукав и продолжила. Список дрожал, но цифры не ввали: в отличие от телефонов, карандаш ещё слушал человека.

— Не путать с Настиной... не эту, хвост другой... запасной хвост на обороте — старое... вот, номер совпал, хвост фамилии Морозов... есть!

Она сорвала нужную бирку аккуратно, двумя пальцами, как сами себя учили: без лишней грубости, но без трепета. Бумага хрустнула. Соня сунула её Варе так жёстко, будто передавала эстафету.

— Бери связь. К стеклу. Имя. Громко. Без поэзии. Я потом отмечу остальных. Сначала живой брат.

Варя оказалась у стекла. Мама — рядом. Паша — между ними, бледный, но на ногах. Коридор сжался — не стенами, смыслом: стало меньше воздуха на чужие сомнения. Камера колотила Варю по груди в том же ритме, что и удары двери.

— Паша! — крикнула она в щель под шторкой, туда, где вещь ещё была видна. — Павел Морозов! Ты здесь, слышишь? Мы пришли. Не уходи в маршрут. Смотри на нас, не на коридор! Пашка! Слышишь сестру, которая вечно тебя снимает без спроса!

Щель ответила только пылью и тусклым блеском металла. Но Паша рядом кивнул — значит, зов дошёл не только в воздух, но и в него.

Засов дрожал под руками Ильи. Он держал, но уже не как хозяин — как человек, который боится отпустить руль. Пальцы белели.

— Ксюша, отойди, — умолял он.

— Нет, — сказала она. — Я не плата. Я сестра. И я здесь добровольно.

Денис считал вслух, чтобы не сорваться:

— Двадцать! Двадцать один! Маршрут давит!

Миша рычал от усилия. Левый край двери уходил. Они перехватили хват. Створки ударили, отскочили, снова ударили. За ними на секунду проступил автобусный кольцевой столб — и исчез, оставив запах выхлопа, которого в перехо-

де быть не должно.

Паша вдруг качнулся. Варя увидела, как на миг контуры его плеч стали менее резкими. Вторая стадия уже лизала третью.

— Не отпускай меня взглядом, — попросил он хрипло. — Даже если скажешь глупость. Лишь бы голосом. Если начну забывать — зовите громче. Не вежливо.

— Ты вечно путаешь шнурки, — ответила Варя. — И крадёшь мой зарядник. И орёшь, когда я снимаю тебя без спроса. Слышишь? Это ты. Не дырка.

Мама подхватила хором, не стесняясь эха:

— Паша. Паша. Паша.

Он удержался. Плотность вернулась в плечи. Соня зажала список зубами и выдохнула через нос:

— Свидетели готовы. Но без открытого окна дальше нельзя. Илья!

— Снимай засов, — повторила она вслух. — Сейчас. Или мы ломаем и тебе, и ей будет хуже. Дверь не простоит вечно.

Илья смотрел на Ксюшу. На окно. На Пашу. На Мишу, который превратился в одну конструкцию из плеча и злости вместе с Денисом.

— Если я сниму...

— Тогда начнём возврат по правилам, — сказала Варя. — Три голоса. Цена. Его выбор. Не твоя паника. Не моя вина. Правила, которые ты сам уже проверил на других. Ты хотел контроля — получи ответственность. Сними засов.

Миша крикнул через плечо:

— Дверь не вечная! Решай! Я не собираюсь объяснять маме Паши, что мы опоздали из-за твоей тетради «кого удобно»!

Денис вдруг начал говорить отцу вслух — не по телефону, а в пустоту, чтобы держаться:

— Я на месте. Я держу. Я не убегая. Страшно — держу.

Илья на засове всхлипнул без слёз. Ксюша переставила его ладони правильнее — как учат открывать банку, только наоборот: открывать систему, которую он сам закрутил.

— Снимай, — приказала она. — Я не исчезаю от твоего послушания. Я исчезаю от твоих ячеек.

Илья сорвал засов. Металл звякнул о пол. Ксюша пнула засов ногой дальше от окна — мелочь, но символичная: инструмент контроля отброшен. Шторка взвизгнула вверх. Воздух из окна пахнул бумагой, пылью и чем-то похожим на мокрый металл. Ячейка открылась полностью. Брелок-динозавр лежал на ладони темноты, чуть подрагивая. Рядом белела бирка с полным именем — тем самым почерком школьных объявлений, из-за которого они вообще сюда пришли.

Пространство у двери всхлипнуло в последний раз и отступило на пядь. Миша не расслабился — знал цену ранней радости. Денис сменил хват и тихо выругался на собственный страх, будто на старого знакомого, которого всё равно зовут в команду.

— Держится, — сказал он. — Пока держится.

Варя протянула руку — и не коснулась ещё вещи. Сначала имя. Она подняла бирку выше, чтобы Паша видел буквы со стороны.

— Паша. Смотри на нас. Не на коридор. Скажи, что слышишь.

— Я тут, — кивнул он. Глаза блестели. — Слышу. Не ухажу. Это я. Не голос канала. Я. Можете начинать ваши истории — только сначала уберите его руки от чужих ячеек и чужих жизней совсем.

Илья отступил от окна, будто оно обожгло. Ксюша схватила его за рукав — не силой, а чтобы он не сбежал в старую логику. Мама дрожащей рукой коснулась стекла.

— Боже... оно настоящее. Я думала, вы преувеличиваете. Надеюсь. А оно настоящее — и мой сын стоит рядом, пока я ещё помню, зачем пришла.

— Настоящее, — подтвердила Варя. — Мам, потом. Сейчас готовь историю. Только правду. Только то, где он выбрал. Не «хороший мальчик». Поступок.

Где-то в глубине ячеек шевельнулись другие бирки — тихий бумажный прибой. Соня быстро отметила карандашом те, что ещё можно спасти после — Настя, ещё двое полустёртых. Рука у неё больше не дрожала: список снова стал оружием, а не страхом.

Варя почувствовала холод в висках: желание отложить снимок Лизы «на потом», пройти без цены. Узнала соблазн. Он пах тем же, чем предложение Ильи стереть вину. Она

сжала конверт в кармане до боли в пальцах — напоминание себе: цена будет настоящей, не «потом».

Илья смотрел на открытую ячейку с выражением человека, который впервые видит результат своих подписей не на экране, а в живом лице. Руки у него дрожали — пустые, без засова, без власти, без удобной лжи про порядок.

— Я думал, — прошептал он, — что если большинство нажмёт, значит, так и надо.

— Большинство не стояло у двери, — ответила Ксюша. — Не держало створку плечом.

— Теперь, — выдохнула Соня. — Только по правилам. И быстро. Пока дверь помнит, что её держат люди, а не район.

Но коридор снова моргнул. Из окна, будто из горла бумаги, донёсся чужой спокойный шёпот — не мужской, не женский, просто служебный:

«Можно проще. Можно без цены. Оставь своё имя — и заberi брата.»

Варя замерла. Соблазн говорил её голосом — и от этого было хуже, чем от любого чужого приказа. За спиной держалась дверь. Рядом дышал брат. В кармане ждал снимок Лизы. Выбор ещё не был сделан — но сцена для него уже стояла очно, без экрана и без удобной кнопки. Оставалось только не согласиться на чистоту ценой собственного исчезновения из вины — и сделать это вслух.

Глава 27. Удобное забвение

Шёпот не шёл из динамика. Он складывался из шороха бирок, из сквозняка, из собственного страха Вари — и всё равно был отдельным, как голос за стеклом кассы.

На подоконнике окна вдруг оказалась пустая бирка и место рядом — ровно под её ладонь. Словно бюро уже знало размер её вины и подогнало бланк.

«Оставь фотографию. Оставь имя. Район забудет твой поступок вместе с тобой. Брата заберёшь без платы. Чистая. Никто не вспомнит ролик. Никто не вспомнит, что ты нажала “переслать”. Даже ты.»

Варя увидела снимок Лизы в своей руке раньше, чем поняла, что достала конверт. На карточке они смеялись. Внутри груди поднималась старая мысль: если никто не помнит плохое — разве это не милосердие? Разве не так Илья начинал — с желания убрать боль, а не с желания властвовать?

Илья сделал шаг ближе. Лицо у него было серым.

— Оно мне тоже предлагало, — сказал он. — Не этими словами. Удобством. «Убери лишних — станет тише». Я согласился по кусочку. Каждый раз казалось, что это маленький шаг. Потом я уже не помнил, куда шёл.

Ксюша смотрела на Варю настороженно, но молчала. Это был не её выбор. Мама не расслышала шёпота — для неё окно оставалось страшным и молчаливым; она только виде-

ла, как дочь побелела. Соня слышала: по тому, как сжались пальцы на тетради. Миша слышал: по тому, как брови сошлись. Денис — потому что дверь вдруг стала тяжелее, будто пространство ждало ответа и помогало «правильному».

— Варя, — тихо сказал Паша. — Что оно тебе обещает?

Она могла солгать. Привычка тянула к камере, к умолчанию, к «потом объясню».

— Что можно забрать тебя и стереть мою вину, — сказала она вслух. — Ролик. Пересылку. То, что я сделала Мише. Чтобы все забыли. И я тоже. Без цены за тебя. В обмен на меня как свидетеля собственной дряни.

Миша не отвернулся. Смотрел прямо, хотя плечо дрожало от двери. В этом взгляде не было просьбы «соглашайся». Было ожидание её решения — такое же очное, как створка под его весом.

Соня произнесла сухо:

— Если согласишься, ты выйдешь удобной. И отсутствующей. Мы уже видели, чем это кончается. Илья — живой пример. Чистый порядок с дырой вместо причины.

Денис прохрипел, не отпуская дверь:

— Цена всё равно будет. Просто её заплатит кто-то другой. Или ты — тем, что перестанешь быть человеком, который отвечает. Я уже платил. Это больно. Но я всё ещё здесь и помню, что выбрал. Не хочу, чтобы ты исчезла из собственной истории.

Шёпот вернулся мягче, почти заботливо:

«Ты устала. Ты исправишь ошибку самым чистым способом. Никто не осудит. Нечего будет осуждать. Миша сможет смотреть на тебя без камня. Соня перестанет злиться. Мама не узнает лишнего.»

Варя вспомнила кухню, где признавалась. Соню, которая ушла. Мишу, который не простил, но вернулся за ней на маршрут. Собственные ноги в повторяющемся коридоре, когда казалось, что камера спасёт одна. Всё это было несовершенным — и настоящим. Настоящее царапалось. Чистое — нет. И именно поэтому чистое врало.

Она положила пустую бирку обратно на подоконник. Пальцы не слушались, но движение вышло цельным.

— Нет.

Слово вышло не громким. Оно вышло окончательным.

— Я не буду безупречной ценой чужого забвения, — сказала она в стекло. — Я останусь той, кто переслала. И той, кто стоит здесь. Лучше несовершенной и присутствующей, чем чистой и вычеркнутой. Если Миша будет злиться — пусть злится на настоящую меня. Не на пустое место.

Шёпот оборвался, будто оборвали нитку. Холод в висках отступил. Дверь под руками Миши и Дениса стала чуть легче — не сдалась, но перестала «ждать сделки». Коридор снова стал просто коридором со сквозняком.

Илья закрыл лицо ладонью.

— Я должен был сказать это раньше. Себе. Ей. Вам.

— Должен, — согласилась Ксюша. — Говори теперь де-

лами. Не оправданиями.

Варя убрала пустую бирку в сторону, подальше от Пашиного имени. Пальцы дрожали. Отказ не сделал её героиней. Он оставил её собой — с виной, с камерой, с конвертом, в котором ещё лежала настоящая цена. Стыдно было стоять так открыто. Она всё равно стояла.

Соня кивнула коротко. В кивке не было полного мира — было рабочее уважение.

— Тогда по правилам. Без скидок. Без «почти».

Мама наконец спросила, голос сел:

— Что сейчас будет? Почему ты такая белая?

— Мы назовём три истории про Пашу, — сказала Варя. — Правдивые. Где он выбрал и это на кого-то повлияло. Потом я отдам память. Потом он скажет, хочет ли вернуться. Ты начнёшь после Сони. Или... как скажет Соня.

— Я первая, — сразу сказала Соня. — Потом мама. Потом ты. Так список ровнее.

Паша сглотнул.

— А если я...

— Тогда скажешь как есть, — перебил Миша, не отпуская дверь. — Мы не подменим твой рот. Даже из любви. Особенно из любви.

Варя взглянула на него. В этой фразе не было нежности. Было уважение. Для этой ночи — лучше любого прощения.

Окно ждало. Уже без соблазна. Только со старой служебной пустотой, которая принимает правильно оформленный

возврат и не интересуется, каково людям после.

Варя стояла перед предложением, которое было умнее угрозы. Угроза заставляет сопротивляться. Удобство просит согласиться и называет это заботой.

Она вспомнила не только ролик. Вспомнила, как после пересылки ей стало легче на минуту — «уже не я одна видела» — и как эта лёгкость потом гнила. Бюро предлагало ту же лёгкость навсегда.

Миша дышал тяжело у двери. Не говорил «не надо». Не говорил «сделай». Ждал. Это было жёстче любой речи.

Соня тихо произнесла:

— Если ты исчезнешь из собственной вины, нам придётся помнить за тебя. А мы уже устали помнить за тех, кого стирают. Не становись ещё одной работой для списка.

Мама, не слыша шёпота, всё же уловила напряжение и сжала локоть Вари.

— Что бы оно ни говорило... ты моя дочь. Не бумажка. Не выбирай путь, где тебя станет меньше, даже если путь кажется добрым.

Паша добавил жёстче:

— Я не хочу брата... сестру, которую вернули ценой того, что она перестала быть собой. Это обмен на куклу. Не на тебя.

Варя кивнула им — и окну.

Отказ уже был сказан, но соблазн ещё шевелился на краю слуха, как реклама после выключения экрана. Она повторилась.

ла «нет» ещё раз, уже для себя, тише:

— Нет. Я остаюсь. С камнем. Со снимком. С разговором, который ещё предстоит.

После отказа окно не «обиделось». Оно просто переключилось в другой режим — холодный, процедурный. Варя поняла: бюро не злодей из сказки. Оно кассир. Кассиру всё равно, плачешь ты или геройствуешь. Ему важен бланк.

Илья отступил, будто впервые увидел кассира без маски «справедливости».

— Я продавал ему имена и думал, что торгуюсь с моралью, — сказал он. — А торговался с окном.

— Теперь торгуйся с последствиями, — ответила Соня. — Они дороже. Зато человеческие.

Варя сжала снимок Лизы. Страх платы остался. Рядом с ним впервые уложился другой страх: стать удобной пустотой. Второй страх был полезнее. Он держал её в кадре.

В тишине после второго «нет» Варя слышала собственный пульс в ушах. Соблазн отступил не побеждённый навсегда — отодвинутый. Она знала: такие предложения любят возвращаться в обычные дни, без окон и бирок, в виде мысли «лучше бы никто не помнил». Тогда придётся снова выбирать присутствие. Сегодня она потренировалась.

Миша поймал её взгляд через плечо и кивнул один раз. Не «умница». Не «простил». Просто «видел выбор». Для неё этого хватило, чтобы не развалиться.

Соня уже перелистнула страницу тетради на блок «свиде-

тельствва».

— Драму закрыли. Переходим к голосам. Мама, ты помнишь, что будешь говорить?

— Помню, — сказала мама. — Мяч. Девочка. Его выбор. Не моя гордость — его поступок.

— Отлично, — сказала Соня. — Бюро ест поступки. Похвалу выплёвывает.

Варя провела пальцем по краю пустой бирки и убрала её окончательно в карман Сони — пусть лежит среди улик как отказ, зафиксированный вещью. Руки наконец перестали дрожать.

Денис у двери хрипло добавил:

— После платы будет дыра. Это нормально. Не пытайся сразу заполнить её старыми чатами. Дай дыре быть дырой. Потом привыкнешь жить рядом.

Варя кивнула с благодарностью человека, который слышит инструкцию от того, кто уже ходил этим маршрутом памяти.

— Я готова к голосам, — сказала она. — И к цене. Не к чистоте.

Окно молчало уже по-деловому. Варя положила ладонь на холодное стекло — не чтобы договориться, а чтобы убедиться: твёрдое. Реальность. Без скидок. Можно начинать свидетельства, не торгуясь с собственной виной.

Варя достала снимок Лизы целиком и держала его так, чтобы всем было видно: плата готова, но ещё не отдана. Ли-

цо на фотографии улыбалось из прошлого, которого скоро станет меньше.

— Сначала голоса, — сказала она. — Потом цена. Я не перепрыгну очередь, даже свою. Пусть будет больно по правилам — не удобно в обход.

Она и правда была к этому готова.

Глава 28. Что мы помним

Соня вышла вперёд первой — практично, без театра. Фонарик она зажала под мышкой, тетрадь — в левой руке, будто протокол важнее страха.

— Я, Софья Белова. Я помню, как Паша Морозов в прошлом году нашёл мой список с адресами кружков, который я обронила у «Маяка». Он мог пройти мимо. Список лежал у урны, на него уже наступали. Он догнал меня через весь двор, вернул тетрадку и сказал: «У тебя там расписание, без него ты начнёшь всех строить ещё злее». Из-за него я успела на пробу в секцию и не вылетела. Это был его выбор. Он повлиял на меня.

Окно щёлкнуло — тихо, как печать. Одна полоска света легла на стекло.

Мама сжала руки так сильно, что побелели костяшки. Секунду она молчала, собирая слова, которые не звучали бы «мама хвалит».

— Я... я его мама. Елена Морозова. Когда Паше было девять, он отдал соседской девочке новый мяч в день рождения. Не потому что его заставили. Он сказал: «Ей сейчас нужнее, у неё брат сломал её старый». Потом дома плакал в подушку, но обратно не попросил. Из-за него эта девочка перестала бояться нашего подъезда и стала здороваться первой. Я видела. Это был его выбор.

Вторая полоска света. Мама выдохнула так, будто сама чуть не исчезла вместе с фразой.

Варя почувствовала, как горло сжимается. Её очередь не могла быть общей и красивой. Не могла быть про «люблю брата». Бюро ело поступки.

— Я, Варвара Морозова. После того как Лиза уехала, я три дня почти не говорила. Сидела в комнате и пересматривала сообщения, будто из них можно выжать человека обратно. Паша не лез с советами. На четвёртый вечер он положил возле двери мой плёночный фотоаппарат — тот, что я прятала, — и сказал: «Снимай двор, если людей снимать страшно. Но не исчезай из квартиры раньше меня». Он мог оставить меня в молчании. Он выбрал вмешаться. Из-за него я снова вышла снимать Речной. И позже именно поэтому я смогла заметить Мишу на снимке. Его выбор повлиял на меня.

Третья полоска. Окно открылось шире. Воздух стал слышнее, будто бюро наклонилось слушать не вещи, а людей. Дверь у Миши и Дениса перестала рваться — зависла, тяжёлая, но покорная, как зверь, которого отозвали свистком.

Паша стоял очень прямо. Глаза блестели, но он не отводил взгляд.

— Павел Морозов, — сказала Варя. — Ты слышал. Выбери.

Он молчал секунд пять. Долгих. В коридоре капала вода — откуда, непонятно.

— Я не хотел, чтобы вы платили, — сказал он. — Мне

стыдно, что вы вообще здесь мокнете из-за меня. Но я слышу вас. И я не хочу, чтобы мама готовила завтрак на одного. Не хочу быть удобной пустотой в чём-то голосовании. Я возвращаюсь. Да.

Слово «да» ударило по коридору короткой дрожью. Ячейка щёлкнула глубже, открываясь до конца. Брелок подрагивал, будто ждал руки.

Теперь цена.

Варя положила на подоконник фотографию. Лиза улыбалась из прошлого. Варя знала каждый миллиметр этого дня: запах мокрой листвы, вкус дешёвого мороженого у киоска, ощущение, что дружба — это навсегда, глупое и яркое, как вспышка. Рука Лизы на плече. Смех, от которого болел живот. Обещание писать каждый день.

— Я отдаю это воспоминание, — сказала она. — Факт оставь. Чувство заberi. Дружба была. День был. Пусть останется знание. Без тепла — если так надо.

Бумага приняла снимок без вспышки и без дыма. Просто стало тише внутри Вари — в том месте, где раньше вспыхивал этот день. Она помнила: была подруга Лиза. Был день в парке. Они фотографировались. Потом Лиза уехала. Но тепло ушло, будто кто-то выкрутил яркость и вытащил звук. Осталась схема события без музыки. Пустота была аккуратнее слёз — и оттого обиднее.

Варя моргнула. Слёз не было. Ладонь сама потянулась к камере — привычка зафиксировать потерю — и остано-

лась. Фиксировать было нечего: потеря сидела внутри.

— Есть? — тихо спросила Соня.

— Есть, — ответила Варя. — Дружба была. День... знаю, что был. Не чувствую. Как будто читаю чужую подпись под фото.

Денис кивнул ей коротко — как человек своему. Он понимал этот вид потери без объяснений.

Пашин брелок сам толкнулся к краю ячейки. Варя взяла его — металл был холодным — и вложила брату в ладонь. Бирку Соня сложила пополам и зажала в кулаке, потом сунула в карман куртки, подальше от окна.

— Готово, — сказала она. — Имя снято. Связь закрыта на возврат.

Мама обняла Пашу так, словно проверяла вес. Он был тёплым. Настоящим. Смеющимся сквозь сбой дыхания.

— Я помню тебя, — прошептала она. — Восемь... нет. Тринадцать. Тринадцать. Господи. Не отпускай рукав пока.

Миша отпустил дверь осторожно. Коридор не выбросил их в парк. Просто стал обычным подземным холодом с запахом сырости. Денис сел на корточки, разминая пальцы, и тихо выругался от облегчения — одним словом, без театра.

Илья стоял у стены. Смотрел на возвращение так, будто видел обратную сторону собственной системы — не красивую, не «честную», просто работающую против него.

Ксюша сказала:

— Вот что бывает, когда люди приходят сами. Не когда

ты решаешь за них списком.

Варя убрала пустой конверт. Камера на груди казалась тяжелее — или это она сама стала ближе к миру без фильтра «сохранённого навсегда».

Паша крутанул динозавра на пальце. Улыбка вышла кри-
вая, живая.

— Спасибо, — сказал он всем и никому отдельно. — Но больше не спасайте меня за спиной. Спрашивайте. Даже если я буду орать, что не надо.

После трёх полосок света коридор будто выдохнул. Не праздник — рабочая пауза. Варя чувствовала, как внутри неё уже готовится обрыв: плата стояла на подоконнике и ждала касания правилами.

Она почти отдернула руку. Почти сказала: «Давайте дру-
гую цену». Но другой цены, которая была бы честной и до-
статочной, у неё не было. Денис однажды уже заплатил. Те-
перь очередь её раны — той самой, из-за которой она пря-
талась в архивах переписки и верила, что сохранённое сооб-
щение равно сохранённому человеку.

— Если после этого я стану странной... — начала она.

— Станешь, — сказала Соня просто. — И мы заметим. И скажем. Это и есть присутствие.

Паша крутил динозавра, уже возвращённого, и всё равно смотрел на сестру так, будто боялся, что вместе с фото уйдёт и она.

— Ты останешься? — спросил он.

— Останусь, — ответила Варя. — Просто день с Лизой станет тише. Дружба — нет. Я выбираю тебя не вместо неё. Я выбираю живого брата ценой яркости одного прошлого дня.

Когда бумага приняла снимок, Варя на секунду поискала в себе вспышку — смех, мороженое, руку на плече — и нашла только подписи под пустыми кадрами. Это было честно до боли. Она не закричала. Просто стояла и дышала, пока мама гладила её по волосам одной рукой, а другой не отпускала Пашу.

Когда Паша сказал «да», Варя на миг потеряла слух — не магически, а от облегчения, которое пришло слишком резко. Потом слух вернулся: кап-кап воды, тяжёлое дыхание у двери, шорох бумаги.

Она отдала фото двумя руками, как передают хрупкое. Не швырнула. Не спрятала. Позволила видеть всем, чем платит.

После пустоты внутри она проверила себя короткой инвентаризацией: помню имя Лизы? Да. Помню переезд? Да. Помню вкус того дня? Нет. Помню, зачем день был важен? Знаю умом. Не сердцем. Хватит, чтобы не врать себе. Мало, чтобы не болеть. Боль пришла в другой форме — тихой.

Миша, всё ещё у двери, сказал только:

— Ты на месте. Это видно.

Паша после «да» сделал шаг к сестре и стукнулся лбом о её плечо — короткий, неловкий жест, почти детский. Варя обняла его одной рукой, второй всё ещё чувствуя пустоту на месте яркого дня.

— Ты тяжёлый, — пробормотала она.

— Живой, — поправил он. — Терпи.

Мама смеялась и плакала одновременно, не стесняясь перехода. Денис поднялся с корточек и подал Соне фонарик, который та уже снова зажала зубами из привычки. Миша наконец отпустил дверь полностью. Створка осталась открытой в нормальную темноту — без парка, без кольца, без чужих шагов.

Илья смотрел на динозавра в Пашиной ладони так, будто видел первый предмет, который не стал чьим-то приговором.

— Я больше не буду... — начал он.

— Не обещай окну, — перебила Ксюша. — Обещай мне. И выполняй при мне.

Соня коротко обняла Варю боком — редкий жест для неё — и сразу вернулась к делу, чтобы никто не размяк слишком рано.

Ксюша отвела Илью чуть в сторону, пока семья обнималась, и тихо сказала:

— Смотри. Вот что делают три голоса. Не канал. Не большинство. Люди, которые пришли ногами.

Илья кивнул, глядя не на них — в пол, где лежал брошенный засов.

— Паша дома в смысле «в мире». Теперь Настя. Потом дыхание. Потом чай. В таком порядке.

Соня уже листала список, не давая ночи расползтись в объятия и разговоры.

— Спросим. А сейчас — Настя и остальные бирки. Пока окно помнит, что умеет возвращать. Пока дверь снова не начала врать.

Глава 29. Вернуть вещи

Они не уничтожали бюро. Даже не обсуждали это всерьёз: слишком свежа была мысль, что вместе с будкой исчезнут чужие имена, чужие полустёртые связи, чужие шансы быть позванными.

Илья подошёл к ячейкам сам. Руки у него не слушались, но он снимал бирки по одной — ровно, как когда-то подписывал объявления. Каждую клал Соне на раскрытую тетрадь. Не оправдывался. Молчал так, будто молчание тоже было частью платы.

— Эту — Настина, — сказала Соня, сверяя. — Ту — не трогай, пустая. Вот эти две ещё держат связь. Вот эта уже почти стёрлась — успеем, если быстро.

Миша нашёл Настю у поворота к «Ракете»: она шла по дуге маршрута, уже прозрачнее обычного человека, но ещё отзывалась на имя. Фонари парка делали её то резче, то бледнее. Он не тащил её за руку. Встал на пути и сказал то, что недавно пришлось выбрать самому:

— Ты можешь вернуться. Не потому что мы хорошие. Потому что тебя помнят трое и есть цена. Но говорить «да» будешь ты. Если скажешь «нет» — мы не будем геройствовать через тебя.

Настя смотрела сквозь него секунду. Потом кивнула — устало, жадно к реальности.

— Да. Я устала ходить по кругу. Хочу, чтобы брат снова злился на меня за обувь в коридоре.

Свидетелей для неё уже подготовили заранее: подруга, которую Соня подняла ещё днём коротким «просто приди ночью к переходу, объясню на месте», старший брат Насти и Миша с конкретной историей, как она когда-то закрыла его собой от охраны на стройке — до всех роковых съёмок, обычной подростковой глупостью и смелостью. Цену отдала подруга: старый браслет с поездки к бабушке. Варя видела, как после возврата у девочки на миг погасли глаза — знакомая пустота — и как Настя всё равно крепко сжала её пальцы, не отпуская сразу.

Бюро принимало порядок. Не благодарило. Шторка опускалась и поднималась по делу, как у настоящей кассы забытых вещей.

Когда последние живые бирки были сняты, окно медленно опустило шторку до щели. Не насовсем. До следующей настоящей потери. До следующего дурака, который решит, что забвение — это порядок. Эмблема на обложке тускло блеснула и снова стала просто грязным металлом.

— Оно останется, — сказал Денис.

— Пусть, — ответила Варя. — Лишь бы не с нашими именами внутри. И лишь бы мы помнили, как не пользоваться.

На рассвете они вышли к кольцу обычной дорогой. Небо серело. Автобусы на табло были настоящими — и один даже пришёл. Телефоны ожили сами, как ни в чём не бывало.

Часы снова совпали. В чате школа уже спорила о контрольной. Имя Паши из голосования исчезло — не триумфально, просто как удалённый пост. Кто-то написал «ну и шуточки у вас», и сообщение потонуло в обычном шуме.

Днём Илья сделал то, чего боялся больше магии. Пришёл к директору вместе с Ксюшей и Алексеем Петровичем — охранник согласился быть взрослым, который «видел подростков у аварийного перехода и подозрительную активность у служебных дверей». Без бюро. Без ячеек. С тем, что можно произнести в кабинете: анонимный канал, травля голосами, кража личных вещей, давление на младших, ночные вылазки в закрытую зону.

— Я создал голосования, — сказал Илья прямо. Варя узнала потом от Ксюши, почти дословно. — Я выбирал, кого удобно вычеркнуть. Я воровал. Я использовал сестру как оправдание. Это я.

Ксюша стояла рядом и не поправляла его красивее. Только добавила:

— Я прошу не делать вид, будто это «просто шутка канала». Людям было плохо. Мне было плохо. Хватит.

Последствия пришли бытовые и тяжёлые: канал закрыли, Илью отстранили от любых школьных медиа, разговор с родителями, обязательные встречи с психологом, запрет приближаться к переходу «в рамках безопасности». Этого было мало для магии и достаточно для начала человеческой цены. Миша слушал объявление по школе молча. Не праздновал.

Кивнул один раз — себе.

Вечером у подъезда Варя поймала Илью взглядом. Он остановился, сутулясь под чужим вниманием двора.

— Я не жду, что вы скажете «поняли», — сказал он. — Я сам не всё помню, зачем начинал. Ксюша напоминает. Каждый день. Иногда по два раза, если я снова пытаюсь упростить.

— Хорошо, — ответила Варя. — Помни хотя бы это. И не ищи новых удобных дыр.

Он кивнул и ушёл. Не искуплённый. Не стёртый. Оставленный разбираться.

Настя появилась в школе на следующий день с новым расписанием и привычкой оглядываться на звонок. Пашу мама пересчитывала утром дважды — вслух, не стесняясь. Денис признался у мастерской отца, что до сих пор не чувствует «тот» билет, но может рассказать маршрут заново и даже заново испугаться первой самостоятельной поездки — уже другой страх, живой. Соня переписала списки на чистый лист: уже не улик, а дел «после» — кому вернуть вещь, кому написать, кому просто сесть рядом.

Миша сказал Варе у лестницы только одно:

— Ты не бросила его в одиночку. Это засчитываю. Остальное — нет. Пока. Не прошу прощения улыбкой.

Пока снимали бирки, переход постепенно становился скучнее — и это было хорошим признаком. Магия любила торжественность. Возврат вещей делал из бюро снова пыль-

ную будку.

Алексей Петрович появился у перегородки на рассвете, когда они уже выходили. Посмотрел на грязные ладони, на Соню с тетрадью, на Илью, который не прятал глаза.

— Живые? — спросил он.

— Живые, — ответила Варя.

— Тогда слушайте. Если понадобится взрослый для директорского кабинета — я скажу про двери и ночные проходы. Не про окно. Окно пусть останется местной страшилкой. Но канал и кражи — нет. Это я готов нести.

Илья кивнул ему почти благодарно — и почти стыдно.

Днём в школе объявление про закрытие канала прозвучало сухо, канцелярски. Кто-то в классе попытался пошутить. Шутка не взлетела. Миша в пересменке сказал Денису:

— Странно. Я привык быть лишним. Теперь привыкаю быть снова в списке. Это тоже работа.

Денис усмехнулся уголком рта.

— Зато список теперь не анонимный. И не про вычёркивание.

Вечером Варя коротко написала Лизе — не длинное «помнишь тот день», а простое «надеюсь, у тебя нормально». Не ждала мгновенного ответа. Не открывала старую переписку следом. Положила телефон экраном вниз и пошла на кухню, где мама снова ставила две чашки — уже уверенно.

Настя после возвращения сидела на бордюре у «Ракеты»

и ела шоколадку, которую дал брат. Обычная сцена. Оттого и невероятная. Миша стоял рядом, пока она не сказала:

— Иди. Я уже не маршрут. Я очередь за нормальной жизнью.

В школе через день Варя увидела Илью у стенда объявлений — пустого, без его аккуратных листков. Он смотрел на кнопки, будто впервые не знал, что к ним приколоть. Ксюша стояла рядом и читала ему вполголоса расписание встреч с психологом. Не как надзиратель. Как сестра, которая строит заново общий язык.

Варя не подошла. Иногда присутствие — это не лезть. Она прошла мимо и только кивнула. Илья кивнул в ответ. На этом пока держался хрупкий мир.

К вечеру второго дня Варя, Соня и Денис сидели на крыльце школы и молчали минуту просто так — без плана. Это было новым. Миша подошёл позже, кинул между ними пакет сухариков и сел на ступеньку ниже, не требуя разговора.

— Настю видел у автобуса, — сказал он. — Спорила с братом про наушники. Красивая скука.

— Записываю в список побед, — сказала Соня. — Пункт: скука возвращена населению.

Варя улыбнулась и не достала камеру. Иногда победу не надо снимать, чтобы она считалась. Иногда достаточно сесть рядом и слышать, как район снова шумит обычно — лай, самокат, чей-то звонок «я уже выхожу».

Илья в это время, как узнала Ксюша позже, писал родителям длинное сообщение без оправданий. Черновик он сохранил. Отправил с третьей попытки. Это тоже было возвращением вещи на место — только вещи под названием «правда».

Алексей Петрович на прощание буркнул Паше:

— Бирку больше не поднимай с земли, даже из любопытства. Зови взрослых. Или хотя бы сестру. Любопытство у нас в районе дороже проездного.

Паша серьёзно кивнул — и тут же показал динозавра, будто заключая новый договор с собственной вещью.

Перед сном того дня Варя записала в блокнот проекта одну фразу без фотографии: «Район помнит тех, кого зовут вслух». Не для оценки. Для себя. Потом закрыла блокнот и не положила его под подушку — просто на стол, рядом с жизнью.

Группа разошлась по домам только когда рассвет стал несомненным. У каждого осталась своя цена и своя задача на день. Общей осталась одна: не делать вид, будто ночь ничего не значила, и не превращать её в новый канал тайн.

Бюро под переходом молчало. Район жил. В этом и была победа: не в разрушении чужого механизма, а в том, что их имена снова произносили без бумажной бирки и без удобного большинства. Этого хватало, чтобы выдохнуть — и не хватало, чтобы забыть цену совсем.

Глава 30. Войти в кадр

Прошло несколько дней. Осень не стала добрее, просто привычнее. Школа снова помнила Мишу Соколова так просто, будто пустая парта была сном: его имя вернулось в журнал, в чаты, в раздражённые реплики учителей. Кто-то даже попросил у него конспект «как обычно». В цифровых архивах всё же оставались дыры — то сообщение без отправителя, то кадр камеры с человеком без лица на секунду, то голосование, которое «вроде было, но ссылка не открывается». Никто из взрослых не устраивал из этого сенсацию. Подростки тоже молчали. Некоторые вещи Речной умел носить тихо.

Варя ловила себя на том, что тянется открыть старую переписку с Лизой — и останавливает палец. Факт дружбы был. Яркость последнего дня — нет. Пересматривать сообщения, вымогая чувство, стало бессмысленно, почти стыдно: как трясти пустой конверт. Она закрывала чат и шла жить дальше день, который ещё не стал архивом. Иногда фотографировала двор без людей. Иногда — людей, но уже не прячась за объективом полностью.

В субботу они встретились у входа в парк возле «Ракеты»: Варя, Миша, Соня, Денис, Паша. Настя махнула издалека и убежала к брату — её собственная жизнь снова требовала присутствия, ссор из-за обуви и всего остального скучного счастья. Ксюша прислала короткое «дошли нормально» и не

пришла: сегодня у неё был разговор с Ильёй без свидетелей. Это тоже было частью порядка — не районного, семейного.

Соня посмотрела на небо, потом на камеру Вари.

— Нужно фото для твоего проекта. Настоящее. Не коридор без людей. Не «улика». Просто мы.

Варя кивнула. Обычно она строила кадр снаружи: наводила, просила встать, сама оставалась за стеклом видеоискателя — безопасная, нужная, невидимая. Сегодня поставила камеру на низкий столб ограждения, проверила наклон, включила таймер и посмотрела на группу.

— Я войду, — сказала она. — Не снимайте без меня. И не поправляйте мне волосы. Пусть будет как есть.

Паша хмыкнул:

— Наконец-то. А то вечно мы как экспонаты.

Они встали тесно, без позы «для ленты». Денис чуть криво, руки в карманах. Соня с тетрадью под мышкой, потому что отказаться не смогла — привычка сильнее кадра. Миша — рядом с Варей, не вплотную, но достаточно близко, чтобы снимок знал: он здесь не случайно. Паша встал с края и успел показать динозавра на брелоке — глупо и правильно.

Таймер пискнул.

Варя шагнула в кадр в последнюю секунду — не идеально, чуть заслонив плечо Дениса — и замерла. Щелчок. Плёнка приняла их без магии, простой химией света. Никаких окон, которых нет. Просто вход в парк и люди, которые друг друга не вычеркнули.

Пока она снимала камеру со столба, Миша сказал, глядя не на неё, а на закрытые двери «Ракеты»:

— Слушай... когда всё это началось, я думал, что лучше вообще никому не нужен. Типа так безопаснее. Сейчас... ну. С тобой нормально. Типа я не против, если мы...

Он запнулся. Ушная раковина порозовела. Соня демонстративно отвернулась к Денису и громко спросила про картошку фри, давая пространство, которое сама когда-то не умела давать.

— Типа я не против, если мы потом... ну...

Телефон в его кармане зазвонил громко и по-семейному безжалостно. Мамин гудок — тот самый, который не признаёт кульминаций. Миша зажмурился, достал трубку.

— Да, мам... да, живой... да, с людьми... иду. Через полчаса. Ладно, через двадцать.

Варя не удержала короткой улыбки. Миша сбросил звонок, уже злясь на вселенную и одновременно смеясь одним углом рта.

— Короче, я хотел сказать...

— Сначала поговорим честно, — мягко перебила Варя. — Про ролик. Про то, что ты ещё не простил. Про то, что мне важно не стать удобной версией себя. А потом — если останется место — про «не против». Я не убегая. Просто не хочу строить это на недосказанности. Мы уже видели, чем недосказанность кончается.

Он посмотрел на неё внимательно и кивнул. Без обиды.

Почти с облегчением — будто тоже боялся договорить раньше времени.

— Договорились. Честно — тяжелее. Но лучше. Я подожду разговор. Не «никогда». Просто не сейчас через силу.

Соня крикнула уже без такта, потому что время такта кончилось:

— Эй, вы там романы пишете или идём? Денис утверждает, что у него есть ровно сорок минут до смены отца, и он не намерен опаздывать из-за ваших пауз.

— Идём, — сказал Паша и сунул руки в карманы по-старшекласснически неубедительно. — Только без голосований, куда идти. Я выбираю сам: фри.

Варя повесила камеру. На краю зрения моргнуло табло соседнего автобусного маршрута у поворота к промзоне. Секунду на нём горела остановка, которой не было ни на одной карте района — ни бумажной, ни в голове Дениса. Название вспыхнуло белым и погасло. Обычные цифры вернулись. Ветер качнул провод.

Никто кроме Вари, кажется, не заметил. Или заметил и решил не кормить это вниманием сегодня. Она не побежала проверять. Не достала блокнот. Не подняла камеру «на всякий случай». Просто запомнила: мир шире одной закрытой будки. И всё же их история здесь — в Речном — была закончена настолько, насколько подростковые истории вообще умеют заканчиваться: с ценой, с живыми людьми рядом и с кадром, в котором она наконец стояла сама.

Они пошли к «Маяку». Спорили, кто платит. Соня сказала, что платит список дел: у неё «фри» записано как награда за неуничтожение бюро. Все простонали. Настя нагнала их у перехода через дорогу и кинула Варя бумажку с номером ячейки — пустую, шуточную, с надписью «не используется». Варя скомкала и выбросила в урну.

— Шутки у нас теперь такие, — сказала Настя. — Лучше, чем голосования.

Миша шёл рядом и иногда смотрел так, будто хотел договорить. Варя смотрела в ответ: не сейчас через силу. Он кивал. Между ними оставалось пространство для честного разговора — не дыра, не ячейка. Просто потом.

Перед тем как его снова дёрнул телефон мамы «ты где», он успел сказать ещё одну короткую фразу без признания:

— Ты в кадре лучше, чем за ним. На сегодня хватит философии.

Варя закатила глаза и всё равно спрятала улыбку в воротник. Лёгкая линия осталась лёгкой — как и обещали сами себе.

У «Маяка» пахло фритюром и мокрым асфальтом. Они заняли столик у окна. За окном шёл обычный Речной. Варя сидела в середине — не за кадром — и слушала, как Паша спорит, чья порция больше. Спорить было можно. Значит, всё ещё работало.

Проект «Мой район» Варя сдавала уже с новым снимком: не пустой коридор, не улика, а группа у входа в парк. Учи-

тельница сказала «живой кадр» и поставила оценку без допросов. Варя впервые не захотела объяснять, сколько ночей стоит за «живостью».

Вечером того дня она почти открыла архив переписки с Лизой — и снова закрыла. Вместо этого написала Соне. «спасибо, что была свидетелем». Соня ответила стикером и списком «что ещё не закрыли». Варя рассмеялась. Их странная компания была именно такой: с тетрадами, страхом и картошкой фри.

Уже дома, перед сном, она положила камеру на стол не крышкой к себе, а объективом в комнату — глупый жест, но ей нравилось. Завтра можно будет снова войти в кадр. Или не войти. Главное — выбирать это вслух. Ей почти хватало того, что они есть — несовершенные, присутствующие, пока ещё не забытые.

Телефон завибрировал, когда она уже тянулась выключить лампу.

Лиза.

Не старое уведомление, не случайно всплывший архив. Новое сообщение. Сначала короткий текст:

«Варь, ты не спишь? Пожалуйста, ответь».

Потом сразу ещё одно, длиннее:

«Только не думай, что я поехала. У нас тут что-то странное. Гоша дошёл со мной до подъезда, мама видела нас в окне, но домофон не пустил его по имени. Вообще. Открылся только когда она вышла и позвала его с порога. И ещё...»

Варя села ровнее, уже

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.